АЗБУКА ВЕРЫ

Варнава Санин, монах

Духовная неотложка

Художественная литература · azbyka.ru

Духовная неотложка – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/duhovnaya-neotlozhka

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Духовная неотложка

Варнава Санин, монах

Оригинал

Создание книги
«Духовная неотложка»
осуществлено при участии
Николо-Радовицкого мужского монастыря

Неспокойные выпали годы:
Торжествует обман и вражда.
Ко Христу обратитесь, народы,
Ибо близится время Суда…

Игумен Виссарион (Остапенко)

Часть 1. Самое-самое о самом-самом (или ещё раз о смысле жизни)

Вечный вопрос

Смотрю на сорную траву
И думаю: зачем живу?
Зачем хожу, лежу, болею,
За годом год — увы! — старею,
Стою, сижу, читаю, сплю,
Терплю, завидую, люблю,
Зачем смеюсь и унываю,
С травы вот листья обрываю,
Дышу, надеюсь, пью и ем, —
Зачем?
Зачем?
Зачем?
Зачем?..

Остановка

Кирилл выбежал из подъезда красивой элитной многоэтажки — предмета зависти жителей известного областного города — в сильнейшем возбуждении.

Глаза его горели, словно у спортсмена перед стартом.

Руки были напряжены.

На лице написана готовность куда-то мчаться, спешить и что-то решительно делать.

В этом не было ничего удивительного.

В суете и спешке Кирилл пребывал всегда.

А как иначе?

Работа у него была такая, что постоянно требовалось решать массу неотложных проблем.

А сегодняшний день и вовсе был особенным.

За два часа ему нужно было почти одновременно, но строго последовательно решить в разных концах города пять дел.

И не каких-то там повседневно-обычных. А очень важных. От которых зависело его благосостояние лет на пять, а то и десять вперед, включая осуществление давней мечты — приобретение собственной престижной машины.

И которые он готовил без малого целый год.

Сначала он хотел заказать такси, но, посмотрев на часы, понял, что успеет на автобус.

Да и ему даже некогда было вызвать машину по телефону на дом.

Он очень торопился, одеваясь так, чтобы была соблюдена каждая мелочь — подходящий под цвет костюма с рубашкой галстук, ремень, дорогие часы, на которые сразу обращают внимание деловые люди, и в десятый раз, просматривая положенные в роскошную кожаную папку бумаги.

Казалось, все уже давно было предусмотрено и взято.

И, тем не менее, его не покидало ощущение, что он все-таки что-то забывает…

Так оно и случилось!

Уже спустившись на лифте до второго этажа, он неожиданно стукнул себя по лбу:

— Ах, я растяпа!

И яростно забарабанил по кнопкам, требуя лихорадочно задергавшуюся махину остановиться, из-за чего вообще едва не застрял в кабине.

К счастью, на этот раз (потому что бывали случаи, когда ему приходилось часами ждать прихода монтера) все обошлось благополучно.

Кирилл быстро поднялся назад и, порывшись во всех ящиках письменного стола, отыскал старую запыленную записную книжку с полузабытыми именами и телефонами, которые — как знать? — могли вдруг понадобиться при встречах…

Но, даже засовывая ее поглубже в портфель, он снова почувствовал, что все равно что-то забыл.

Причем, самое главное.

Но что?

Думать об этом было уже некогда.

Он опаздывал на автобус.

И… опоздал.

Выйдя за ворота кирпичного забора, который надежно окружал дом, он увидел, что от автобусной остановки только что отошел единственный идущий до нужного ему района автобус.

Следующий, насколько он знал и без расписания, должен был быть только через сорок минут.

Сначала он даже чуть было не топнул от досады ногой.

Но вовремя спохватился, вспомнив про свой представительский вид.

И подумал: не беда! Поедет на попутной машине.

А это даже быстрее и поможет ему выкроить лишних полчаса, чтобы по дороге решить еще одно вчерашнее, пусть не такое важное, но тоже нужное дело.

Он встал на краю тротуара и поднял руку.

Не помогло.

Ни одна из машин не остановилась.

Тогда Кирилл вышел на край обочины дороги.

Но странное дело: водители ехали мимо, словно не замечая фигуры парня, который сначала призывно, потом просяще и, наконец, умоляюще голосовал уже едва ли не на середине дороги.

Наконец, одна из машин повернула в его сторону и затормозила у автобусной остановки.

Кирилл радостно метнулся к ней и тут же получил сильнейший удар по ноге распахнувшейся дверцей.

Вышедшие из машины парень с девушкой участливо осведомились, не очень ли ему больно и не нужно ли чем помочь?

— Ничего, ничего! — изо всех сил не позволяя гримасе боли исказить лицо, прохрипел он.

Сунулся было в салон.

Но там сидела еще одна девушка, которой, судя по выражению ее глаз, было по пути не с ним, а с водителем, куда бы тот ни ехал…

Хромая, Кирилл отошел от машины и сел на лавочку под навесом.

— Надо было хоть номер машины записать! — желчно посоветовал проходивший мимо пенсионер.

— Зачем? — недоуменно пожал плечами Кирилл.

— А чтобы не ездили!

Настроение было — хуже не придумаешь.

Кириллу нужно было срочно возвращаться на дорогу и голосовать пачкой сторублевок.

Что-что, а это всегда помогало!

Но он почему-то не спешил с этим.

— Все суечусь, все спешу куда-то! Тороплю, тороплюсь без передышки… — потирая больную ногу, неожиданно для себя вдруг с раздражением подумал он. — Месяцы… годы такой жизни. И чего добился? Квартиры в элитном доме? Хорошо оплачиваемой работы с массой подработок? Если еще сегодня все удастся успеть — машины? А оно, если разобраться, стоит того?..

Кирилл вспомнил, как однажды чуть было не погиб из-за этой своей вечной спешки.

Он шел с одной встречи на другую.

Оставалось лишь перейти дорогу.

Но что-то — уже и не вспомнить что… хотя нет — кажется, он решил тогда купить цветы, потому что деловая встреча была с женщиной-предпринимателем, — заставило его замешкаться.

И вдруг, услышав крики ужаса, от которых заледенело сердце, увидел, что прямо на то место, где он, если бы не приостановился, должен был сейчас находиться, мчался цементовоз.

Дело было зимой.

Как раз после дождливой оттепели ударил сильный мороз, превративший землю в сплошной ледовый каток.

Желтый свет перед перекрестком загорелся на несколько мгновений раньше, чем ожидал торопившийся на строительный объект водитель.

Он попытался затормозить, но только потерял всякое управление цементовозом, и его юзом понесло прямо на тротуар.

Огромная, тяжелая машина с крутившейся бочкой со страшным грохотом ударилась о железобетонный столб, который тут же, прямо на глазах, изогнулся в большой вопросительный знак.

Словно ослепительные радужные искры, во все стороны полетели мелкие осколки разбитого лобового стекла.

Водитель, к счастью, не пострадал.

Все радовались.

И никто даже не подозревал, что радоваться было надо — причем, еще больше — о нем.

Как потом сказала ему соседка по старой коммунальной квартире, добрая одинокая старушка, услышав обо всем:

— Сам Господь спас тебя, отведя неминуемую беду!

И тут его словно осенило:

«Господь!»

…После того случая он какое-то время ходил в храм.

Ставил свечки.

Купил молитвослов и, как указано в нем, старательно молился, совершая утреннее и вечернее правило.

Однажды даже исповедался и причастился.

Священник, видя его усердие, дал понять, что, если так и дальше пойдет, то он скоро станет алтарником.

Но тут один знакомый познакомил Кирилла с нужными людьми, которые, в свою очередь, устроили его на эту работу с ее подработками.

И началась эта суета!

С летней березы рядом упал осенний лист.

«Странно, рано бы, вроде, еще листопаду!» — удивился Кирилл.

И вдруг вспомнил, что однажды прочитал, теперь уже не вспомнить в какой, духовной книге, что Господь настолько знает всё на свете и так печется обо всем, что даже лист не упадет с дерева без Его воли.

Эта мысль так поразила тогда Кирилла, что он ходил под ее впечатлением несколько дней. И только суета, как всегда, отвлекла его, и он вспомнил об этом только сейчас…

Через дорогу, по которой почти непрерывным потоком шли машины, на его глазах, быстрым шагом принялась переходить тоже, очевидно, куда-то спешившая женщина с ребенком.

Он у нее так рвался вперед, что мать, не выдержав, взяла его на руки. И, несмотря на истерику, которую поднял тот, заболтав ногами, крепко-накрепко прижала к груди и благополучно перешла на другую сторону.

Кирилл с облегчением посмотрел им вслед и усмехнулся.

«Вот так и я, как этот малыш! Все сам… сам… Лист с дерева и тот без воли Божией не падает! — словно время остановилось, и он никуда не опаздывал, принялся размышлять Кирилл. — А уж, что касается человека!.. Господь знает все, что я хочу. Он печется обо мне. Несет по жизни так бережно, как ни одна мать не несет своего ребенка. Он все видит! Все понимает. В любую минуту готов помочь. Но только — ведь не все для меня полезно. Если бы Ему было угодно, то я давно бы уже был на месте. И больше того, ехал на своей машине, а не ловил чужую! Но почему-то все делается именно так: что я сижу на этой остановке с больной ногой, не зная, что делать…»

«А впрочем, почему это не знаю? — вдруг понял он и, наконец, вспомнил, что именно забыл взять, вернее, сделать дома. — Знаю!»

Он забыл благословиться на дорогу и эти важные встречи у Бога. Взять у него благословение на начало благих дел. Как учила его никуда никогда не спешившая, но всегда во всем успевавшая, и наверняка — он сам вызывал к ней священника, который прособоровал и

причастил ее перед смертью — попавшая в рай соседка.

«Все, хватит суетиться! — решил он и, подняв почему-то разом повлажневшие глаза к небу, прошептал: — Господи, прости меня за то, что я все это время не доверял Тебе… прости, что всегда старался и теперь вот стараюсь делать все сам. По-своему. Хотя Ты гораздо лучше знаешь, что мне нужней и полезней. Прости и… благослови! Насколько я помню, Ты не разрешаешь нам клясться. Поэтому я просто отныне все предаю в Твою волю! Сейчас и навсегда!»

Едва Кирилл довел свою мысль до конца, как где-то совсем рядом раздался скрип тормозов.

Он вздрогнул, возвращаясь в этот суетный мир, перевел глаза на дорогу и увидел, что на обочине встало такси.

Окошко дверцы приспустилось, и в нем показалось лицо пожилого усатого водителя:

— Эй, парень! — весело прокричал он. — Что сидишь? Тебе куда?

— Мне? — прошептал Кирилл.

Он понял, что Господь услышал его и таким чудесным образом дал знать, что одобряет принятое им решение.

— Туда! — словно очнувшись, радостно показал он рукой вперед.

Сел в машину.

И… с тех пор успевал везде и всегда.

Даже рассказать мне эту историю!

* * *

Тропкой иду ль, что вьется

По полю без конца,

Воду ль пью из колодца,

Слаждшую леденца,

Слышу ль, как в небе птица

Первую песнь поет,

«Господи, да святится

Имя, — шепчу, — Твое!»

Думать в такое утро

Я о другом не мог.

Как устроил премудро

Этот мир для нас Бог!

И, возвращаясь с поля,

Слез, шепнул, не тая:

«Боже, да будет воля

Только одна — Твоя!»

Совесть

Раз сказала совесть человеку, что он не прав, другой, третий…

На четвертый он решил избавиться он нее. Да не на день или два — навсегда!

Думал-думал, как это сделать, и надумал…

— Давай, — говорит, — совесть, в прятки играть!

— Нет, — говорит та. — Ты меня все равно обманешь — подглядывать будешь!

Притворился тогда человек совсем больным и говорит:

— Занедужил я что-то… Принеси-ка мне из погреба молочка!

Не смогла отказать ему в этом совесть.

Спустилась в погреб.

А мужик прыг из кровати — и закрыл ее!

Позвал он на радостях друзей и с легким сердцем: одного обманул, другого обидел, а когда они стали обижаться, и вовсе выгнал всех вон.

И никаких тебе угрызений, никаких попреков — хорошо на душе, спокойно.

Хорошо-то хорошо, да только прошел день, другой, а чегото стало не хватать человеку.

И через месяц он понял чего — совести!

И такая тут тоска на него навалилась, что он не выдержал и открыл крышку погреба.

— Ладно, — говорит, — выходи! Только теперь не командуй!

А в ответ — молчание.

Спустился он в погреб: туда, сюда — нет нигде совести!

Видно, и впрямь, избавился от нее навсегда…

Зарыдал человек:

— Как же я теперь без совести жить-то буду?

И вдруг слышит тихий-претихий голос. Не из погреба — в сердце:

— Здесь я…

Позвал человек на радостях друзей, извинился и такой им тут пир устроил!

Все думали, что у него день рождения, и поздравляли его с этим.

А он и не отказывался, и совесть не возражала.

И совсем не потому, что боялась опять оказаться в подвале.

Ведь, если разобраться, так всё оно и было!

Земной предел (Александр Македонский)

Царь Александр стоял на гребне славы,

На всё земное глядя свысока.

Пиры, театр и прочие забавы

Вокруг лились, как щедрая река.

Напрасно верный Птолемей с Селевком

Туда манили каждый день его.

Ему приятней было быть под древком

Удачливого стяга своего.

Среди роскошных вавилонских зданий

Он ясно понимал, что в этот миг

Предела человеческих желаний

И даже еще большего достиг.

Да, были трудные сраженья и походы,

Но все они закончились одним:

Эллада и Восточные народы

По-рабски преклонились перед ним!

Пройдя победно по чужим дорогам,

Он стал, в конце концов, царём царей,

И — сверх того — в Египте признан богом!

Что большего желать судьбе своей?..

Взирая на людей, как с пьедестала,

Царь мучился от чувства одного:

Чего-то ему явно не хватало…

И он никак не мог понять — чего?..

Пойти с войсками до конца Востока?

Или разрушить этот Вавилон —

Он превратится в пыль в мгновенье ока…

Но будет ли насыщен этим — он?

Да и в войсках уже скучнеют лица:

Давно пора, мол, нам домой идти!

Так что он должен здесь остановиться,

И до конца Востока нет пути…

В итоге Александру стало ясно:

Он — властелин людей и даже бог,

Которому, казалось, всё подвластно,

На самом деле — ничего не мог…

Он царь и бог — лишь только для порядка,

А так ничем не лучше всех людей.

И это подтверждала лихорадка,

Что с каждым часом становилась злей…

Царь, покачнувшись, под победным древком,

Устало лёг, как раб после труда,

И закричали Птолемей с Селевком,

Беду почуяв: «Лекаря сюда!»

Врач, бедного больного донимая,

Всё новые лекарства находил

И, ничего уже не понимая,

Беспомощно руками разводил.

«Я сделал даже больше, чем умею,

Забыл про сон, давно не пью, не ем… —

Шептал он огорчённо Птолемею. —

Но царь за жизнь не борется совсем!»

А царь смотрел, как на него глядели

С тоской друзья, и быстро угасал.

«Зачем и жить, когда нет больше цели?» —

То ли подумал он, то ли сказал…

Пиры, театр и прочие забавы

Забыты были разом. Шли войска

Перед угасшим на вершине славы

Царём, как полноводная река.

Шли смерть не раз видавшие мужчины,

И ни один из них понять не мог:

И почему без видимой причины

Ушёл так рано царь царей и бог?..

Адирай

Посвящается рабе Божией Надежде Дерзновенко, много сил и здоровья положившей на то, чтобы основать издательство «Духовное преображение»…

Работы по строительству уникальной Тибурской виллы в окрестностях Рима подходили к концу.

Император Адриан[1], известный филэллин, которого еще в детстве за то, что он лучше всех знал и любил греческую культуру, называли греченком, души не чаял в этом своем любимом детище.

Тем более после того, как последний, построенный по его замыслу храм Венеры и богини города Рима — Ромы был раскритикован за неудачные пропорции знаменитым архитектором из Дамаска Аполлодором.

Великий знаток и ценитель всего прекрасного — потом уже говорили, что за пять веков существования Римской империи никто из императоров не умел так наслаждаться искусством, — Адриан лично создавал архитектурный проект, и поэтому сам придирчиво следил за ходом строительства.

С небольшой бородкой — до этого цезари тщательно брили щеки и подбородок, но у Адриана на щеке был небольшой шрам, и он вынужден был отрастить ее, чтобы скрывать его, —

император стоял перед созданной его воображением и руками тысяч лучших, согнанных со всех концов Римского мира строителей.

И мог быть вполне довольным собой.

Проект, действительно, был грандиозен.

Вилла, словно огромный музей мирового зодчества, воспроизводила различные архитектурные стили.

И, точно земля в миниатюре, воссоздавала уголки самых разных стран.

Чтобы ничего не упустить, император повелел сделать в ней даже подземное царство!

Казалось, все было учтено им.

И, тем не менее, император был недоволен.

Чем дальше шло строительство, тем больше ему казалось, что чего-то в этой вилле не хватает до полной ее завершенности.

Но чего?..

Вокруг императора толпились вельможи — все, как один, тоже с небольшими бородками.

Седые сенаторы… Увенчанные боевыми наградами легаты… Молодые, тщеславные всадники…

Как всем им, вместе взятым, было далеко до одного-единственного, цепкого на взгляд и мужественного на язык Аполлодора.

Одно слово — льстецы!

Трудно было найти у таких объективной поддержки и здравого совета.

— Восхитительно!

— Бесподобно! — только и слышалось вокруг.

— Архитектурный гений цезаря учел здесь все!

— Мир никогда не видел и не увидит ничего подобного!

Император знаком велел следовавшему за ним рабу поставить на землю передвижное кресло с зонтом.

Сел в него, не обращая никакого внимания на переминавшихся с ноги на ногу подчиненных.

И мрачно углубился в свои мысли.

Вокруг воцарилась полная тишина.

И далеко не случайно!

В последние годы характер императора сильно испортился.

Многие из ближайшего к нему окружения, кто за дело, а иные вовсе ни за что поплатились из-за него своими жизнями.

Возможно, виной тому была сильно мучившая Адриана подагра. А может, все больше донимавшие мысли, кому передать в наследство огромную империю, вместе с этой виллой? Жена цезаря, Сабина, отношения с которой не сложились почти с самого начала их супружеской жизни, была бесплодной, и выбор переходил от одного кандидата к другому.

Главный критерий здесь был не ум или нравственные качества, а — безупречная красота.

Увы, как он хорошо знал на примере утонувшего во время купания в Ниле прекрасного юноши Антиноя, своего наложника, которого держал при себе, как живую статую — красота не вечна. И теперь, видя, как его очередной преемник Элий Вер угасает прямо на глазах, в случае кончины того он решил действовать во благо государства, которое ставил превыше всего, и усыновить Антонина[2]. В этом кандидате хоть и не было такой блестящей красоты, как у его предшественников, но редким образом сочетались природное обаяние, философский ум и добрые нравы.

Это принятое недавно решение, точнее — сам высокий, здоровый Антонин тоже сильно раздражали Адриана сейчас.

Впрочем, так было всегда. Он ненавидел всех, кому собирался передать власть, как будущих императоров.

И теперь открыто высказывал неприязнь к новому, которая могла закончиться даже казнью Антонина.

Зная это и предчувствуя, что кончина самого Адриана близка, его уже вовсю обхаживали и заслоняли собой от глаз императора наиболее дальновидные вельможи…

Все это Адриан замечал и в другой момент мог дать всю силу своей природной жестокости.

Но теперь ему было не до этого.

Он никак не мог найти мучившую его загадку — чего именно не хватает в этой проклятой вилле!

Так бывает, когда вдруг забудешь какое-нибудь слово. Кажется — вот оно, рядом, так и вертится на языке. А — нет! Не ухватишь…

Только один раз, совсем недавно, ему показалось, что он ненадолго вплотную приблизился к разгадке.

Это было во время суда над приведенными к нему на допрос христианами.

Точнее, христианками.

И если быть совершенно точным, Адриан не так, конечно, как Пифагор, но все же преклонялся и перед математикой — то над тремя детьми с их матерью.

Совсем еще девочкой Любовью, чуть старше ее Надеждой и почти уже девушкой Верой.

Мать их звали Софией.

Да именно так — он хорошо запомнил это, потому что очень любил и часто использовал в разговорах слово «софия», означавшее на греческом языке — «мысль» или «мудрость».

Но как же оно, по его полному убежденному мнению, не соответствовало этой женщине!

Во-первых, она неразумно воспитала, привив им с младенчества веру в распятого на кресте, словно последнего раба, их Бога, которого они именуют Христом.

Дав надежду на вечное блаженство после жизни.

И любовь к смерти ради этой надежды в Христа!

Разумеется, как справедливый и благородный правитель, а также самый образованный и умный в мире человек, каким, не без оснований, считал себя Адриан, он попытался вразумить, спасти этих девочек.

«Дети, — сказал он им. — Мне жаль вашей молодости и красоты, и, как отец, я советую вам: поклонитесь богам всемогущим. Если вы послушаетесь меня, то я приму вас вместо дочерей своих. Перед начальниками городскими, царедворцами и моими советниками назову дочерьми, и вы будете всеми уважаемы и чтимы. Если же не хотите, то опечалите старость матери своей и погибнете в злых мучениях в таких годах, когда вам следует наслаждаться жизнью и всеми ее благами! Послушайте меня, я даю вам добрый совет, ибо полюбил вас и не желаю лишить вас жизни, но желаю видеть вас моими детьми!»

И что же они ответили?

«Отцом имеем мы Бога небесного! Он хранит жизнь нашу, и Ему принадлежат наши души. Его любви мы желаем и Его детьми называться хотим, Ему поклоняться и Его повеления исполнять. Твоих же богов мы презираем и не боимся угроз твоих, потому что с радостью готовы умереть за истинного Бога!»

И мать, поморщился император — нет, чтобы воспрепятствовать детям идти на верную смерть, остановить их, наоборот, умоляла терпеть до конца и помянуть ее во царствии Отца их Небесного, чтобы Он милостив был к ней и не лишил ее вечного пребывания с ними в раю!

«В раю… гм-мм… в раю!» — вспомнил Адриан.

Именно это слово, казалось, вплотную приблизило его к разгадке того, чего не хватает вилле.

Заманчиво было бы, конечно, построить под ее потолком или даже над ним — технически это вполне осуществимо — Олимп.

Но что там изобразить внутри: пирующих, погрязших в разврате, интригах, спорах и вечных войнах — Зевса, Ареса, Гермеса, или на римский манер, Юпитера, Марса, Меркурия…

К тому же, от всех этих олимпийских и нынешних, официальных богов, которым сотни лет искренне поклонялись люди, если говорить разумно, остались лишь прекрасные статуи.

И мало кто из людей верит теперь в них всерьез.

Сейчас даже тем богам, которые заслуживают доверия, да и самому гению императора многие лицемерно приносят жертвы, чтобы считаться благонадежными для государства людьми.

Упорствуют до конца лишь эти христиане.

За что он, собственно, после долгих увещеваний, и отдал поочередно палачу этих девочек.

А мать и казнить не стал.

Она, как он решил, и без того достаточно наказала себя видом смерти своих дочерей.

И, судя по всему, в конце концов, просто сошла с ума, потому что даже радовалась, глядя на их страшные муки и безвременный конец под мечом палача.

Адриан просто велел отпустить ее, и, как ему донесли, на третий день она умерла на их общей могиле.

Так что — стоит ли после всего этого даже думать об их рае?

Тяжело поднявшись на больные ноги, император еще раз обошел всю виллу и пробормотал:

— И все-таки чего-то в ней явно не хватает для полной симметрии, а, следовательно, и гармонии! Но не того же рая, о котором, помните, говорили мне те самые христианки, которые одна за другой погибали на глазах их безумной матери?

— Конечно же, нет! — принялись поддакивать бородатые, как император, вельможи,

— Виданное ли это дело?

— Твоя архитектура безупречна!

— Это предел того, что может земное искусство!

При слове «земное» Адриан как-то странно посмотрел на говорившего, еще раз надолго задумался и безнадежно махнул рукой.

Так и не найдя того, что безуспешно искал с самого начала проекта, он принял, наконец, окончательное решение.

К бурной радости вельмож и строителей император официально объявил, что строительство виллы закончено.

И отправился отдыхать.

Только — не радостный и по-хорошему усталый, как это бывает после долгой и трудной работы.

А совсем постаревший, хромающий от донимавшей его подагры.

И — вконец недовольный.

Почему?..

Ну почему мы, никак не пойму,

Вроде, неглупые люди,

Молимся Богу, а служим тому,

Кто дал веревку Иуде?

И отчего, мне еще не понять,

Вроде бы все понимая,

Мы не стремимся спасенье принять,

Вечную смерть принимая?..

Живой родник

Вчерашний вечер не вернуть уже,

И завтрашнее утро нам не ясно.

Все наше — на сегодняшней меже,

А остальное Господу подвластно.

Но суетимся, бегаем, спешим

И строим планы Вавилонской башней,

Чтоб завтрашнее (если совершим!)

Осталось только в памяти вчерашней.

Нам для спасенья дан лишь этот миг.

А мы всю жизнь кружим вокруг да возле,

Не видя то, что есть живой родник

Меж недоступных людям «до» и «после»!

* * *

Что хвалишься собой, красивый?

Краса — что летняя роса.

Тебе б рыдать, как плачут ивы,

Стонать, как в ураган леса!

Что хвалишься здоровьем, крепкий?

Оно у нас не навсегда.

Всех, как стареющие ветки,

Согнут болезни и года.

А ты, что хвалишься деньгами?

В могилу их с собой не взять.

Пойдешь с духовными долгами

Туда, что страшно и сказать!..

Но мы горды тем, что одели,

Как выглядим, и с кем сидим,

Не зная, что на самом деле

Безумством хвалимся своим!

* * *

Облетает сад жизни моей.

Ничего не поделаешь — осень!

Журавли вереницами дней

Потянулись в последнюю просинь.

Сладкой горечью пахнут костры

Из листвы ненасущного хлеба.

Искры дел, как они ни быстры,

Тают, не долетая до неба…

Из-за сваленных на пол плодов

На корзину похожа терраса.

Хорошо отдохнуть от трудов

В ожидании зимнего часа!

Но, собрав урожай без досад,

Я забыл — да напомнила осень! —

Что лишь Бог знает, был ли мой сад,

Как я думал всегда, плодоносен?

Первая учительница

Повела давным-давно бабушка Марии Семеновны (которая сама уже стала бабушкой!) своих внучат в храм, через поле да лес — в город.

Как раз праздник большой был.

Не тот, что с красными флагами.

И фальшивыми лозунгами на транспарантах.

А настоящий — церковный.

Школу, разумеется, пришлось пропустить.

Потому что была суббота.

А в понедельник…

Гневу учительницы, которая узнала обо всем от самой Маши, потому что та с детства была отучена лгать, не было границ.

— На улице — скоро середина двадцатого века, — не то что говорила — кричала она. — А они вздумали в церковь идти! И к кому? К Богу, Которого, как давно доказала наука, нет! А ну-ка, дети, повторяйте за мной: «нет, нет, нет»!

И все тычет, тычет пальцем в то место на парте, откуда, упрямо сцепившая губы, чтобы не повторять то, что требовала учительница, первоклассница Маша едва успела вынуть свою чернильницу.

Я уже думал, что это конец рассказа.

Но нет.

— Встретилась недавно она мне… — печально вздохнув, вдруг сказала Мария Семеновна. — Моя первая учительница. Разговорились. Из школы она тогда почти сразу ушла. Вскоре после того случая у нее сильно разболелась рука. Кстати, та самая, которой она тыкала тогда в отверстие для чернильницы… Так разболелась, что ее у нее отняли. Дали инвалидность. Муж бросил. Дети, едва оперились, тоже отказались с ней жить. Даже в гости к себе не зовут. Как теперь жить, чем? Пыталась я ей объяснить. Но вот беда. Хоть уши есть — да не слышит. Все кого-то и что-то обвинить в том, что ее жизнь не сложилась, хочет. И пошла она дальше. Жалкая. Озлобленная. Одинокая. Без Бога-то каково жить?

Мария Семеновна зябко передернула плечами.

И, как никогда надолго, ушла в свою комнатку.

Наверняка молиться за нее.

Пусть и учившую ее совсем не тому и не так…

Но все же — свою первую, что там ни говори, учительницу.

Обман

Как уводили нас от Бога —

За годом год, десятки лет,

Уча со школьного порога,

Что Бога не было и нет!

Как уводили нас от веры,

Икон, молитвы и Креста,

Считая дни от новой эры,

А не от Рождества Христа!..

И мы без истинного Света,

Взрослея, становились злей.

О, Господи, прости за это

Обманутых учителей!

* * *

Я без Христа с друзьями рос,

Не знал о Павле и о Тарсе.

Нас больше волновал вопрос,

Есть или нет ли жизнь на Марсе?

О, эти школьные звонки!

С утра к знакомому порогу

Мы мчались наперегонки —

Куда?.. Зачем?.. Увы, не к Богу!

* * *

Мы все были обмануты когда-то.

Такая уж нам выпала пора!

И, отмечая праздничные даты,

Не ведали, кому кричим «Ура!»...

Но, слава Богу, вроде, откричали.

Да вот беда: на зов «Христос воскрес!»

Теперь мы почему-то замолчали.

А Он-то ведь — воистину воскрес!

Аргумент

Встретились на юбилейной встрече выпускников два старых школьных приятеля.

Старых — увы, в прямом и переносном смысле.

Солидный и полный Георгий Иванович Сысоев — когда-то отличник Жорка, или, как его чаще звали за то, что он всегда что-то жевал, доставая из своего невероятно толстого портфеля, — Обжорка. И, наоборот, высокий и худощавый, с небольшой острой бородкой, вечный троечник Стас — теперь Станислав Петрович Говорков.

Они оба впервые за все время после окончания десятого класса попали на подобное мероприятие.

И вообще встретились друг с другом.

Подошли, точнее, их словно заново познакомили те, кто не пропускал этих встреч, оторопело посмотрели друг на друга.

И каждый про себя с грустью подумал, что его друг постарел до неузнаваемости, и только ему удалось сохранить хотя бы следы безвозвратно минувшей молодости.

К счастью, давно забытые, но навсегда впитавшиеся в память запахи школы, ее звуки, ступени, звонок, который беспрестанно трясли восторженные, как дети, взрослые люди, быстро отогнали от них эти мысли и вернули в давнее милое детство.

Сначала они крепко поздоровались за руки. А потом — уже совсем по иному глядя друг на друга и улавливая в чертах лица, движениях тех, знакомых Жорку и Стаса, принялись обниматься.

— Надо же, совсем, как у Александра Дюма Старшего — тридцать лет спустя! — восторгался Георгий Иванович.

— Не понял? — вопросительно взглянул на него бывший Стас.

— Ну, помнишь, я у тебя все свои иностранные марки со старинными монетами выменял на два романа этого великого французского писателя: «Десять лет спустя» и «Двадцать лет спустя»?

Георгий Иванович говорил обстоятельно, стараясь не пропускать в разговоре ни одной важной детали.

Станислав Петрович, наоборот, быстрой небрежной скороговоркой уточнил:

— Все так, но только — сначала было двадцать, а потом уже десять лет спустя!

— А я их всегда путаю, — небрежно отмахнулся бывший Жорка. — По логике вещей и математическим законам сначала ведь идет десять, а потом двадцать!

— Ну и зануда ты стал! — покрутил головой Станислав Петрович. — Не зря мы тебя профессором кислых щей дразнили! Не подвел нашу родную школу? До доктора наук или хотя бы кандидата — дотянул?

— Дотянул, — добродушно кивнул Георгий Иванович. — И даже перетянул немного. Академиком нескольких академий стал. В Советском Союзе, потом в России, за рубежом. В одних действительным, в других — почетным…

— Вот это да! — с восторгом посмотрел на него бывший Стас. — Слушай! Так твой портрет надо тогда повесить рядом с этими гениями науки!

Он голосом бывшего Стаса и прежними жестами, — вот только вихров на голове не осталось, а то бы Георгию Ивановичу показалось, что рядом с ним действительно стоит тот самый его друг — показал на стену физического кабинета, где висели знакомые со школьной парты портреты великих людей.

— Ну, куда мне до них… — с деланной скромностью, но, тем не менее, довольный такой похвалой, пробасил он. — И что это мы все обо мне, да обо мне! Ты-то сам что? Как? Где? Что пропал после школы?

— Окончил училище. Был офицером. Две звезды на погонах, — коротко объяснил Станислав Петрович.

— Подполковника? Или… генерал-лейтенанта? — с уважением посмотрел на него школьный друг.

— Да нет, лейтенанта…

— Что ж так мало?

— Было б и больше. Ранение помешало.

— Так ты был — там?

— Да, в Афганистане…

Они немного помолчали.

— Ну а потом? — выждав деликатную паузу, продолжил Георгий Иванович. — То есть теперь?

— Теперь живу в Подмосковье. Получаю пенсию по инвалидности. Подрабатываю таксистом. На жизнь хватает. В свободное время помогаю детям и жене нянчить внуков. Хожу в храм.…

— В храм? Ты что — в Бога веришь?! — засмеялся Георгий Иванович. — Вот новость, так новость! Стас Говорков, который на самом верху нашей полуразрушенной колокольни — выше всех, помнишь — свое имя написал, верит в Бога?!

— Да, — без улыбки, серьезно ответил Станислав Петрович. — Верю.

— Давно?

— К сожалению, не очень. Лет пятнадцать. С тех пор, как крестился. А колокольню, правда, в другом городе, но тоже то, что от нее осталось, вот этими руками восстанавливал! Искупал, так сказать, давний свой грех!

— Надо же… — покрутил толстой шеей Георгий Иванович. — Никогда б не подумал! И откуда у тебя это?

— Если честно, то все началось, как ты говоришь «там». Где многие, оказавшиеся на той дикой войне, поверили в Бога. Ну, а потом, когда в стране начали открываться храмы и стали доступными запрещенные до этого книги о Боге и вере, принялся читать их. Задумался всерьез… Покаялся за всю прошлую жизнь и начал новую. Как говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский, во Христе!

— Если бы ты задумался всерьез, то никогда бы не пришел к выводу, который сделал! И тем

более, к последовавшим за ним действиям! — авторитетно перебил Георгий Иванович. — Ну разве можно человеку двадцать первого века верить в то, что несколько тысяч лет назад написано в Библии?

Станислав Петрович с упреком посмотрел на него:

— Ты, как многие, и Библию-то, наверное, ни разу в глаза не видел! А уже критикуешь ее!

— Почему? Читал! — возразил Георгий Иванович. — Сначала, правда, «Забавную Библию», когда вел атеистический кружок. А потом, это уже когда стали открываться храмы и вопросы студентов стали посерьезней, пришлось и подлинную изучить.

— Ну… и? — выжидательно посмотрел на него Станислав Петрович.

— Что и? — передразнил его бывший Жорка. — Для меня главное — аргументы. Я же ведь тебе говорил, что я — ученый! Меня на мякине не проведешь! Вон, как, например, их!

— Их? — улыбнулся Станислав Петрович и, взяв лежавшую на доске указку, показал ею на портрет Исаака Ньютона. — Вот он, например, безоговорочно верил в Бога! Так же, как и эти великие ученые Кеплер, Паскаль…

— Средневековье! — снисходительно поморщился Станислав Петрович.

— Да? — перебегая к другой стене, крикнул бывший Стас. — А что ты тогда скажешь о них? Живших в совсем недалеком от нас девятнадцатом, а то и двадцатом веке: Вольта, Ампер, Эдисон, Макс Планк.

Указка только мелькала в его руках.

— А Дарвин? — забирая ее, показал на портрет английского естествоиспытателя и победно вопросил Георгий Иванович.

— И даже он! — не сдавался Станислав Петрович.

— Да-а? — скептически протянул Георгий Иванович. — А как же тогда его теория эволюции или происхождения видов на земле, которая, если допустить, что человек произошел от обезьяны, в корне подрывает все то, чему учит Библия?

— Во-первых, заметь, теория, а не закон! — остановил его Станислав Петрович. — Который раздули в угоду политикаматеистам уже его ученики. А, во-вторых, когда у него самого спросили, а кто же находится во главе всей этой его системы, знаешь, что он ответил? Бог!

— Где ты научился всему? — недоверчиво косясь на бывшего троечника, осведомился Георгий Иванович. — Насколько я помню, нам об этом ни здесь, ни в университетах не говорили! А уж тебе в военном училище — тем более!

— Еще бы! Там все говорилось наоборот. И в этом была вся наша беда. Потому, что философ Бэкон, прости, его портрета здесь нет, говорил, что главной причиной неверия в Бога является наше отсутствие знаний о нем! Что же касается того, чему нас учили, то, немного переделывая слова Грибоедова, спрошу: а учителя кто?

— Как кто? — возмутился Георгий Иванович. — Многому научившие нас и желавшие нам только добра люди. За что я бесконечно им благодарен.

— Да это так. Я тоже. Но это были сами обманутые и потому невольно обманывавшие нас люди. Ведь тот же великий педагог, которого они считают классиком, но главные слова которого упорно замалчивают, Ушинский говорил, что учителя, не верящего в Бога, и близко нельзя подпускать к детям!

— И все равно, прости, не хочу задевать твоих религиозных чувств, в вере, которую ты исповедуешь, столько противоречий, несуразностей, доходящих до полного абсурда, что я считаю эту дискуссию несостоятельной и беспредметной! — с неожиданным злым упорством выкрикнул Георгий Иванович, становясь все меньше и меньше похожим на добродушного Жорку-Обжорку.

— И в чем же ты видишь ее беспредметность? — серьезно уточнил тоже переставший быть похожим на прежнего Стаса — Станислав Петрович.

Их уже торопили проходившие мимо люди. Звали в актовый зал, где должно было быть самое интересное и, как с многозначительными улыбками намекали Георгию Ивановичу, вкусное.

Но, судя по всему, любившему и теперь вкусно поесть академику было сейчас не до этого.

Он пожевал полными губами и язвительно спросил:

— Ну, например… Что же твой Бог, если Он такой добрый и справедливый, в притче о приглашенных на пир, пригласил одного человека в гости, а когда увидел, что тот сидит за столом не в праздничной одежде, велел выгнать его и мало того — после еще самым суровым образом наказать?

Станислав Петрович, терпеливо выслушав, уточнил:

— Ты в какой области академик?

— Во многих!

— И по исторической части тоже?

— Нет, гуманитарные науки — не по моей части.

— Ну, вот это тебя и подвело! — подытожил Станислав Петрович. — Ты просто не знаешь обычаев Древнего Востока.

А, согласно им, приглашая на званый пир, где, кстати, не сидели за столами, а возлежали на ложах перед столиками, царь выдавал каждому подобающую для пребывания пред его очами одежду. А этот пренебрег тем, что вручали ему у входа, по царскому повелению, слуги. Да еще и прощения не попросил! Вот и получил, что заслуживал! Что ты на это скажешь?

— Да, это действительно, аргумент! — не скрывая удивления, согласился Георгий Иванович и с интересом спросил: — А вот, что ты мне можешь сказать на то, что однажды Христос…

Он хотел что-то добавить.

Но тут, сопровождаемые бывшей ябедой Нинкой, а теперь заслуженной учительницей Ниной Степановной, к ним подошли другие бывшие ученики, крепкие сильные мужчины.

— Потом договорите! — строго сказали они.

И, растащив школьных друзей в разные стороны, порознь повели в зал.

— Я тебе свои телефоны дам! — только и успел крикнуть Георгий Иванович. — Мобильный, домашний…

— Да-да! — ответил ему Станислав Петрович. — Мы с тобой еще обязательно встретимся и договорим!

И они действительно встретились, и не раз…

Поговорили.

Обсудили все, до единого, аргументы.

И дело кончилось тем, что Станислав Петрович стал крестным отцом своего бывшего друга, хотя крестные полагаются только для младенцев.

Но, если разобраться, то Георгий Иванович, несмотря на свое академическое звание и весомые ученые должности, действительно тогда еще был младенцем.

Духовным!

На берегу

Золотою уздечкой

Лёг на волны рассвет.

Встало солнце над речкой —

Слава Богу за свет!

На струю переката

Ива бросила тень.

Словно сеть, до заката —

Слава Богу за день!

Волны бьются о камни…

О, земная юдоль!

Ты, как эта река мне, —

Слава Богу за боль!

В ожиданье прохлады,

Когда станет невмочь,

Вспыхнут в небе лампады —

Слава Богу за ночь!

И хоть жизнь мою ветер

Песней вдаль унесёт,

Как прекрасно на свете —

Слава Богу за всё!

Самое главное

Ходила женщина во время службы по храму.

Свечки ставила.

К иконам прикладывалась.

— Что же это вы людей от молитвы отвлекали? — совсем не строго, хотя и мог это сделать, спросил у нее после службы священник. — И вообще — когда на месте, едва дыша, стоять положено, весь храм обошли!

— Ой, а я и не знала, — смутилась женщина. — Нас ведь этому не учили!

— Так на других бы смотрели, как они себя ведут, — посоветовал батюшка. — И то, что поют на клиросе, слушали!

— А я и церковнославянский язык не понимаю…

Священник внимательно посмотрел на женщину и уточнил:

— Вы сколько классов закончили?

— Почему это классов? — слегка приосанилась та. — После средней школы — училище и два института!

— Похвально, похвально! — одобрил священник. — Значит, и иностранные языки, наверное, знаете?

— А как же! Три в совершенстве! Ну… и еще, как говорится, со словарем два. Я ведь несколько лет за границей работала. А потом — референтом у директора крупнейшего завода…

— Вот видите, — не слушая дальше, с грустной улыбкой подытожил священник. — Столько всего изучили. Столько сил положили… А на самое главное времени-то и не хватило! Ну ладно, 60-70-е годы, когда нас действительно не учили вере, а только всеми полуправдами и неправдами отвращали от нее. Но сейчас-то… Храмы восстановлены из руин. Их двери — призывно открыты. В иконных лавках — столько духовной литературы! В ней — ответы на все вопросы! В том числе, и как правильно вести себя в храме. И учебные пособия по церковнославянскому языку. Причем, самые что ни на есть понятные и доступные! Так что какие могут теперь быть оправдания? Что мы, которым дано теперь всё для знания нашей родной православной веры, сможем ответить Господу на Страшном суде?.. «Не знаю» и «не учили» в качестве оправдания уже никак не пройдет. Вот что поистине страшно…

В голосе священника, вокруг которого собралось немало людей, зазвучала открытая боль.

— Вы не подумайте, я уже не о вас говорю, — обращаясь к женщине и затем к ним, сказал он.

— Вы, слава Богу, сейчас в храме, отстояли всю службу… А говорю я, к сожалению, очень и очень о многих… Которые почти не заходят, а то и вовсе не ходят сюда. На все у них времени хватает, кроме… храма! И если даже зайдут, то частенько проходят мимо душеполезных книг. Одним денег жалко. Хотя на вредные сладости и лишние вещи — тратят гораздо больше. Другие их просто не замечают. Дескать, мы и сами с усами!

Долго еще говорил священник.

Так, что получилась, как бы, вторая за службу проповедь.

Внимательно выслушала ее женщина.

Даже поражалась, что, оказывается, не знала раньше столь ’ очевидного и — прав, прав батюшка! — действительно самого главного…

Зашла она после этого в иконную лавку.

Купила полную сумку книг.

И не зря ведь столько училась!

Хотя, как это выяснилось, и не совсем тому…

Выработанный за годы учебы навык осваивать даже самый сложный материал быстро помог наверстать ей упущенное.

И всего через месяц она сама уже пела в церковном хоре!

* * *

Последний листок уходящего лета

Ещё зеленеет среди желтизны,

Как сладкая горечь о песне, что спета,

Как горькая сладость далёкой весны.

Вот так же, наверно, и день мой последний

Напомнит однажды, сверкнув в седине,

О том, что когда-то поистине летний

Срок жизни был дан для спасения мне…

Два гугола

Давно…

Еще до крещения вычитал я в одной ученой книге, что есть такое предельное число — гугол.

Если не ошибаюсь, 10 в сотой степени.

Больше этого числа нигде и ничего не может быть.

Даже всех песчинок во всей Вселенной.

Если бы их кому-нибудь удалось сосчитать.

Узнал я про этот гугол.

И такую он навеял на меня безысходную тоску.,.

Так зябко и одиноко сразу стало жить в этом, как мне казалось тогда, беспощадно жестоком и беспредельно огромном мире, в котором после смерти должно, навсегда затерявшись, погаснуть мое сознание…

Что я эту книгу — и то поставил в самое дальнее и незаметное место своей библиотеки.

А о гуголе даже и вспоминать не хотел!

Но вот, уже после святого крещения, когда в сердце начинала входить вера, уже в другой — православной — книге я снова встретил его!

В статье, где очень обстоятельно и убедительно говорилось об абсолютной невозможности случайного (как это с самого детства учили в школе) зарождения жизни.

О том, что вероятность такой случайности — гораздо больше, чем тот, старательно позабытый мной к тому времени, гугол.

То есть, 10 в огромной степени.

Намного большей, чем в сотой.

И значит, вся изобретенная учеными-материалистами вероятность становилась гораздо меньше, чем ноль.

И такую радость принес мне тогда тот же самый гугол!

От этого, еще одного неоспоримого подтверждения, что в нашей вере все — истинная правда.

Подтвержденная даже весьма ограниченными земными мерками.

Так хорошо и уютно стало на свете, где после жизни — только начиналась новая, вечная жизнь!

Что я поставил эту книгу на одно из самых видных и главных мест…

Ради Христа

Узнал человек из одной духовной книги, что только дела, ради Христа творимые, помогают стяжать благодать Святого Духа.

А значит, только они важны для спасения.

И решил отныне все делать именно так.

Хочется кого-нибудь осудить.

Но ради Христа — не буду.

Так бы и взял то, что плохо лежит.

Ради Христа — не стану.

Полежать бы, понежиться вместо того, чтобы сделать добро.

Нет, ради Христа — встану и сделаю.

Тянет на старый грех.

Ради Христа — приложу все силы, чтобы не впасть в него!

И так всё и вся — ради Христа.

На словах всё было просто и ясно.

А как только дошло до дела.

Вот тут он и понял евангельскую истину, что Царствие Божие — со времени спасительного Прихода в мир Иисуса Христа нудится — то есть, огромным трудом берется!

Тем не менее, выдержал человек целый день.

До самого вечера впервые в жизни все дела творил не из чувства гордыни, не в угоду сребролюбию, самолюбию, тщеславию и множеству прочих страстей…

Не для чего-то земного.

Пусть это даже старые немощные родители, жена или дети.

А — ради Христа.

Который за ними стоит.

Сделал все.

Перевел перед сном дух.

И озадаченно покачал головой:

«И так надо жить всё время?!»

Открыл снова книгу.

Внимательно перечитал ее.

И понял:

Да.

Ради Христа!

И — собственного спасения…

Зимняя проталина, или Новая притча на старый лад[3]

Лежал на тротуаре человек.

Давно лежал.

Даже снег под ним, потемневши, оттаял.

— Скорую бы надо вызвать! — старательно обходя его, с сочувствием говорили одни люди.

— Какую скорую — милицию! — возмущались другие. — Он же наверняка пьян!

Те и другие очень спешили.

Кто на работу.

Кто с детьми в детский сад.

Кто по другим неотложным делам.

И только вышедшая в булочную за хлебом Елена ничего не сказала.

Она быстро сбегала домой.

Взяла из старого шкафа оставшееся от покойного отца почти что не ношенное пальто.

Все собиралась продать его, да никак не могла: какая-никакая, а — память.

Но тут — разве можно было жалеть о чем-то?

Да она особо и не размышляла над этим.

Просто снова выбежала на улицу.

С трудом приподняла мужчину, подложила под него это пальто.

Прислонила к стене.

Отец ее, к счастью, был высоким, поэтому хватило и для спины.

А затем вызвала сразу и скорую, и милицию.

И правильно сделала.

В чем-в чем, а в одном проходившие мимо люди были правы: мужчине действительно понадобилась и та, и другая.

Хотя он совсем не был пьян.

Просто, как выяснилось, хулиганы-грабители ударили его сзади по голове чем-то тяжелым.

Избили, так как он, будучи крепким, попытался оказать им сопротивление.

Сняли шапку.

Дубленку.

Часы.

Выскребли из карманов костюма все, что только там было.

И, разумеется, скрылись в неизвестном направлении.

Так он и лежал на снегу, постепенно отогревая его и замерзая сам.

Пока по звонкам Елены не приехали две машины.

Врач из скорой, оказав мужчине первую помощь, тут же уехал.

Милиция, составив протокол, тоже сразу умчалась на новый вызов.

И опять около понемногу приходившего в себя человека осталась одна Елена.

Она велела ему ни в коем случае не снимать это пальто.

Тем более что оно оказалось ему как раз в пору.

Потом дала ему денег на автобус.

Но, подумав: ну как он, такой, в нем доедет?

Добавила на неслыханную для себя роскошь — такси.

Хотя ей самой трудно жилось.

Одной, с двумя маленькими сыновьями.

Так трудно, что порой дальше некуда.

Денег часто не хватало даже на хлеб.

И, тем не менее, голодными они никогда не были.

Как будто кто-то невидимо помогал ей.

Это теперь она хорошо знает, что — Сам Бог!

А тогда, будучи еще далека от веры, каждый раз только удивлялась этому.

И всё недоумевала:

«За что? Почему?..»

Высшая мера

Он без Христа никак не мог.

Во всём и всем ему был Бог.

И тут за жизнь по вере

Его вдруг — к высшей мере!

Правда, судья сказал потом:

Он должен искупить трудом…

Но что — было не ясно,

А уточнять — опасно!

И шёл по множеству дорог

Кому во всём и всем был Бог:

Голодный, полуголый.

Махал киркой тяжелой…

Он был смиренный, как никто.

Его же били: а за что —

Опять не говорили,

И только били, били…

Один-единственный предлог

Для истязателей был: Бог!

И много подтверждений

Для горестных суждений.

Он поменял немало мест,

И всюду первым делом крест

Срывали, что из щепок

Бывал и так не крепок…

И он понять никак не мог:

За что так ненавистен Бог

Всем тем, кто рушил храмы

И полнил ими ямы?

«Не осуждай врагов своих! —

Сказал сосед. — Ведь через них

То — Господи, помилуй! —

Творится вражьей силой!»

И он тогда просил, как мог,

Чтобы помиловал их Бог,

И вновь махал киркою

Слабеющей рукою.

А после шел он на расстрел.

И, хоть пожить еще хотел,

В последнюю дорогу

Во всем предался Богу!

И не оставил его Бог,

И умереть ему помог.

Спасаясь из неволи.

Он не услышал боли.

Освобожденная душа

Рванулась к Господу, спеша,

Где Бог в Свои объятья

Принял её с распятья!

И тот, кто без Христа не мог,

Вдруг понял, что дарует Бог

Ему — за жизнь по вере:

Блаженство в высшей мере!

«Богач»

— Ну, вот я, наконец, и богач! — обессиленно опустившись на скамейку в сквере перед крупнейшим банком страны, прошептал молодой человек с умным волевым лицом. Бережно вынул из нагрудного кармана кредитную карту. Веря и не веря своим глазам, оглядев ее со всех сторон, тихо засмеялся: — Богач!..

И только тут заметил ютившегося на краю скамьи сгорбленного пожилого мужчину со старым потертым рюкзаком за спиной.

Тот сидел, углубившись в свои мысли до того, что даже губы у него шевелились, и тоже, как видно, не замечал появившегося рядом соседа.

— А что было в нем замечать? — усмехнулся молодой человек.

Это сегодня он был одет, как большинство людей, так же, как они, ездил на метро, дожидаясь маршрутки.

А уже через час у него будет все, что он пожелает и что ему теперь положено: другая одежда, самая лучшая машина, да что машина — свой самолет, личная охрана, роскошный номер в гостинице, который он будет снимать, пока купит себе коттедж на Рублевке. Да! Еще пару особнячков на берегу океана…

На кредитке ведь не написано, единицу со сколькими нулями скрывает она в себе!

«Надо же, — ошеломленно покрутил он головой: — Получилось!»

Несколько раз ему в отчаянии казалось, что всё рухнуло, распались с таким трудом собираемые в одно целое, разве что только теоретически соединяемые, порой просто параллельные, линии.

Но нет, в конце концов, в самый последний момент все они вдруг сошлись, соединились в одну жирную точку в длинной, сложной и — откровенно говоря — немного криминальной истории, которая разом вывела его, ни много ни мало, в долларовые миллионеры!

Несмотря на то, что день выдался пасмурным, стылым, настроение было, словно вовсю светило яркое солнце.

Молодой человек пребывал на самом верху земного блаженства.

Радость так переполняла его, что он даже испугался, что не выдержит ее сладкой тяжести, если немедленно не поделится ею с другими.

Это завтра, чтобы не повторить печальную участь быстро растратившихся богачей, он будет вести счет не то что каждому центу, но даже копейке.

А сейчас он мог позволить себе сделать так, чтобы не только ему, но и другим было хорошо.

Ну, хотя бы вот этому явно нищему, сидевшему рядом человеку.

Много ли надо такому?

Он достал из кармана пухлое портмоне. Захотел отсчитать сначала две-три сотни рублей, потом, расщедрившись — две три сотни долларов, но вдруг, махнув рукой, словно прощаясь с прошлым, подсев к мужчине, протянул все портмоне.

— Вот, возьмите!

— Что?.. — с испугом взглянул на него тот.

— Берите-берите! — успокоил его молодой человек. — Это мои личные, честно заработанные!

— Да вы что! Тут же так много…

— Ничего! Теперь не обеднею!

— Надо же, — прошептал пожилой мужчина, заглянув в портмоне. — Я давно привык к

чудесам. Но такого… Ведь я только что молил Бога, чтобы Он хоть когда-нибудь сподобил меня побывать на Святой Земле. И вот вы подали сейчас столько, что эта совершенно несбыточная для меня мечта стала явью!

— И вы что, действительно, поедете туда вместо того, чтобы год-другой нормально пожить и поесть? — удивился молодой человек.

— Конечно!

— Но… зачем?

— Помолиться!

— Но молиться, насколько я знаю, можно везде, даже на этой лавке! — возразил молодой человек и кое-как перекрестился.

— Простите, — даже испугался за него пожилой мужчина. — Но вы ведь неправильно креститесь!

Он показал, как нужно осенять себя крестным знамением.

Молодой человек последовал совету и неумело перекрестился.

— И не так торопясь… — снова приостановил его пожилой мужчина.

— Хорошо, хорошо… — согласился молодой человек. — Так?

«Ладно, — подумалось ему, — сегодня он еще мог последовать совету других.

А завтра…

Завтра все будет иначе.

Уже другие будут слушаться его советов.

Нет, не советов.

А — приказов, распоряжений!»

— Вот теперь правильно! — тем временем одобрил пожилой мужчина и продолжил свой разговор: — Так что я, как только оформлю поездку, сразу туда, где две тысячи лет назад ходил по земле палестинской — Сам Христос!

— Ну что ж, — не стал возражать молодой человек. — Хоть сам я, честно говоря, в Бога, как вы, не верю, но вполне допускаю, что Он все-таки есть! Поэтому уж помолитесь там обо мне. Во-первых, чтобы был здоров! А то зачем больному богатство? А, во-вторых, чтобы богатство мое еще умножилось!

Нет, не просто умножилось, а, говоря по-вашему — преумножалось!

— И это все?

— А чего еще можно желать? Все остальное у меня уже есть! — засмеялся молодой человек и похлопал по нагрудному карману, где лежала кредитка.

Пожилой человек как-то по-особенному, словно впервые видя, поглядел на него и, немного помолчав, сказал:

— Однажды, это было очень давно, во время моих самых первых шагов к Богу, я попросил одного монаха помолиться об одном очень близком мне человеке. И знаете, что он ответил?

— Что?

— А этот ваш человек — готов выдержать те трудности, а может, даже и скорби, которые придут к нему после этого?

Молодой человек вздрогнул и с тревогой спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

Он быстро соображал.

И много знал.

Иначе бы и не сумел добиться такого богатства.

Пожилой мужчина, наоборот, был медлителен и обстоятелен.

— Понимаете, — неторопливо стал объяснять он. — Все дело в том, что когда человек находится в богатстве и добром здравии, когда его со всех сторон окружают слава и почести, ему, как правило, некогда, да и незачем вспоминать о Боге. О том, что кроме этой жизни потом будет другая — вечная. И от того, как мы проживем ее — зависит все наше будущее, а не нынешнее, только мнимое счастье. А Бог как раз хочет человеку именно настоящего, вечного счастья. Более того, высшей его степени — блаженства! И для этого либо Сам по Своей неизреченной милости, а еще чаще — по молитвам других — посылает человеку скорби…

— Скорби? — торопливо переспросил молодой мужчина. — Вы уже второй раз говорите о них. А что, собственно, вы подразумеваете под ними? До этого я полагал, что скорбь — это когда кто-нибудь умирает.

— Нет, почему? — возразил мужчина. — Это могут быть болезни. Вплоть до самых тяжких, неисцельных. Лишение славы. Потеря богатства…

— Как вы сказали? — переспросил новоявленный богач, невольно закрывая ладонью нагрудный карман, словно защищая его. — Богатства?..

— Да. Лишаясь его или здоровья, человек словно приходит в себя. И начинает слышать Бога. А потом и идти к Нему. Что в свое время случилось и с вашим покорным слугой! Когда, будучи известным спортсменом, — вы наверняка, еще мальчиком, не раз видели меня по телевизору — но, увы, совершенно далеким от веры, я, к счастью, получил серьезную травму и опасно заболел. Думаю, это случилось по молитвам покойной матери. Тогда я словно очнулся от какого-то угара, каким была тогда моя жизнь. Стал не только слушать, но и слышать о Боге. И вот с тех пор иду к Нему. Езжу по святым местам. В монастыри на престольные праздники…

Пожилой мужчина помолчал и, видя, что его собеседник неожиданно стал чем-то обеспокоен, сказал:

— Ну ладно, простите, если сказал что не то. Спаси вас Господь за столь щедрую милостыню. Я

буду молиться о вас везде, где только сподоблюсь побывать, и так горячо, чтобы Бог услышал меня!

Пожилой мужчина встал со скамейки, поудобнее устроил за плечами рюкзак и направился в сторону метро.

Несколько мгновений молодой человек соображал, что к чему, и вдруг крикнул ему вдогонку:

— Эй, вы! Стойте! Вернитесь!!!

Мужчина покорно остановился, возвратился к скамейке и, понимая этот зов по-своему, без тени осуждения, протянул уже нагретое в руке портмоне.

— Нет, это оставьте себе! — отмахнулся от него молодой человек. — У меня к вам другая просьба. Вы вот что… вы не молитесь там обо мне! И помните, это не просто просьба. А мое распоряжение! Приказ!

И это было действительно так.

С этой минуты для него уже началась другая жизнь…

Дом на песке

В роскошный дом, не знавший недостатка,

Священника хозяин пригласил,

Чтоб, так сказать, для большего порядка

Его тот хорошенько освятил!

Священник, мудрый старец со смиреньем,

Был лести чужд и не сребролюбив.

«А что это?» — как будто с удивленьем,

Спросил он, дверь в гостиную открыв.

Там, во всю ширь огромного экрана

Убийца наводил свой пистолет…

И на него восторженно с дивана

Смотрели дети самых нежных лет!

Сказал священник: «Телевизор надо

Нам выключить бы, судя по всему!»

«Ну, если это нужно для обряда… —

Сказал хозяин. — Только почему?»

«Мы будем призывать Святого Духа,

Чтобы Он здесь, сейчас сошел на всех, —

Ответствовал священник. — А для слуха

И зрения убийство — смертный грех!»

Хозяин, поразмыслив, согласился.

И, несмотря на яростный протест,

Экран погас. А батюшка пустился

На тщательный осмотр и прочих мест…

«А это что? Распутницы нагие

Висят у вас как будто на стене?»

«Это — картины очень дорогие.

Подаренные в дни рожденья мне!»

«И в детской, погляжу я, не зверушки

И куклы, а — чудовища у вас!»

«Это детей любимые игрушки, —

Сказал хозяин, — модные сейчас!»

«Вы знаете, — добавила хозяйка, —

Они живут теперь совсем другим!

И плюшевые — мишка или зайка —

Уже давно не интересны им!»

Она мельком на батюшку взглянула,

Не зная, что сказать и что спросить,

И незаметно мужа подтолкнула:

«Ты что не мог другого пригласить?»

А старец, как ни в чем и не бывало,

Не поднимаясь только на чердак,

Все осмотрел от крыши до подвала.

И подытожил строго: «Значит так!»

Он перечислил всё, что было нужно,

Чтобы святым стал дом, здесь изменить,

И тут все дети заявили дружно:

«Как жили раньше, так и будем жить!»

Хозяин тоже был смущен немного:

«Я это и предположить не мог!..»

Ну, а хозяйка, та на редкость строго,

С усмешкой подвела такой итог:

«Вместо картин — иконы в нашем зале?!

Нас ведь и гости могут навещать!

Нет, если делать всё, как вы сказали,

То лучше дом совсем не освящать!»

«Тогда, — промолвил старец, — уж простите!

На нет, как говорят, и спроса нет…

Живите, — он добавил, — как хотите!»

И вышел как из тьмы на Божий свет.

Хозяин подмигнул жене сердитой:

«Не этот — так другого позовём!»

А вслух сказал священнику с обидой:

«Мы вас сейчас обратно отвезём!»

Но что была для батюшки дорога?

Он с сожаленьем думал лишь о том,

Что, отказавшись от защиты Бога,

Совсем без Бога оставался дом…

Машина громко оглашалась пеньем,

Таким, что и сказать я не берусь…

И он промолвил тихо, со смиреньем:

«Я уж и сам, простите, доберусь!»

Был путь — за пересадкой — пересадка…

И вскоре затерялся вдалеке

Роскошный дом, не знавший недостатка,

И то, что он построен… на песке!

Две судьбы

Встретились два человека.

В зале ожидания, на вокзале.

Случается же такое: больше тридцати лет не виделись.

А тут сели в ожидании своих поездов на одну и ту же лавку.

Взглянули друг на друга.

И:

— Ты?

— Я!

— А это… ты?

— Ну, а кто же еще, по-твоему?

Вскочили.

Обнялись.

И потекла быстрая — вот-вот должны были подать на посадку их поезда — беседа.

Первый с упоением стал рассказывать о том, как удачно сложилась его жизнь. Доктор наук. У власти. Вице-губернатор одной из не самых маленьких областей. Состояние — иной олигарх позавидует. Только зачем говорить о том всем? Мало кто знает об этом. Но тебе, как давнему друга детства можно… Что? Думаешь, почему, если такой богатый, тогда на поезде едет? Ответ прост. Охрана есть, только она за нами сейчас издалека наблюдает. А на самолете страшно летать. Тем более, что тут не так уж и долго. В одноместном купе и не заметишь, как будешь на месте.

— А что, разве бывают одноместные купе? — удивился второй.

— Нет, но я, как всегда, занимаю два места! А ты?

— А я, как всегда, в плацкарте.

— Что — жизнь не сложилась?

— Да нет, скорее, наоборот. Жена, дети. Внуки… Скромный, но, чтобы не мучила совесть, труд. Все слава Богу. И слава Богу за всё!

— Да ты что?! Так жить по нынешним временам! И кому — моему другу детства?! — с искренним огорчением за второго воскликнул первый. И, прямо на ходу, строя грандиозные планы, принялся предлагать: — Слушай, а давай вместе с семьей перебирайся ко мне! Бросай в урну свой плацкартный билет, пересаживайся ко мне на второе свободное место. За женой и детьми — я кортеж с мигалкой пошлю! Что на меня так смотришь? Я ведь и сам в этом заинтересован! Свой человек, да еще такой порядочный, как я сразу же понял — ты, в большом бизнесе, связанном ко всему прочему и с политикой — это большая редкость. Ну, что молчишь? Поехали! Будет тебе квартира, машина… Я тебе одну из своих фирм подарю. Всё у тебя будет!

Второй улыбнулся.

И, уклоняясь от прямого ответа, спросил:

— А помнишь, как мы с тобой в детстве на поле взрослый старинный крестик нашли? Ты еще его тогда, как более сильный, себе присвоил. Сказал, что когда вырастешь — обязательно будешь его носить!

— Это ты к чему? — недоуменно взглянул на него слегка сбитый с толку первый.

И тут уже второй прямо сказал:

— Надеюсь, ты теперь и правда его носишь?

— Зачем? — в конец изумился первый. — У меня и без того все есть! Пара вилл у заграничного моря, титул английского графа, а сколько квартир и машин в России — я как-то давно уже не считал…

Он говорил, говорил…

Второй, куда более расстроенный за него, только вздыхал и слушал.

А я, оказавшись случайным свидетелем их встречи, время от времени посматривал на них.

И вспоминал мудрые слова из проповеди святителя-исповедника и великого врача Луки (Войно-Ясенецкого).

Которые прочитал давно.

Но запомнил на всю жизнь:

«Первые христиане того почитали несчастным, кто знает всё и не знает Бога. Того блаженным, кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого».

Что можно добавить к этим мудрым словам?

Только одно.

Что не только судьбы двух старых друзей.

Но и их скорые поезда — скоро пошли в противоположные стороны!

Основа жизни

Ну, чего еще мне в жизни надо?

И чего еще от жизни нет, —

Если есть икона и лампада:

Древний лик и благодатный свет?

А еще родник молитвослова

В душу льет живых глаголов вязь…

Жизнь полна, когда ее основа —

С Господом невидимая связь!

Лекарства для души

Пенсионер Крапивин так часто и долго болел, что уже просто жить не мог без лекарств.

И давно уже унывал от этого…

Казалось бы не самый удачный пример для духовного назидания.

Но именно это помогло ему прийти к вере.

Произошло это так.

Долгое время Крапивин не мог понять, почему так любящий нас Бог попускает людям болезни, страдания, да и другие потери и скорби?

Ведь не только ему одному плохо.

Но и вокруг что творится!

Собственно, это и мешало ему принять святое крещение.

Хотя и подумывал об этом неоднократно.

Но вот заболел он однажды очередной болезнью.

Да такой, что понял: дальше уже никак нельзя.

А что если действительно всё то, что говорят и пишут (даже ученые!) о Боге — правда?

Во-первых, страшно. Еще бы — уйти после смерти в ад.

Мало, что ли, при жизни мучился?

Так еще — и навечно!

А, во-вторых, говорят, что все это полезно не только для души. Но и для тела!

Что на том этапе для него было особенно важно.

Поехал он прямо из больницы в ближайший храм.

Объяснил священнику, что и как.

Не умолчал и о своих давних сомнениях.

И тот, во время огласительных бесед[4], видя, что может лучше всего помочь заблудившемуся в трех соснах своего разума человеку понять причину его ошибочных рассуждений, спросил:

— Вот вы принимаете таблетки?

— Да! — сразу же оживился Крапивин.

Ведь его, как любого больного человека, хлебом не корми, дай только поговорить о своих болезнях!

А батюшка продолжал:

— Иной раз жгучие, горькие… А еще терпите боль при уколах, неприятные ощущения во время капельниц, процедур…

— Да! Да!

— А зачем?

— Как это зачем? — даже удивился наивности такого вопроса Крапивин. — Чтобы выздороветь!

— Правильно, — согласился священник. — Вот так и тут. Только речь идет не о телесном, то есть, временном, здоровье, а о духовном — вечном!

Разом все понял Крапивин.

Ведь до того, как стать инвалидом, директором овощной базы работал.

Где быстро соображать приходилось.

Что, кому и куда.

И чтоб то, что осталось, не пропало.

Просиял.

И стал после этого жить, с одинаковым пониманием, как из руки Божией, принимая болезни и радости, как горькие и сладкие лекарства, только уже — для души!

Наша беда

О, высота торжественных минут!..

Диакон про небесных птиц читает.

Которые не сеют, и не жнут,

И все-таки поют: Господь питает!

Про лилию — вершину красоты.

Подумать только: Бог цветок прославил!

О, лилия, не трепетала ль ты,

Когда тебя в пример Он людям ставил?

Одно беда: под высотой минут

Кротами наши мысли землю роют, —

Пока сердца, как дети, к Богу льнут,

Умы уже на завтра планы строят!

Тень утраты

Стою между рассветом и закатом.

Промчится белокрылой птицей день,

И время, равнодушное к утратам,

Отбросит его в память, словно тень.

Замру между закатом и рассветом,

И чернокрылой птицей мрак ночной —

Зимой попозже и пораньше летом —

Устало пролетит передо мной.

За утром — вечер, с месяцем-лучиной.

За ночью — день, в объятиях проблем.

Живу между рожденьем и кончиной,

И хоть бы раз подумал: а зачем?..

Часть 2. Основа спасения (или призыв к покаянию)

Каюсь!..

Светлой памяти известного
композитора и певца
Александра Барыкина

Я на колени опускаюсь,

За всё и вся себя кляня,

И — каюсь,

каюсь,

каюсь,

каюсь —

Нет грешника грешней меня!

Какое зло я не соделал,

Каким грехом не согрешил,

Смертельным для души и тела?

Сколько я жил, столько грешил!

За часом час — одно и то же…

И вдруг сегодня из груди

Рванулся крик: «О, Боже! Боже,

Прости, помилуй, пощади!..»

Я каюсь,

каюсь,

каюсь —

каясь,

Того не зная, может, сам,

Что, на колени опускаясь,

Я поднимаюсь к Небесам!

Неизвестный певец

Каюсь!

Если от волнения скажу что не то или не так…

Но постараюсь начать по порядку.

Сегодня уже нет той давней традиции, которая существовала в первые века христианства.

Когда кающийся выходил на амвон и громко, перед всем народом в храме, называл все свои грехи.

В первую очередь — самые тяжкие.

Теперь, наоборот, чтец в то время, когда священник исповедует кающихся, громко читает, чтобы не было слышно ни одного слова…

И вдруг на всю страну, прозвучало — громко, звонко, с надрывом и болью, как умел это делать он:

«Каюсь!»

Это был Александр Барыкин.

Исполнявший со сцены Кремлевского Дворца песню на стихи, которые, уж признаюсь читателю, я сам, после тяжкого греха, писал на коленях…

Каюсь…

Ровно 10 лет назад протоиерей Олег Богданов, благодаря которому вышла самая первая книга моих «взрослых»[5] стихов «Плач по России», сообщил мне из Набережных Челнов, что подарил эту книгу Александру Барыкину, написавшему на них несколько своих песен.

И дал номер его телефона.

Я, разумеется, позвонил.

В трубке, к моему удивлению, послышался неожиданно тихий, едва слышимый и хрипловатый (я ведь привык к звучным и громким песням Барыкина) голос.

Так мы познакомились.

И вскоре стали друзьями[6].

А тогда он пригласил меня на свое выступление в концертном зале Храма Христа Спасителя..

И сказал, что там подарит мне свой новый диск «Молись, дитя!»[7], в который вошли три песни на мои стихи.

Я сказал, что он может использовать также и другие мои стихотворения.

Но Александр умел быть вежливо-категоричным.

— Я не умею писать музыку на готовые тексты, — возразил он. — Исключения очень редкие. Если слова как бы сами становятся песней. Точнее, когда в этом помогает сам Бог! Как вот и в нашем случае — кажется, получилось —

Получилось, да так, что я сам был свидетелем того, как слушая одну из этих песен «Каюсь» — плакали, да что плакали — рыдали — люди.

Православные…

Мусульмане…

И вообще далекие от любой веры…

А сам Александр однажды признался, что это — самая лучшая песня, которую он написал и исполнил в своей жизни.

— А как же «Букет» на стихи великого Николая Рубцова? — с недоумением уточнил я.

— Ну, то совсем другое… — задумчиво покачал головой он и уклонился от прямого ответа.

Каюсь…

Потом была наша первая встреча у него дома.

Он тогда очень строго постился и подолгу молился.

И я, привыкший видеть на телеэкране совсем другого Барыкина, был просто радостно поражен этому. Тем, что вижу перед собой совершенно незнакомого мне певца.

А для него само собой разумеющимся было — каждое воскресенье и на церковные праздники ходить в храм.

Выстаивать все службы.

Исповедоваться.

Причащаться.

Правда, порой старая волна рок-музыки относила его в сторону.

И на очередной мой звонок-поздравление с церковным праздником, он с удивлением спрашивал:

— Да? А с каким?

И, помолчав, с огорчением признавался:

— Надо же… Опять ушел на страну далече…

А потом опять возвращался на духовную родину.

С каждым разом все надольше, прочнее.

Каюсь…

Бывали между нами и размолвки.

Точнее, только одна.

Во время которой, чтобы, по его мудрому решению (зная мой, да и свой вспыльчивый характер), нам не расстаться вконец, мы общались исключительно при помощи смс-сообщений.

Это случилось после того, как он, пригласив известнейших рок-музыкантов страны, записал в студии песню на мои стихи:

Русь моя, Россия,

Испокон веков…

С припевом:

Русь моя, Россия,

Родина моя…

Это был тот случай, когда столкнулись две несовместимые вещи: стихи на духовную тему и рок-музыка.

И разряда молнии было не миновать.

Сам Александр спел свой куплет так, что и придумать нельзя лучше.

А вот остальные…

Не в силах изменить манеры своего пения, они так исказили некоторые слова, что те стали близки к кощунству для уха православного человека.

И в конце песни с полминуты, под рожок, вообще слышалось нечто похожее на языческое камлание…

Саша в этом, пусть и не сразу, но был тоже согласен со мной.

Но не мог, особенно поначалу, и не защищать интересов своих музыкальных коллег.

«Ведь они же старались изо всех сил и сделали все, что смогли! Тоже радели о России!» — с болью в голосе теперь уже не пел, а говорил он.

Каюсь…

После этого, к счастью, очень короткого перерыва наши дружеские отношения стали еще более крепкими.

Он с присущей ему горячностью планировал переиздать диск «Молись, дитя» и дать мне много…

Очень много экземпляров.

Разумеется, так же, как это намечал сделать и он, для раздарки.

Но неожиданно позвонил протоиерей Олег и сказал:

— Александр Барыкин в реанимации. Что-то с сердцем. Молись…

Сколько же священников и монахов…

Сколько православных мирян молилось о нем тогда!

Я тут же, через всех знакомых и незнакомых мне людей, принялся разузнавать — где он и что с ним.

И с облегчением узнал, что у него только микроинфаркт.

То есть, не совсем безнадежное дело.

Дал смс-сообщение:

«Как только придешь в себя — отзовись!»

И вскоре услышал его голос.

Он слабо еще говорил, что как только выпишется из больницы, сразу же и надолго поедет к себе домой.

Приглашал, как всегда, к себе.

А потом просто начал засыпать меня длинными смсками с сочиненными прямо в больничной палате стихами.

Почти в каждом в них он каялся, радовался вновь подаренной ему Господом жизни и говорил о Боге…

О том, что без Него все — ничто!

Это была самая настоящая поэзия.

И — как жаль, что в спокойной уверенности, что потом всё это, при встрече, возьму у него в письменном виде, я стер их из памяти телефона, загруженного уже так, что он мог не принять новых сообщений.

И не переписал их перед этим сам…

Каюсь…

Потому что вскоре, позвонив ему, я услышал его голос не на фоне тишины его дачного дома, а под перестук вагонных колес.

— Как! Ты в дороге?! — только и ахнул я.

И услышал:

— А что же мне остается? Ведь для того, чтобы писать и выпускать главное, в том числе и диск «Молись, дитя», нужно давать концерты, выступать по телевизору и обслуживать корпоративные вечеринки. К тому же мне надо думать о тех, кто работает вместе со мной… И кто ждет от меня помощи…

То есть, до последнего он думал о Главном и о материально зависимых от него людях.

А потом был звонок от еще одного моего друга, который был тоже хорошо знаком с Александром Барыкиным.

Голосом, сразу не предвещавшим ничего хорошего, он трудно и долго произнес:

— Только что в интернете сообщили: умер Александр Барыкин.

Царство тебе Небесное, Саша!

Каюсь!

От врачей, а также от близких родственников умерших людей я слышал, что, каким бы тяжелым ни был больной, в последние часы или мгновения (кому уж как сподобит Господь) у него внезапно начинается облегчение и просветление.

Даже глухие иногда начинают слышать.

А немые говорить.

Конечно, такое случается не со всеми…

А по особому Промыслу Божьему.

Но, так или иначе, каждому, кто еще может (или даже уже не может!) покаяться перед смертью, Бог дает этот последний спасительный шанс.

А также читал, что святые говорили: кто призовет в самое последнее мгновение имя Иисуса Христа или Пресвятой Богородицы, тот и будет с ними навечно.

Как же бы я хотел, чтобы это было и с Александром Барыкиным.

Чтобы в самое последнее мгновение жизни — говорить он тогда, конечно, уже не мог — он смог хотя бы мысленно произнести одно только слово из, действительно, самой лучшей его песни:

«Каюсь…»

Глаголь

Пророк в дверь дома моего

Стучался день за днями.

Но я, как в древности, его —

То палкой, то камнями!

Тогда он сам вошел в ночи

И начал от порога:

«Лежи, и слушай, и молчи,

Ты, позабывший Бога!»

Я, молча слушая, лежал.

Пророк гремел глаголом:

«Ты — лгал, блудил и обижал,

Жил, как во сне веселом!

Пора проснуться, наконец,

И в путь пуститься новый,

Ибо спасительный венец

Не мягкий, а терновый!»

«Прощай!» — под утро он изрек.

И я взмолился, то есть,

Спросил: «Как звать тебя, пророк?»

И он ответил: «Совесть!»

Родинка

Лежал в центральной больнице большого города один очень богатый человек.

Под стать ему была палата.

Ее оборудовали специально для мэра, но так как тому некогда было болеть, то в ней обычно лечились родственники или друзья заведующего больницы или те, кто в состоянии был ее оплатить.

Ведь это была не палата, а настоящие апартаменты.

Две комнаты.

Одна, чтобы в ней лечиться и спать.

Вторая — с пальмами в кадках и роскошными креслами с удобным диваном — для приема посетителей и деловых разговоров.

И еще кухня.

С холодильником.

Микроволновой печкой.

И столом — с тарелками, приборами и салфетками.

Лежал в ней, лежал этот человек.

И вдруг однажды устал от одиночества.

Да и особая причина на то имелась.

Вышел он в холл.

Подсел к сидевшему на покрытом заплатами старом диване больному человеку с одной ногой.

Как водится в таких случаях, они без всяких там церемоний познакомились, разговорились.

Пожаловались друг другу на свои болячки.

Богатый человек сказал, что прежде он был совершенно здоров. Не умел даже анальгина от аспирина отличить.

До того, как в одном подмосковном городе на него однажды напали грабители.

— И много хоть денег забрали? — с сочувствием покачал головой инвалид.

— Да деньги не жалко, — небрежно отмахнулся богач. — Главное, что здоровье отняли. Теперь раз в год, если не два, приходится в больницах лежать. А мог бы ведь и вообще погибнуть. Если бы меня буквально не спасла от смерти одна сердобольная женщина. Мне бы ее за это сразу отблагодарить достойно. Но — ни имени, ни фамилии я не знал. Откуда? Я первое время даже не то, что улицы — города, где это случилось, не мог вспомнить. Меня ведь эти грабители по голове чем-то тяжелым ударили… Хороший, наверное, был удар. Как только домой, до Москвы, добрался — словно свет перед глазами погас. А когда память вернулась, и я по своим милицейским каналам восстановил, где это произошло — ее там уже не было. Комнату, оказывается, в полуподвальном помещении снимала. Нищенствовала с двумя детьми. И куда подалась дальше — никто мне не смог сказать. А жаль. Я ведь ее на всю жизнь бы тогда обеспеченной сделал!..

Богатый человек немного помолчал.

А потом, прикрывая почему-то рукой щеку, продолжил:

— Но, собственно, я вам совсем другое хотел рассказать. Вы представляете, какое чудо сегодня со мной случилось…

— Чудо — это если бы у меня вторая нога снова выросла! — перебивая, отмахнулся на этот раз уже инвалид и с пренебрежением добавил: — Что хотите со мной делайте — но не верю я ни в какие чудеса.

— Я бы тоже не поверил, — не вдаваясь в пустые споры, вежливо согласился богач. — Но посудите сами. Вот здесь, — показал он себе на щеку и снова закрыл ее, — у меня с детства была родинка. Во время бритья я всегда старался обходить ее стороной, чтоб не поранить случайно. Особенно, после того, как пару раз, задумавшись или отвлекшись, срезал ее начисто.

— О, это очень опасно! — сразу же оживился, услышав такую, более близкую для себя подробность, инвалид.

— Да не в том дело, — поморщился богатый человек. — Она, как ни в чем не бывало, отрастала снова! Вы лучше слушайте, что дальше было! Вчера вечером глядел я в окно, простите, своей одноместной палаты. А вид там, скажу, не то, что отсюда. Прямо на белокаменный храм. Весь такой — подсвеченный, словно светящийся изнутри…

— Да, не скупится наш мэр на зряшнее электричество! — проворчал инвалид. — Уж лучше бы нам, пенсионерам, велел эти деньги дать!

Словно не замечая этого — ему главное было сейчас выговориться, богач продолжал:

— И вдруг ни с того ни с сего стал я думать о предках. О том, где их души теперь? Ведь им не дано уже, как мне, видеть этот храм, в который так легко при жизни зайти, помолиться, исповедать свои грехи, причаститься и — очищенным Богом, уйти в Вечность. Многие ли из них смогли так прожить и окончить свой путь? Вряд ли. И такая тут жалость подступила к сердцу, что, верите, я, который всегда считал, что из меня никогда не выдавить ни слезы — заплакал! И стал просить у Господа прощения их грехов, молиться о тех, кто жил до меня, родителей, бабушек, дедушек, пра-пра-прадедов, за весь свой род, от самого, что ни есть, его основания… За всех своих родственников, живых и усопших… Знакомых… друзей… наконец, за

ту самую женщину, о которой уже говорил. Ну — что спасла мне однажды жизнь…

— Вы же сказали, что молились только лишь за свой род! — с ехидной усмешкой напомнил инвалид.

— А я и не отрицаю, — не стал отпираться богач. — Но постепенно, тоже не знаю, почему, круг тех, за кого я молился, стал расширяться. Он делался все шире, шире… И потом, в конце концов, — прервал он себя сам. — Все ведь мы — дети Адама и Евы! Но и опять-таки я хотел рассказать не об этом…

— А о чем? — надеясь, что разговор войдет в другое, интересное для него русло, уточнил инвалид.

Богатый человек, собираясь с мыслями, помолчал.

Но когда стал говорить, то прямо с того места, на котором остановился, и снова о том же:

— Мне по личному опыту хорошо известно, что такое настоящая молитва, — прищурил глаза, вспоминая, он. — Я молился, когда горел в своем личном, падающем самолете… Несколько раз попадал в тяжелейшие ситуации на скоростных трассах… Два раза тонул… И каждый раз просил Бога спасти меня. Только благодаря чему, убежден, и говорю с вами сейчас! Молился, даже когда в меня стреляли. Но такой горячей, как вчера — за других — молитвы у меня еще никогда не было! Я так и уснул, чувствуя, что по щекам у меня текут слезы…'А когда проснулся и начал бриться, хотел, по привычке, закрыть свою родинку пальцем. И вдруг поначалу ощутил, что что-то не то. Затем посмотрел в зеркало, а ее… нет!

— То есть, как это нет? — не понял инвалид.

— А вот так! Нет и все! — эффектным, почти театральным жестом отнял, наконец, ладонь от щеки богач.

Он ожидал возгласа изумления или хотя бы вежливого согласия.

Мол, да, конечно, чего только не случается в жизни?..

Но инвалид был не из таких.

В нем чувствовалась крепкая атеистическая закваска.

И явно отсутствовала светская интеллигентность.

Богатый человек, перехватив его недоверчивый взгляд, безнадежно покачал головой и неожиданно просиял:

— Постойте! Кажется, это тот самый редкий, если не единственный случай, когда чудо можно подтвердить, в буквальном смысле слова, документально! И сейчас я предъявлю вам сразу несколько подлинных доказательств!

Оставив инвалида в полном недоумении сидеть на диване, он быстрым шагом прошел в свою палату и возвратился, потрясая над головой — разноцветными документами.

— Смотрите! — торжествуя, возгласил чуть ли не на все отделение он и принялся раскрывать их один за другим. — Видите в паспорте на щеке крупную точку? Это она и есть. Та самая родинка! Думаете, соринка в объектив фотоаппарата попала? Как бы не так! Вот вам —

загранпаспорт! Водительские права! Рабочее удостоверение! Наконец, пропуск в Госдуму. Видите — везде она есть!

— А тут… — он для наглядности ткнул указательным пальцем себе в щеку: — Нет!

Неизвестно, что смог бы после такой очевидности возразить инвалид.

К богатому пациенту подошла медсестра и вежливо сказала, что пора делать капельницу.

После нее он, как обычно, спал чуть ли не весь день.

Потом решал неотложные деловые вопросы.

По телефону…

В комнате с пальмами…

Задумчиво ужинал…

И уже поздно вечером, когда на улице стало совсем темно, проходя мимо холла, вдруг заметил стоявшего у окна инвалида.

Храм здесь был виден намного хуже, чем из палаты мэра. Его почти полностью закрывали вековые сосны.

И поэтому инвалид, опираясь на костыль, изо всех сил тянулся вверх на своей единственной ноге.

И вертел — туда и сюда — седой головой.

Очевидно для того, чтобы получше разглядеть этот храм, который он до этого почему-то не замечал…

* * *

Грустно порой бывает,

Когда — мимо храма дорога.

Это душа оживает.

И вспоминает про Бога!

Это в душе теснится

Памятью давней, до стона:

Библии детской страница,

Бабушкина икона…

Часто рождают грезы

Безудержное желанье

К храму свернуть, и в слезы…

Но это уже — покаянье!

* * *

Грешен пред Богом и перед людьми.

Свечку дыхание рвет и колышет, —

Господи, в помощь мою вонми,

Господи, глас мой убогий услыши!..

Знаю, что я не достоин венца,

Не для меня Авраамово ложе.

Но… не забуди меня до конца,

В Царстве Своем помяни меня, Боже!

Признание

Не оставь меня. Благостный Боже,

Сердце чисто созижди во мне.

Посмотри, до чего уже дожил

Я на грязной житейской стерне!

Ни любви, ни поста, ни молитвы.

Что без них наша жизнь? Суета!

И стою в гуще яростной битвы

Я без шлема, меча и щита!

Дай хоть каплю спасительной веры!

Не молясь, не постясь, не любя,

Я, как римские легионеры,

Каждый день распинаю Тебя!..

Что ни грех — новый гвоздь в Твои раны,

Новый шип в Твой терновый венец.

И за это — на сердце бураны,

Зной, морозы, унынья свинец…

Как Пилат, Каиафа, Иуда,

Но увы, не как Петр иль Андрей,

Перед Богом стою, и покуда

Я не стал ни умней, ни добрей.

Дни за днями проходят, и что же —

Так и жить мне на грязной стерне?!

Не оставь меня, Благостный Боже,

Сердце чисто созижди во мне!

* * *

Жил да жил: и солнышко лучилось,

И дороги были не скучны.

Но однажды — так уж получилось,

На себя взглянул со стороны.

«Господи! — воскликнул. — Я ли это?!»

Перевел себе под ноги взгляд,

И увидел, что дорога, где-то

Повернув, уводит меня в ад.

Возвратился вкус духовной жажды.

Ожила на сердце боль вины…

Видно, людям нужно хоть однажды

На себя взглянуть со стороны!

* * *

Господи, прости,

прости,

прости!

Пожалей не знающего жалость,

Сделай так, чтобы водой в горсти,

Все плохое в сердце не держалось.

Господи, прошу,

прошу,

прошу

Пред Тобой смиренно каждый день я,

Если я, как человек, грешу,

Ты, как Бог, прощай мои паденья!

Господи, молю,

молю,

молю.

Как о ливне в засуху березы,

Сделай так — и всех я полюблю,

Чтобы сердце захлестнули слезы!

Господи, прошу Тебя, согрей

Душу, разодетую в проклятья.

И, как сына блудного, скорей

И меня прими в Свои объятья!

Молитва грешника

Живу во тьме, как за ставнями.

Молю, о душе скорбя:

Господи, не оставь меня,

Оставившего Тебя!

Не помню уже за буднями

О вечной своей судьбе.

Господи, не забудь меня,

Забывшего о Тебе!

Я долю избрал не лучшую.

Но, Боже, меня возьми

И, как овцу заблудшую

Из пропасти подними!

Плач к Пресвятой Богородице

Отмоли меня, отмоли,

Хоть просить Тебя недостоин,

Но, под звоны всех колоколен,

Погибающего вдали,

Отмоли меня, отмоли!

Помоги дойти до огня,

Очищающего навеки,

Чтоб пред Господом Богом веки

Мне закрыть на закате дня,

Отмоли, отмоли меня!

* * *

«Какой самый-самый тяжелый грех?» —

Вопрос прозвучал отчаянный.

И старец ответил для нас для всех,

Вздохнув тяжело: «Нераскаянный!»

Своя рубашка

Всё готов был понять и даже принять (правда, как он сразу предупреждал — со временем!) в православной вере Леонид Булатников, который в свои пятьдесят лет любил, чтобы его называли просто Ленькой.

Но только не это.

То, что Бог прощает на исповеди даже убийц.

— И вообще — где справедливость? — с вызовом вопрошал он. — Согрешит человек. Сходит — покается. И Бог простит его. Это я понимаю. Это все даже хорошо. Но ведь он опять идет, и снова делает то же самое. Я знаю много таких!

— А сами вы, — спросил у него однажды приехавший в деревню на похороны близкого родственника спокойный такой монах, — хотели бы, чтобы Бог простил лично и вас?

— Ой, только давай будем на «ты» и называй меня лучше Ленькой! — сразу предупредил Леонид.

И, поразмыслив, признался:

— Еще бы! Конечно! Как не хотеть?

Он вообще всегда отличался честностью и справедливостью. А еще быстрой сообразительностью.

Поэтому с самодовольной усмешкой тут же сказал:

— Но для этого сначала нужно серьезно согрешить!

— А ты, стало быть, Леонид, никогда не грешил? — согласившись на первое предложение и решительно отказавшись от второго, уточнил монах.

— Ну, по крайней мере, не убивал!

— Допустим, хотя мы еще вернемся к этому! — подчеркнуто временно согласился монах. — Ну, а как, скажем, насчет того, чтобы ругаться матом? Случалось, хоть иногда?

— Почему это иногда? Постоянно! А что здесь такого? — изумился Булатников. — Все в нашем селе ругаются. Даже малые дети. Какой же в том грех?

— Ну, во-первых, у вас не село, а деревня, потому что в ней нет храма, — поправил его монах. — А, во-вторых…

И, видя, сколько народа собралось вокруг него, уже не столько Леониду, сколько всем принялся объяснять, что это грех и великий. И вот почему.

Мало того, что человек оскверняет себя — свою душу и тело, всё окружающее пространство грязными, непотребными словами. Так ведь самое страшное — он еще и оскорбляет ими Саму Пресвятую Богородицу. Которая, как хорошо известно из давней и современной истории, держит над миром Покров, умоляя Своего Сына — Иисуса Христа смилостивиться, пощадить погрязший в грехах человеческий род. Дать ему еще время — на покаяние! Страшно даже представить, что будет с нами, если Она хоть на миг опустит его… А ведь именно такое случается с теми, кто оскорбляет Ее. Такой человек сразу лишается спасительного заступления Божией Матери и мгновенно становится игрушкой в руках бесов. Он жестоко мучается, невероятно страдает, сам даже не понимая, почему. И, в конце концов, погибает уже здесь, на земле и затем — навечно! Ты, Леонид, стало быть, хочешь этого?

— Бр-рр! — зябко передернул плечами Булатников. — Нет, мне такого не надо!

— То есть, ты все же пошел бы на исповедь, чтобы Господь отпустил тебе этот (я уж не говорю о, как минимум, сотне других) — грех? — глядя ему прямо в глаза, уточнил монах.

— Ну да…

— А если опять сорвешься?

— Значит, снова пойду! — забыв про свое непримиримое несогласие с тем, что Бог множество раз прощает одни и те же грехи, воскликнул Леонид. Ко всему прочему, он был еще и на редкость эмоциональным человеком. — Не погибать же, как ты говоришь — здесь и навечно!

— Вот тебе и ответ на твой давний вопрос. О, якобы, вопиющей несправедливости. А что же касается твоих слов про убийц… Ты что — и правда уверен в том, что сам никогда никого не

убивал?

— Да ты что?! — снова взъерошился Леонид.

— Я ничего, — спокойно возразил монах. — А вот ты хорошенько подумай. И вспомни. Вот, к примеру, жена твоя аборты — делала?

— Ну, допустим…

— И ты, стало быть, ни при чем?

— Почему это? Раз не возражал и даже порой настаивал — значит, очень даже при чем!

— Вот видишь! А ведь аборт — это самое настоящее убийство. Живого, в отличие от тебя, еще не крещенного и ни в чем неповинного человека. А не какого-то там ничего не понимающего и не чувствующего зародыша, как говорят об этом сами преступные, то есть, делающие аборты врачи. Но даже допустим, что не было в вашей семье ни одного аборта. Где гарантия, что ты не толкнул однажды ненароком локтем, пробиваясь без очереди, в автобус, какого-нибудь слабого, немощного человека. А у того развилась после этого злокачественная опухоль. Из-за чего его давно уже нет на свете?

Леонид подавленно молчал.

— Да что там автобус… — наконец, вымолвил он. — И почему ненароком? Я ведь и драться всегда любил. А кулаки у меня, что чугунные гири. И многих уже нет, кого я ими как следует отходил. Откуда мне теперь знать, моя в том вина или нет?

— К счастью, и для таких случаев есть бесконечная Божия милость, — ответил ему монах. — На исповеди мы называем все отягощающие нашу совесть, а, значит, и душу, грехи. А есть такое таинство, называемое елеосвящением, или соборованием, в котором отпускаются грехи, совершенные нами по незнанию или неведению!

— Слушай, — обрадовался Булатников, весь так и рванувшись к монаху. — Так отпусти ты мне их прямо сейчас, а?

Но тот остудил его пыл.

— Отпускает грехи один только Бог! — сказал он. — И потом эти таинства — исповеди и соборования — может совершать только священник!

В первое же воскресенье после этой беседы Булатникова видели в храме на исповеди. Потом, около его дома однажды около двух часов — на таинство елеосвящения уходит никак не меньше времени — стояла машина священника.

Так что не зря в народе говорят: своя рубашка ближе к телу. А тут к тому же был, пожалуй, тот самый случай, когда она оказалась необычайно близкой и для души!

Пророчества

За сотню лет, как скрыться под волною

Всему живому, свой закончив бег,

Со смехом говорили люди Ною:

«Зачем тебе такой большой ковчег?»

«Покайтесь, — он молил. — Пока не поздно!»

Но не имело слово его вес.

И — грянул гром над головами грозно,

Разверзлись хляби страшные небес…

И вновь святые нам грозят бедою:

«Покайтесь, люди, пред последним днем!

Тот грешный мир затоплен был водою,

А этот — уничтожится огнем!»

* * *

Сегодня нет пророков, как бывало.

А что, если причина в нас самих,

И время для пророчеств миновало,

Зато — мне даже зябко стало —

Пришла година исполненья их?..

* * *

Время сейчас — струна,

Натянутая до предела.

«Страшные времена!» —

Тревожно она прогудела.

Последние времена!..

Покаяться бы страною!

Да только моя страна

Все шутит с такой струною…

Сладкая горечь

Тот Новый год, на радость сатане,

В разгар поста в России отмечали.

И знаете, что увидалось мне,

Когда свое куранты отстучали?

Веселье, танцы, смех, вино рекой!

А за окном, изрядно запотелым,

Душа страны с протянутой рукой

Стоит перед ее заблудшим телом…

Реквием

Умирал XX-й век

Под рекламные сиянья.

Как беспечный человек,

Умирал без покаянья.

Позабыв, что свой отсчет,

Как дорога от порога,

Все от Господа ведет,

Умирал, забыв про Бога.

Отходил, как будто нет

В книге совести столетья

Ни грехов, затмивших свет,

Ни сплошного лихолетья.

…Миллиарды человек

Дружно вышли на гулянья,

И ушел XX-й век —

Как и жил, без покаянья!..

1999–2000 гг.

* * *

Время мчится что есть мочи,

И — песку в горсти сродни —

Всё короче нынче ночи,

Всё быстрее мчатся дни.

Всё плотнее вражьей силой

Над землей плетется сеть.

Нынче — Господи, помилуй! —

Только бы к Тебе успеть!

* * *

Через тернии к звездам дойти

Человечество долго мечтает.

А пройти по земному пути

Ко спасению сил не хватает!

* * *

Вдоль дороги не пашни —

А грехи человека:

Вавилонские башни

Двадцать первого века!

Выбор

О, власть человеческой воли!

Ей Господом право дано

За время в плачевной юдоли

Созреть и взойти, как зерно,

Из мрака на солнце пробиться

И колос подставить Жнецу…

Но воля, как глупая птица,

Стремится к иному концу.

Не хочет в плачевной юдоли

Спасительный крест понести.

И — плод человеческой воли:

Убитые зерна в горсти!..

+ Агриппина

Есть в моем «Помяннике», там, где находится список тех, кого нужно поминать об упокоении, одно имя: Агриппина.

Оно имеет для меня особенное значение.

Если бы не эта женщина, то, как знать, может быть, меня самого давно бы уже поминали об упокоении.

И вот почему.

Еще в начале девяностых годов, когда ей было примерно столько лет, сколько теперь мне, и она казалась мне почти пожилой, в соседней квартире разбуянился пьяный сосед.

Собственно, пил и бил домашних — двух бедных, несчастных женщин: свою жену и ее восьмидесятилетнюю мать — он всегда. Те, панически страшась каждого его возвращения после работы (а работал он через двое суток на третьи водителем «скорой помощи»!), как только могли, терпели, и каким-то чудом ухитрялись пригашать эти пьяные пожары.

Но в тот раз из квартиры на пятом этаже, где они проживали, послышались такие душераздирающие крики, что к ним сбежался едва ли не весь дом.

Когда подоспел и я, то увидел полный коридор людей.

Все стояли, не зная, что делать.

И только высокая, дородная — чувствовалось, что в молодости она была невероятной красавицей, соседка с четвертого этажа, Агриппина (ее даже с годами ни у кого не поворачивался язык называть по отчеству) пыталась угомонить стоявшего перед ней набычившегося мужчину.

Жена пьяницы, высохшая раньше времени, а до замужества — первая певица и хохотунья в городе, бледная женщина, слабым голосом уговаривала ее не связываться с мужем.

— Уйди, Агриппина! — говорила она. — У тебя ведь высокое давление! Тебе нельзя волноваться...

А мужчина только слушал их и посмеивался.

Худой, невысокий — внешне он был хил и слаб.

Но когда основательно напивался, то в нем неожиданно появлялась такая сила, что он без труда смог бы одолеть четверых дюжих мужиков.

Зная об этом и понимая источник этой силы, я решил не испытывать судьбу.

В конце концов, сцепись я с ним в его квартире и случись что потом — закон был бы не на моей стороне.

Вспомнив о законе, я не выдержал и предложил:

— Да сколько с ним можно возиться! Вызывайте милицию — и пусть они сами с таким разбираются!

Услыхав это, пьяница мутными глазами посмотрел на меня и, крикнув:

— Ах, милицию?..

Метнулся на кухню и тут же вернулся с огромным ножом.

— А это ты видел? Сейчас я тебя…

Между ним и мной сначала был один только нож.

Его дрожащее от нетерпения и ярости острие…

А потом вдруг возникла Агриппина.

Недолго думая, она схватила нож за лезвие и… вырвала его из руки пьяницы.

От неожиданности тот особо и не сопротивлялся.

Но, тем не менее, с ладони Агриппины на пол заструилась кровь.

Жена пьяницы — куда только ее слабость и страх делись! — оттолкнув мужа, бросилась к ней и принялась помогать, бинтуя руку.

— Смотрите, смотрите, люди добрые, до чего он дошел? — кричала она. — Человека зарезал!

Эти слова и вид крови отрезвили пьяницу.

Изрыгая проклятья и обещая, что еще разберется со всеми, кто мешает ему по-человечески жить, он неверной походкой ушел в свою комнату, откуда вскоре послышался его громкий храп.

Просеменившая с опаской туда мать жены пьяницы вернулась с сияющим лицом и радостным шепотом известила:

— Спит!..

— Слава Тебе, Господи! Обошлось… — с облегчением выдохнула жена.

— Да все-таки Бог сильнее дьявола, который ему помогает! — послышались голоса постепенно начавших расходиться людей.

Вскоре в квартире остались лишь две хозяйки, Агриппина и я.

Все мои мысли занимала Агриппина.

Ведь не вмешайся она — и все это могло кончиться весьма плачевно.

Мне очень хотелось отблагодарить ее.

Но чем?

Сам не знаю, почему, может, недавние слова о Боге были тому причиной, я начал говорить о духовном, спрашивать у Агриппины, давно ли она была в храме, где сам немного прислуживал алтарником.

И тут вдруг оказалось, что Агриппина даже не помнит, когда последний раз была там.

А уж то, что не исповедовалась с самого детства — это совсем точно. А может, и в детстве не исповедовалась…

— Да вы что? — так и накинулся на нее я. — Разве не понимаете, сколько за это время набрали грехов? Каким смертельно опасным грузом отяготили свою душу? А ну, как сейчас он ударил вас ножом — и куда бы вы тогда с ними пошли?

— Как куда, известное дело — в ад… — невесело усмехнулась Агриппина.

— Вот видите, и не на день или два, а навечно!

— Да, уж что-что, а нагрешила я в жизни, действительно, много! И тяжко…

— Ну, так тем более тогда вам нужно как можно скорей позаботиться о своей душе! — воскликнул я. — Сходить в храм, исповедаться, причаститься…

— Ох, да ведь всему этому нас не учили! — показалось, что испугалась не побоявшаяся и ножа Агриппина. — Я даже не знаю, как правильно вести себя в храме! Как подойти к иконам, где поставить свечи за здравие, а где за упокой, и уж тем более — как молиться и исповедаться!

— Да все это — дело наживное! Священник, прихожане подскажут. Главное — только начать! — горячился я.

И откуда во мне не только редкостное красноречие, но и столь напористая настойчивость взялась?

Почти за час я ухитрился сжато пересказать Агриппине все то, что за несколько лет почерпнул из духовных книг и что было в багаже моего тогда еще небольшого церковного опыта.

И потом, как уже о решенном, спросил:

— Ну что, убедил? Пойдете на исповедь в храм?

— Да, — как-то вся радостно просияв, закивала Агриппина. — Как только появится время, непременно схожу!

— Зачем откладывать? — не отступал я. — Вот прямо завтра и идите!

— Нет, — сразу сникнув, вздохнула Агриппина. — Завтра мне надо Паше (а парню уже под тридцать!) завтрак приготовить.

— С вечера приготовьте! — посоветовал я.

— А разбудить? — удивилась Агриппина. — Он ведь тогда наверняка на работу опоздает!

— Так заведите ему будильник!

— Бесполезно. Не услышит!

— Поставьте будильник в пустое ведро! Проверенный способ. Тут даже глухой проснется!

— Да ладно вам! — отмахнулась Агриппина. — Буду я еще детей смешить… Сказала, не могу завтра, значит, не могу…

— Ну, хорошо, а послезавтра?

— Послезавтра — тем более! Мне нужно идти помогать одной знакомой, посадить картошку. Она же ведь мне помогла!

Агриппина была решительной женщиной.

Об этом говорила хотя бы ее перевязанная рука.

И я не стал ее уговаривать.

Только с надеждой спросил:

— Тогда… на третий день?

— Не знаю… После картошки мне, возможно, придется посидеть с дочкиными детьми! — с сомнением покачала она головой и, чувствуя, что я не отстану от нее просто так, неопределенно пообещала. — Ну, хорошо! Может, через три, а еще лучше, через четыре дня…

Через четыре дня я, и правда, увидел ее около храма.

Обрадовался.

«Ну, наконец-то, — с облегчением подумалось мне, — нашла-таки время, зашла и исповедалась. А может, даже и причастилась. Не зря, знать, тогда я уговаривал ее битый час! И значит, отблагодарил, как сумел…»

Но батюшка — отец Геннадий, к которому я подошел спросить о ней, внимательно выслушав меня, отрицательно покачал головой.

— Нет, никаких исповедников у меня сегодня не было. Разумеется, и причастников тоже.

— Может, она тогда просто заходила — и хотя бы пока у икон покаялась Богу?

— Да нет же, не было ее в храме!

Было такое ощущение, что ко мне вернулась та, давняя настойчивость.

— Вы… точно в этом уверены? — не отступая, уточнил я у священника.

— Абсолютно! — усмехнулся он. — Хотя бы по той причине, что сегодня вообще не было службы. И храм пока еще не открыт…

И тогда я понял, что Агриппина просто проходила мимо храма, как всегда, торопясь по своим делам.

А еще через два дня — я возвращался тогда из краткой поездки — малознакомые люди вдруг сказали мне на автовокзале:

— Слыхал новость: соседка твоя умерла! Говорят, от давления.

— Какая еще соседка? — не понял я, но сердцем вдруг почувствовал, что случилось непоправимое.

И так оно и было.

— Ну, эта… как там ее — Агриппина!

«Господи! — ахнул я. — Не успела… А ведь это Ты, за то, что она не пощадила жизни своей за други своя, то есть за меня, дал ей шанс на покаяние, а значит, и спасение. И мне дал дар слова, благодаря которому можно было убедить пойти в храм и покаяться, кого угодно».

Но вот перейти от слов к делу, то есть пойти туда, по своей свободной воле, могла только она сама.

Могла, но не пошла…

Отец Геннадий сказал, что ее и после не было в храме.

И что в итоге?

Пашу она тогда, конечно же, накормила.

И разбудила.

Знакомой картошку посадить помогла.

С дочкиными детьми побыла.

Еще куда-то сходила и что-то сделала.

А вот душу свою не сберегла.

И в моей навсегда оставила боль.

Давно это было.

Но не из той ли боли через много лет родилось стихотворение «Непреложное»?

А может, причиной была еще и другая боль? В «Помяннике» — то вон сколько еще имен.

Ах, Агриппина, Агриппина!..

* * *

Я позабыл среди шумного

Мира — молитвослов.

Боже, избавь неразумного

От душепагубных слов!

Вместо моленья прилежного

Делал я все, что хотел.

Боже, избавь меня, грешного,

От душепагубных дел!

А из-за леса туманного

Месяца серп все видней…

Боже, избавь окаянного

От душепагубных дней!

ПредВестие

Смерть грозою надвигается.

Вон и молнии видны.

Что ж душа моя не кается,

Иль не ведает вины?

Или не лгала, не вздорила,

Не роптала никогда,

Не лукавила, не спорила,

Всех прощала без труда?

По-над лесом, по-над кручами

Тьма и карканье ворон.

Жизнь затянута не тучами,

А грехом — со всех сторон!

Горькие плоды

Все меньше над полями журавлей.

Что журавлей — и птиц почти не стало!

А впрочем, и самих уже полей,

Таких, что были прежде, нынче мало.

Земля теперь скупа, как никогда.

Мы вкус и запах хлеба позабыли.

И даже родниковая вода

Совсем не та, что наши предки пили!

А грех людской все множится вокруг,

Пожаром нивы так уничтожая,

Что не далек тот день, когда нам вдруг

Земля не даст однажды урожая.

И за грехи тяжелые отцов

Питаться будут дети, раня руки,

Тогда плодами терний и волчцов.

О, Боже! Это дети так — а внуки?..

Близкая остановка

Ехал в самом раннем, полупустом автобусе на работу человек.

Дмитрий — для многих пока еще Дима — Сергачев.

Впрочем, имя можно было и не называть.

Потому что на его месте мог оказаться если не каждый, то почти каждый из живших в этом городе.

Да и не только в нем.

То есть — многие из нас!

Ехал он, сладко позевывая.

Время от времени отогревая теплой ладонью небольшое пятнышко в покрытом изморозью ледяном окне, чтобы не проехать нужную остановку.

«А, впрочем, — вдруг остановил он себя. — Зачем только зря руку студить?»

Дело в том, что в автобусе ехали еще три старушки.

Судя по их разговору и виду — в храм.

Значит, должны будут выйти на центральной площади.

После которой до его завода — ровно пять остановок!

Дмитрий со смешанным чувством — невольным уважением и удивлением — стал искоса разглядывать этих старушек.

Тоже ведь поднялись ни свет ни заря.

Да еще и в такой мороз.

Он-то — понятное дело.

Деньги ехал зарабатывать.

Семью кормить.

Обувать, одевать.

Машину вот скоро купит.

И — перестанет на мерзлых автобусах ездить!

Но эти-то едут за чем?

Ведь не то чтобы, как он, за деньгами.

Наоборот — последние на свечки тратить!

Да несколько часов на больных ногах — не случайно у двух из них тросточки — службу выстаивать.

И вон ведь как рады!

Каждая чуть ли не сияет от счастья.

Хотя наверняка и сил почти нет.

И болячек полным-полно.

Третья — вон какая худая и бледная…

Так ехал он, ехал.

Никак не мог понять: чего их так туда тянет.

И вдруг подумал:

«А что если то, во что они верят, — правда?»

Дмитрий озадаченно потер лоб, даже не замечая, что шапка от этого съехала почти на самый затылок.

Все это так не вязалось со всем тем, чем он жил с самого детства.

«Да что это я? Ведь это — старушки! — усмехнувшись, поспешил он ответить на свой же вопрос. — Жить уже больше нечем и не на что. Вон как бедно одеты. А главное — скоро совсем умирать. Боятся смерти, вот и ходят в храм, чтобы не так было страшно…»

Успокоив себя этим — иначе ведь какую непоправимую ошибку мог совершить, если бы это действительно было правдой — Дмитрий вернул шапку на место.

И тут вспомнил, что когда был однажды на отпевании погибшего в автокатастрофе друга, то видел в храме на службе очень много совсем еще молодых девушек и парней.

Крепких солдат.

Офицеров.

Других, прекрасно одетых, здоровых с виду людей.

В том числе, и интеллигентных, может быть, даже ученых.

«А академик Павлов?» — подумалось вдруг ему.

Как он где-то читал или от кого-то слышал — это был глубоко верующий человек!

И уж кто-кто, а он прекрасно изучивший человеческий мозг, с научно-медицинской точки зрения мог отличить неправду от правды[8].

«И если все это действительно правда…»

Дмитрий был так близок к тому, чтобы сделать окончательный, спасительный для него вывод…

Но тут автобус подъехал к центральной площади.

Двери распахнулись.

Выпустив старушек…

Снова захлопнулись.

И…

После этого Дмитрий стал внимательно считать остановки.

Чтобы — не дай Бог, как он думал еще пока! — не прозевать нужную.

Радуга

Бремя моих грехов.

Тяжесть минувших лет.

Третий час петухов.

Скоро придет рассвет.

Господи, мне бы лить

Слезы сейчас, как Петр.

Но продолжаю жить,

Смертный забывши одр.

Снова грехи велят

В сердце Тебя распять,

И, как Понтий Пилат,

Слушаюсь их опять…

В час Твоего Суда

Что я скажу в ответ?

— В жизни грешил ты?

— Да.

— А покаялся?

— Нет.

И, с тоскою в груди,

Я услышу, стеня,

Голос Твой: «Отойди,

Не познавший Меня!»

Нет, о Господи, нет!

Каюсь, падая ниц…

…Вот и пришел рассвет,

С радугой из-под ресниц.

У края (молитва)

Господь мой и Бог мой, к Тебе я с повинной:

Прости и помилуй раба Твоего,

Влекомого к пропасти ада лавиной

Из черных снегов прегрешений его.

Господь мой и Бог мой, к Тебе прибегая,

Я теплю лампадой надежду свою,

Что Ты, задержав меня прямо у края,

Спасешь и помилуешь душу мою!

Поднимешь наверх благодатною силой,

Заблудшей овцою очистишь всего.

Прости же… прости же… прости и помилуй,

Господь мой и Бог мой, раба Своего!

Невольный попутчик

Трамвай, пугая зазевавшихся прохожих резкими звонками, мчался вперед.

Туда, где две линии рельсов, казалось, сходились в одну точку.

Хотя на самом деле все было совсем не так.

Это академик Павлов прекрасно понимал, хотя и был физиологом, а не математиком.

Он возвращался с работы домой.

И хотя очередной опыт дал блестящие результаты, настроение было безрадостным.

Все омрачал еще один разговор с представителями высшего эшелона власти.

Опять эти господа-товарищи требовали от него невозможного.

Отказаться да еще публично от того, во что он свято верил всегда.

И не переставал верить теперь.

За окном начал проплывать величественный собор.

Академик Павлов снял шапку и набожно перекрестился.

Стоявший рядом матрос — крепкие скулы и наглый взгляд — к тому же изрядно подвыпивший, заметив это, нахмурился.

Рука его потянулась туда, где, судя по всему, совсем еще недавно висел в деревянной кобуре — законно сменивший первое оружие пролетариата булыжник! — маузер.

Но времена были уже не те, чтобы открыто стрелять в людей прямо на улицах.

В том числе, и за веру в Бога.

Вспомнив с досадой об этом, матрос остановил руку на полпути.

Тяжело хлопнул всей пятерней по плечу, как представлялось ему, недобитого буржуя с интеллигентной бородкой.

Сплюнул на пол.

И презрительно ухмыльнулся:

— Ну и темнота же ты, батя!

Академик Павлов ехал дальше в трамвайном вагоне вместе с олицетворявшим эту новую власть матросом.

Да, она требовала от него невозможного.

Но невозможно — да-да, сейчас как никогда это стало ясно — было, и отказать ей.

Этой слепой богоборческой силе.

Подмявшей под себя в этой стране всё.

В том числе, и его…

Желавшего лишь одного.

Послужить, не жалея себя, до последнего — сколько ему уже там осталось… — своими знаниями, опытом и умом всему человечеству!

Трамвай, качаясь то влево, то вправо, продолжал мчаться вперед.

Туда, где, казалось, сливались в одну точку длинные рельсы.

Которые, хоть это и совершенно отчетливо было видно издалека, на самом деле — никогда не могли сойтись…

Тяжелая песня

Ехала однажды Елена в поезде.

Куда и откуда — неважно.

Главное, что весь вечер, как это обычно бывает, из динамика в плацкартном купе слышались песни.

Лежа на верхней полке, Елена бездумно и беззаботно повторяла их про себя.

Большинство песен было из молодости, с хорошо знакомыми ей словами.

А иногда — новые.

Чаще всего пустые и глупые.

Но одна из них сразу же привлекла ее внимание.

Необычайно красивой и звучной мелодией.

Кроме того, исполнял ее один из самых популярных в стране певцов.

Эта песня настолько понравилась Елене, что она стала — тоже, разумеется, мысленно — вторить ей.

И вдруг, внимательней вникнув в слова, она поняла — песня-то ведь о том, что исполнявший ее готов отдать или даже уже отдает душу врагу рода человеческого!

«Да что же это теперь поют! А я, глупая, еще подпеваю! — ужаснулась Елена. — Ну не-ет, свою душу я никому не отдам! Разумеется, кроме Бога…»

Решив так, она успокоилась.

Но было уже поздно.

Эта песня словно приклеилась к памяти.

Она заворожила Елену.

Вынуждала, как ни отгоняла та назойливые мотив и слова, повторять ее вновь и вновь. С ней она и уснула.

А проснулась от страшного и непонятного чувства.

Что-то огромное — гораздо больше купе, вагона, и, наверное, всего состава поезда, навалилось на нее.

Так что нельзя было пошевелиться.

«Ты — моя!» — мысленно, но очень отчетливо услышала она леденящий самое сердце торжествующий голос.

Почему-то вспомнила про песню.

Сразу все поняла.

Захотела перекреститься.

И не смогла.

Не позволила ей сделать этого злая — в чем уже не было и тени сомнения — сила.

«Моя!» — беснуясь от радости, продолжала торжествовать та.

Ужас, страшная тоска охватила все существо Елены.

«Нет, — не согласилась она. — Я — Божья!»

«Моя! — в третий раз, уже уверенно и жестко повторил голос. — Ты ведь мне душу свою отдала!»

Одно спасение оставалось для Елены.

Иисусова молитва, к которой она не раз прибегала в, казалось бы, самых безвыходных положениях.

Короткая — но такая спасительная:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!»[9]

И тут она начала было молиться.

Но — на всю молитву сил не хватило…

Точнее, дыхания.

С такой тяжестью навалилась на нее эта темная сила.

— Господи!.. — еле-еле только и смогла промолвить она.

И тут ей стало немного легче.

Как будто ее слегка отпустило…

— Иисусе Христе! — обрадовавшись, продолжила она.

После чего темная сила, точно испугавшись, отпрянула.

А Елена, воспользовавшись этим, до конца прочитала молитву.

И ей стало совсем легко.

До самого конца этой, как оказалось, весьма поучительной не только для Елены поездки.

Прошло время.

Постепенно эта история, как и многое, что происходит в нашей жизни, притупилась в ее памяти.

Вытеснилась новыми событиями.

Полузабылась.

Но, как бы там ни было…

С тех пор Елена уже не относится так бездумно и безрассудно к песням.

Какими бы звучными и красивыми они ни казались!

Свеча

Завывает-плачет метель,

Ветер кружится, в окно стуча,

За стеною скрипит во сне ель,

На столе стоит моя свеча.

Я устал от бед и потерь.

И молитвы у икон шепчу.

Ветер бьётся в старую дверь.

Не задуло бы мою свечу!

Утром я узнаю с трудом

Ель, одетую во сне парчой.

Ветер налегает на дом…

Загореться бы и мне свечой!

Завывает-плачет метель.

Ветер просится ко мне, стуча.

За стеной скрипит во сне ель.

Не погасла бы моя свеча!

* * *

Господи, прости меня за то,

Что поклоны, как перед кумиром,

Бил я перед этим грешным миром,

Как не бил, наверное, никто.

И за то благодарю Тебя,

Что, не осуждая даже взглядом,

Ты стоял всё это время рядом,

Как никто другой меня любя!

* * *

Уехать бы за тридевять земель —

Да тридесятых царств нет и в помине!

Умчалось время сказочных Емель,

И добрых щук не видно больше ныне.

Повымерли Иваны-дураки,

Остались только бедные Иваны,

Которых до протянутой руки

Сегодня довели чужие страны.

Святую Русь в театр без кулис

Заморские соседи превратили,

И правнучек Премудрых Василис

На подиумы голыми пустили.

Аленушка, — ау! — как ты могла

Не только брату яда дать напиться,

Но и, видать, себя не сберегла,

Попробовав из мутного копытца?..

Гляжу вокруг, в предчувствии беды,

И вижу, как среди проспектов бурных,

Не нищая, ища себе еды,

Сама Россия копошится в урнах!

Умчаться б, чтоб не видеть этот срам,

Уехать от реклам и ресторанов!

И не могу — иду молиться в храм

За Василис, Аленушек, Иванов…

Венец любви

Притчу о блудном сыне

Трудно читать без слез.

Это — реки в пустыне

Немелеющий плёс.

Строки её сквозь слезы —

Словно рассветный луч,

Жаркий костер в морозы,

Радуга среди туч.

Блудного, издалеча,

Сына обнял отец…

Это уже не встреча —

Это любви венец!

Той, что всегда прощает,

Не ища своего,

Той, что не обещает,

А отдает — всего…

Милосердной и скорой,

Без конца и границ,

Той любви, пред которой

Надо бы падать ниц!

Всё. Закрыта страница!

…Блудным сыном встаю

И — скорее виниться

К Богу, в родном краю!

Отче наш

Молился я рассеянно, скучая,

Пока не осенило, наконец,

Что Бог, людей молитве научая,

Сам разрешил нас звать Его: «Отец».

Его — пред Кем трепещут Херувимы,

Всего, что только где-то есть,

Творца!.. Его — пути Чьи неисповедимы,

Могу считать я, грешный, за Отца?!

О, эта незаслуженная милость!

Что, человече, ты взамен ей дашь?

И сердце сразу к Богу устремилось,

Едва сказал я тихо: «Отче наш!..»

Простой ответ

Александр Николаевич долгое время не мог понять, что такое молитва.

И это всерьез его озадачивало.

Если не сказать больше — всерьез огорчало.

Ведь, казалось бы, тут даже сам вопрос излишен.

Настолько понятен и очевиден ответ.

Молитва — это и есть… молитва!

Но…

До прихода к вере (а пришел Александр Николаевич к ней после серьезного сердечного приступа, едва не лишившего его жизни и закончившегося инвалидностью) он занимал должность главного конструктора крупного военного НИИ.

Имел чин генерала с тремя большими звездами на погонах.

Несколько сотен умнейших и образованных людей в подчинении.

А это значит, привык во всем разбираться быстро, четко и до конца.

Но тут — словно в уже изобретенной и созданной по чертежам боевой машине, уже на полигоне, в последний момент, что-то заклинило.

Во-первых, эта молитва давалась ему с невероятным трудом.

И кому — ему!

Всегда поражавшему всех завидной работоспособностью.

В свое время он засиживался в кабинете порой до утра.

Причем, не просто так, отбывая номер, чтобы начальство, если вдруг позвонит, отметило его служебное рвение и прибавило еще по звезде на погоны, а над сложными и ответственнейшими чертежами.

И вдруг — теперь почему-то еле-еле выдерживал каких-то 20–30 минут утром и вечером, когда, будучи не только требовательным, но и исполнительным человеком, совершал, как это положено каждому православному человеку, молитвенное правило.

Болезнь?

Нет, проанализировав все, сразу отмел он такой аргумент.

Дело здесь было совсем не в болезни.

Ведь мог же он, и сейчас совершать многокилометровые прогулки по весьма пересеченной местности, вокруг своей, расположенной на горе, дачи.

И с удовольствием, не доверяя этого никому, сажал на участке деревья.

В основном — суровые сосны и кедры.

Разбивал клумбы.

Сам разводил цветы.

Здесь, наоборот, отдавая большее предпочтение нежным розам.

Работал, не разгибаясь, порой по полдня!

А вот молитва казалась ему долгой и трудной…

Невероятно скучной…

Обременительным и совсем необязательным занятием…

Так продолжалось до тех пор, пока священник, у которого он исповедовался, узнав о его трудностях, не спросил:

— А вы, молясь, хоть понимаете, что такое молитва?

Он даже вздрогнул — настолько в цель попал этот вопрос.

Ни одна изобретенная им машина не поражала мишени с такой точностью!

Стыдно, конечно, было ему, сначала боевому, а затем — ученому генералу, говорить отрицательно о таких элементарных вещах.

Но он, словно курсант первого курса военного училища, четко ответил:

— Никак нет!

И тогда священник коротко и ясно сказал:

— Молитва — это разговор человека с Богом. И этим сказано всё. Вы подумайте хорошенько над этим!

Сказал…

Удалился в алтарь — вот-вот должна была начинаться служба…

И все разом встало на свои места!

Зачем было долго думать?

Александр Николаевич тут же понял, что молитва — это разговор его, больного и немощного теперь человека, (да будь это дело и полгода назад, когда он был генералом, все равно ничтожной песчинки!) — с самим Создателем всего Мироздания.

С сотворившим его из небытия и искупившим Голгофскою жертвой на Кресте — Богом!

Несколько раз Александру Николаевичу приходилось по своей должности беседовать с первым лицом страны.

Честно говоря, это были очень торжественные и волнующие для него минуты.

Которые долго держались потом в памяти.

Но разве то, что он, как человек работы и долга, когда-то считал едва ли не самым главным в своей жизни — было, даже хоть отдаленно, сопоставимо — с Этим?!

Действительно, самым важным и главным, что только может быть для человека в этой короткой жизни.

…Нельзя сказать, что после этого объяснения молитва для Александра Николаевича стала простой и легкой.

Нет, по-прежнему она давалась ему с немалым трудом.

Становилась подчас скучной.

Но каждый раз, когда он вспоминал, что это такое, то усталость и раздражение отступали.

И сердце его наполнялась радостью.

Еще бы!

Ведь он не просто читал положенные молитвы.

А — разговаривал с Самим Богом!

* * *

Лампады свет… Свеча перед иконой.

На тёмный лик Спасителя смотрю

И без конца, коленопреклоненный,

Давясь слезами, тихо говорю:

«Ты дал мне всё. Мне нечем оправдаться

Перед Тобой в день Страшного Суда.

Я, Господи, грешнее святотатца,

Ворующего в церкви без стыда!»

Свеча перед иконой… Свет лампады.

Всё громче шепот мой в немой тиши:

«Он выносил иконы и оклады,

А я ограбил храм своей души!

Я расточал всё то, что мне с любовью

Ты подавал с младенческой поры,

И не ценил оплаченные кровью —

Твоею кровью, Господи! — дары».

Свеча… Лампада… Тягостное бремя

Вины, которой нынче не таю:

«О, Господи, Твое воруя время,

Я жизнь украл у Вечности свою!»

Уходит ночь с подругою печалью.

Светлеет на иконе Божий лик.

И только тут я в страхе замечаю,

Что шепот мой уже похож на крик.

Встаю с колен. Пора с лучом рассвета

Гасить свечу. С лампады снять нагар…

И, славя Бога, встретить утро это —

Последний, может, в жизни Божий дар!

* * *

Затуманился жизни моей окоем.

Что творю, сам порою не ведаю!..

Помяни меня, Боже, во Царстве Твоем,

Как разбойник. Тебя исповедую.

Со свечой восковою всю ночь слезы льем.

Жизнь свою до изнанки исследую…

Помяни меня, Боже, во Царстве Твоем,

Как разбойник, Тебя исповедую.

Догорела свеча. Дай, Господь, мне и днём

За Тобой на Голгофу последовать

И с креста, на кресте, пред центральным Крестом,

Как разбойник, Тебя исповедовать!

Итог

В водовороте разных дел.

Как мало думал я о Боге.

Я самым лучшим быть хотел,

И самым худшим стал в итоге!

Пока науки постигал.

Худому сердце научилось.

Я самым умным быть желал,

А что в итоге получилось?

Чернеет, словно серебро,

Жизнь, если просмотреть былое.

Я жаждал приносить добро,

А выходило только злое.

Какими могут быть дела,

Когда их делают без Бога?

Я глянул в даль, и замерла

Душа от страшного итога.

Водоворот привычных дел

Замрет зимой до воскресенья…

Я так спасения хотел!

Но — что я сделал для спасенья?..

Часть 3. Вынужденная остановка (или как спастись в миру)

Спасительная поломка

Некогда…

Некогда…

Ну, совершенно некогда было подумать молодому преуспевающему бизнесмену Сергею о Вечности.

Нет, были проблески благоразумных мыслей.

Чтение духовных книг.

Раз или два, правда, по случаю — один раз на венчание друга, а другой раз на крестины сына компаньона — хождения в храм.

Сергей был не из легкомысленных людей и всерьез иной раз задумывался о том, что будет с ним после того…

Ну, словом, о чем каждый со страхом и скорбью знает, но не хочет думать.

Но всерьез заняться всем этим…

Или хотя бы — задуматься больше, чем на минуту, было некогда!

То одно, то другое…

Не жизнь — а сплошная суета!

Кружился он так день за днем…

Месяц за месяцем…

Годы так и летели…

Словно та белка в колесе.

И тут вдруг однажды колесо это остановилось…

Словно сломалось.

Точнее, остановилась и сломалась его машина.

Ни туда и ни сюда.

Хотя с виду все, вроде, нормально.

Вызвал по телефону техническую помощь.

Огляделся.

Надо же — стоит у самого храма с березками на карнизах под куполом и полуразрушенной в советские времена колокольней.

В который как раз заносят… гроб с покойником.

Сам не понимая — зачем, вышел Сергей из машины.

Подошел к храму.

Из разговоров плачущих людей понял, что умер совсем молодой еще человек.

На несколько лет моложе его самого.

Прислушавшись, он различил в тихом сплетении голосов, как одна старушка сказала, что, конечно, на все воля Божия, но за душу его как-то не так скорбно.

Все-таки, постоянно ходил в храм, был чтецом, алтарником.

С самого детства, как мог, послужил Господу!

«А я? — вдруг подумал Сергей. — Этого-то Бог, конечно, не оставит. Но… что будет со мной?! Я же ведь тоже не вечен!»

Тут зазвонил телефон, и он вынужден был отойти в сторону, чтобы не нарушать положенной в таких случаях тишины.

Срочно, везде, тут, там — всем он был нужен!

«Серега, ты куда это запропал!» — только и слышалось в трубке.

«Сережка, ты не забыл, что у нас сегодня встреча с самим мэром?!»

«Сереженька, выручай!»

Сначала Сергей отвечал на звонки.

А потом, сам не понимая — почему, отключил телефон, забыв даже, что ждет техническую неотложку.

И заспешил в храм.

Словно вдогонку за теми мыслями, которые уже так давно дожидались его…

Прошло пять лет.

По-прежнему Сергей — даже еще более преуспевающий, чем прежде, бизнесмен.

Для всех — Сергей Викторович.

И только среди своих, церковных, в храме, где теперь он был чтецом и помогал священнику в алтаре, просто Сергий.

Что нравилось ему гораздо больше!

Кстати, благодаря ему этот храм, с восстановленной колокольней, стал одним из самых красивых в округе.

А еще — с тех пор — Сергий считает, что у него теперь два дня рождения.

Один обычный земной.

О котором знают все его знакомые, и даже не очень, люди.

И второй — для Вечности.

Но о нем он предпочитает больше молчать.

Потому что как…

Как…

Как объяснить его происхождение тем, кто по-прежнему, несмотря на постоянный Божий зов, предпочитает главному — суету и живет, как он жил сам когда-то, словно бедная белка в колесе?..

Новость

Жил некто на земле, греша.

«Бог милостив!» — твердил беспечно.

А умер — в ад пошла душа,

Да не на час иль два — навечно!

Чуть освещая кабинет,

Свеча дрожит пред образами.

Бог милостив, сомнений нет.

Да мы к себе жестоки сами!

«Конец» света

Лежал я в последних числах декабря 2012-го года, памятных тем, что многие, веря тому, о чем трубило телевидение и вполне серьезно обсуждалось в газетах, ожидали конца света, в больнице подмосковного города…

Впрочем, какая разница какого именно?

Тогда это могло произойти в любом городе нашей Православной — увы, за случающимися в ней по временам отступлениями от веры предков — страны.

И не обязательно именно в больнице.

Но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

И, коль взялся говорить правду, то нужно быть точным даже в мелочах.

А они были таковы.

Все началось на втором этаже центральной городской больницы. Он приравнивался к первому, потому что здесь находился общий вход. И добавлю, направо в самом конце коридора — отрада и утешение для каждого верующего человека — больничный храм.

Лифт, на котором мне нужно было подниматься на самый верх, спускаясь, словно нарочно, останавливался на каждом этаже.

Очередь состояла из пяти человек.

Двое, судя по легкой одежде и комнатным тапочкам, тоже лежали в больнице.

Трое, с надетыми поверх зимней обуви голубыми бахилами, были посетителями.

Один из них — мужчина весьма респектабельного вида, в кожаном пальто и галстуке, не иначе как один из «отцов города» или «финансовых хозяев округи», уступая всем дорогу в распахнувшиеся, наконец, двери лифта, особенно вежливо, с легким полупоклоном, и самым приветливым выражением лица пропустил меня.

Судя по его отношению к человеку в подряснике й скуфейке, его отношение к Церкви было самым благожелательным.

Возможно, он даже был постоянным прихожанином одного из здешних храмов, с радостью подумалось мне…

Но эта надежда оказалась преждевременной.

Не успели еще закрыться двери, как он, явно не из любопытства, а с деловым с видом спросил:

— Батюшка, так будет сегодня конец света или нет?

А это, забыл уточнить сразу, было как раз 22 декабря!

То есть, тот самый день, на который «учеными» от лженауки был назначен «конец» света…

Ну, что было мне ответить ему?

И для начала я не нашел ничего лучшего, как повторить шутку своего духовного отца иеромонаха Иннокентия, услышанную недавно по этому поводу:

«Ох, и надоели же подобные разговоры! Сегодня ожидают начало конца света. Завтра отмечают окончание конца света. Потом — конец света по новому стилю… затем — по-старому…»

Мужчина засмеялся.

Но в глазах у него оставался живой интерес: так будет или нет?

И я спохватился.

Времени-то у меня, чтобы объяснить все, как следует, было совсем мало.

Не то, что у отца Иннокентия, который, начав так, мог затем обстоятельно говорить более чем серьезно.

Хорошо, что лифт останавливался на каждом этаже.

Теперь это обстоятельство только радовало меня.

И я успел вкратце сказать мужчине, что никто, кроме Бога: никакие астрологи, исследователи древних календарей и прочие «мудрецы» — не знает точных сроков, когда настанет конец.

Забыл он, что ли, как, если мне не изменяет память, в октябре 1991-го, года, по какому-то японскому исчислению, тоже ждали конца. Да что там недавний XX век! Больше двух тысячелетий назад, еще за восемьдесят лет до Рождества Христова, римляне вот так же ожидали конца света.

И не только римляне.

Но и почти все народы.

Как ожидали этого и до этого, во все времена.

А мир до сих пор стоит.

И будет стоять.

До тех пор, пока определит ему быть — Творец Мироздания.

Кое-кто из попутчиков, махнув рукой на открывшиеся и закрывшиеся двери, даже проехал свой этаж, чтобы получить ответ и для себя.

Поэтому мне пришлось говорить уже всем.

И, как можно скорей, о самом главном.

Что думать нужно не об общем, а о личном конце.

Который однажды наступит для любого из нас, будь он безнадежно больным или совершенно

здоровым.

Стариком или младенцем. Богатым или нищим.

Власть предержащим или простым гражданином.

Как он пришел к каждому из бесчисленного множества живших до нас людей.

Вот что важно.

Какими мы придем к нему?

К этому, своему, концу!

Успев покаяться?

Причаститься?

С именем Бога на устах.

Или… нераскаянными, опутанными сетью грехов?

А то и во время самого совершения их…

Ведь страшно даже подумать об этом — ибо, в чем нас застанет, в том и судить будет Господь.

Не знаю, как остальные (потом, в этот же день троих из них я видел в больничном храме), а мужчина явно остался доволен ответом.

Он сказал, что это прекрасно, что сегодня не будет конца света, потому что у него еще масса важных дел и ему не хотелось бы заканчивать их вот так, нерешенными.

К сожалению, услышав только одно.

То, что хотел услышать.

Как это, увы, частенько бывает, когда люди обращаются с вопросами на духовные темы, в готовности принять только лишь то, что бы им хотелось.

Вежливо поблагодарив, он вышел.

Мне нужно было подниматься еще на один этаж.

А жаль…

Ведь я не успел сообщить ему еще одного.

Очень важного.

Что, как уже серьезно, отвечая людям на вопрос, о том, будет конец света 22-го декабря или нет, мой духовный отец в конце бесед непременно добавлял — конца света не будет вообще.

Ибо свет просто не может когда-то исчезнуть.

Закончиться навсегда.

А будет конец мира.

Точнее, всего зла и греховного, что накопится за историю развития человечества.

Что мне оставалось делать?

Догнать мужчину?

Но было уже поздно.

Двери лифта плотно закрылись.

Он дрогнул.

И — поплыл наверх.

Но — нет, как говорится, худа без добра!

Мужчина, это сразу было заметно, обстоятельный.

Серьезный.

Судя, по некоторым его словам, на редкость обязательный.

И вполне можно было надеяться на то, что завтра, когда он окончательно убедится, что его в очередной раз обманули с этими «конечными» сроками, а, кроме этого еще очень и очень во многом, причем — в самом главном, то задумается, наконец, о том, что Истина совсем в другом.

И начнет искать ее.

Далеко ведь сейчас в ее поискать ходить не нужно!

И если он, действительно, ходит в храм…

Или, отложив все свои неотложные дела, впервые в жизни переступит его порог…

То спросит, в готовности принять разумом и сердцем любой ответ, опытного батюшку…

А может, купит отвечающую на все его вопросы богословскую книгу…

И будет, наконец, жить не тем, что надуманно, ложно и совершенно безполезно нашей вечной душе.

А — самым нужным и Главным!

* * *

Зарастает память быльем:

На церковных службах зеваем,

По ничтожному слезы льем,

А о главном — увы! — забываем!

Опадают века, как листва.

А ведь тоже в Историю званы

Мы, не помнящие родства:

Веры, Саши, Марии, Иваны…

Вынужденная остановка, или как спастись в миру?

Электричка долго стояла на середине перегона, очевидно ожидая, когда пройдет выбившийся из графика скорый поезд.

Затем резко дернулась раз, другой (то ли машинист был неопытный, то ли его притормозил диспетчер) и…

Снова остановилась!

От первого толчка Максим Тимофеевич, которому ехать-то оставалось всего ничего — электричка остановилась прямо перед его остановкой, проснулся.

Поправил сползший после второго толчка на коленях журнал с полностью разгаданным кроссвордом.

Поднял упавший на пол карандаш.

И, позевывая в кулак, огляделся по сторонам.

Все как всегда.

Ничего нового.

Люди вокруг читали яркие, броские журналы, некоторые с вызывающе пошлыми, а если прямо сказать, развратными фотографиями.

Бульварные романы.

Слушали через наушники такую бешено-громкую музыку, что она доносилась до него даже через два сидения.

О чем-то сплетничали.

Некоторые, судя по всему, опаздывающие домой или на встречу, уже открыто нервничали и выражали свое недовольство всем: начиная от власть предержащих до неимущих денег.

Это после того, как по вагону прошел, прося милостыню, старик…

Словом, вагон, как и весь мир, жил своей жизнью.

Выбивались из общей картины только две женщины, сидевшие рядом.

Напротив друг дружки.

Точнее, одна.

Потому что первая, уже в годах, с густо крашеными волосами, лишь коротко задавала вопросы.

А другая в старушечьем, хоть и была совсем молодой, платочке, тщательно повязанном на голове, несмотря на жару на улице и духоту в вагоне, от которой пот давно уже змейками полз по спине, подробно и обстоятельно отвечала на них.

Она была единственной, кто подал милостыню нищему, хотя для этого ей пришлось дотягиваться до него через двух соседей.

В том числе, и Максима Тимофеевича….

И от ее ответов, собственно, он и задремал.

Дело было в том, что все вопросы и ответы были… на духовную тему.

Всё о вере.

Да о Боге.

А он почему-то всегда сторонился религии.

Дипломатически говоря, когда дело касалось ее:

«Сам не верю. Но и другим не мешаю!»

Но тут один из вопросов женщины, которая была постарше, неожиданно привлек его внимание.

Та спросила:

— Послушать вас, так вам хорошо… Вы при монастыре! А как же спастись мне, живя в миру?

«Спастись?.. — насторожился Максим Тимофеевич. — А собственно, от чего? Зачем?!»

И тут молодая женщина стала объяснять соседке всё так, словно, услышав его мысли, отвечала именно ему.

Говоря то, о чем он и понятия не имел.

Он, кого до выхода на пенсию, на работе в крупном институте ученые коллеги с нескрываемым уважением называли «ходячей энциклопедией»!

Который кроссворды заполнял карандашом просто играючи, с презрением насмехаясь над теми, кто разгадывал их при помощи переводчика, то есть, пользуясь специальной книгой с ответами на все случаи жизни.

Кто без труда и запинки мог ответить на любой вопрос из неважно какой области.

Правда, в последние годы в кроссвордах появились вопросы, касающиеся религии… Но благодаря какой-то глубинной памяти — то ли перешедшей к нему от предков, то ли эти термины встречались ему в книгах — и подсказке полностью разгаданных соседних слов, он, совершенно не вдумываясь в смысл, вписывал их так, что всегда получалось буква в букву!

А молодая женщина все говорила…

Говорила…

Ей даже мысленно возразить было нечего.

Потому что все было так аргументировано и убедительно.

Она ссылалась на такие авторитеты, спорить с которыми, как ученый, он не осмелился бы никогда.

Вот новости, так новости…

Оказывается — Дарвин был глубоко верующим человеком!

И это уже только его ученики, в угоду поднимавшему тогда голову воинствующему атеизму, сделали его главарям бесценный подарок в виде теории, гласившей, что человека создал не Бог, а он произошел… сам — от обезьяны.

Надо же, невольно покачал головой Максим Тимофеевич.

А ведь он со школьной парты и до профессорской кафедры ни разу не задумывался над тем, что это теория — кстати, всегда вызывавшая в нем глухой внутренний протест и даже отвращение, — а не закон.

Причем, не получившая никакого подтверждения своей правоты!

Более чем за полтора века!

Иными словами — так и не состоявшаяся!

И еще…

Верили в Бога: французский математик Блез Паскаль; всем известный своим законом всемирного тяготения Исаак Ньютон; шведский естествоиспытатель Карл Линней; английский химик и физик Роберт Бойль; английский физик и математик Джордж Габриел Стокс; один из основателей электрохимии Гемфри Дэви; американский физик-изобретатель Томас Эдисон; французский энтомолог Жан Анри Фабр; его соотечественник философ, писатель и энциклопедист Денни Дидро, сказавший: «Глаза и крыла бабочки достаточно, чтобы раздавить безбожника»; еще один француз — математик Огюстен Луи Коши.

А также — выдающийся философ, физик, математик и физиолог Рене Декарт, Уильям Шекспир, Джордж Байрон, Макс Планк, Майкл Фарадей, Николай Коперник, Леонард Эйлер, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Пьер де Ферма…

Наконец, наши русские лучшие умы: Михаил Васильевич Ломоносов, Федор Михайлович Достоевский, Александр Сергеевич Пушкин, Николай Васильевич Гоголь, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Кутузов, академик Иван Петрович Павлов, великий педагог Константин Дмитриевич Ушинский.

Как — ну прямо гром посреди ясного неба — выяснилось, сказавший, что неверующего учителя на пушечный выстрел нельзя подпускать к детям!

Разумеется, в современной педагогический литературе об этом не было сказано ни слова…

Даже один из основоположников так называемого марксизма-ленинизма и самых главных

главарей того самого воинствующего атеизма — Фридрих Энгельс под конец жизни признал факт Воскресения Христа — неоспоримым фактом!

Более того…

Максим Тимофеевич, весь обратившийся в слух, благо электричка стояла, и стук колес не мешал добуквенно слышать каждое слово.

— Как сказал, великий английский философ Бэкон… простите, передам его главную мысль своими словами, но, поверьте, совершенно точно — лишь незнание мешает человеку поверить в Бога! — словно услышав его основной вопрос «почему, почему же тогда он сам — маленькая кочка перед этими горами-исполинами не верил?!», произнесла молодая женщина.

Точно отвечая именно ему, она, наконец, словно вспомнила о своей собеседнице и подбадривающе улыбнулась ей:

— А вам я вот что скажу. Как говорится, не все в монастыре спасутся и не все погибнут в миру!

Женщина (да и Максим Тимофеевич неожиданно для себя — тоже) с удовольствием выслушала эти слова и вдруг вздохнула:

— Все оно, конечно же, хорошо… И красиво сказано. Но как… как осуществить это на деле?!

— Да-да, — неожиданно для себя встрял в беседу (чего никогда и нигде до этого не позволял себе, как воспитанный и интеллигентный, то есть уважающий не только себя, но и других, человек) Максим Тимофеевич. — Так сказать, на практике?

— Очень просто! — улыбнулась на этот раз уже ему молодая женщина. — Представьте себе, я только сегодня как раз читала об этом вот в этой книге! Один сербский святой, Иустин Попович, как повествует о том наш современник, великий старец Паисий Святогорец, говорил своим духовным чадам: если ты учитель, то будь святым учителем, если мастеровой, будь святым мастеровым, если ты журналист — будь святым журналистом!

Она погладила лежавшую у нее на коленях книгу и продолжила:

— А сам старец Паисий Святогорец привел здесь такой случай…

Она нашла нужное место и показала его:

— Вот… Жил в Греции один грузчик, который старался во всем поступать по заповедям Божиим и вообще жил глубокой духовной жизнью. Однажды у него умер тесть, которого он очень любил и который, к сожалению, жил далеко не свято. Уже в больнице, в морге, этот грузчик с большой болью помолился Богу, прося, чтобы Тот воскресил его — для покаяния… то есть, для исправления жизни! И что же? Господь вернул к жизни его тестя, и святой грузчик отвел его домой в полном здравии, где тот прожил еще пять лет, действительно, в покаянии…

Привыкший больше доверять глазам, чем ушам, Максим Тимофеевич виновато сказал:

— Простите, что вмешиваюсь в вашу беседу. А… можно мне самому посмотреть?

— Пожалуйста! — с готовностью, словно только и ждала этого, отозвалась молодая женщина.

И протянула ему свою книгу.

В ее названии были не очень хорошо знакомые Максиму Тимофеевичу, а значит, которые могли не запомниться, слова.

И он, не доверяя умеющему предательски быстро стираться в самый неподходящий момент карандашу, достал авторучку, записал:

«Старец Паисий Святогорец. 1924–1994. Свидетельства паломников».

И правильно сделал.

Потому что, как ни умел он быстро, по диагонали, чем всегда изумлял знакомых, читать самые сложные книги, здесь почему-то подолгу останавливался чуть ли не на каждой строке.

Да и сама книга содержала не меньше четырехсот страниц!

Но молодая женщина, как определил он, своими словами действительно точно передала суть этого рассказа…

Разве что вместо пяти лет, которые еще жил тесть святого грузчика, сказала «несколько»…

Увлекшись, Максим Тимофеевич читал, читал…

Пока, к его великой досаде, слева не начал грохотать встречный поезд.

Не быстрый и легкий, как ожидалось, скорый.

А бесконечно длинный, тяжело груженный громадными стволами недавних вековых деревьев товарный состав.

Который вдруг чем-то напомнил ему всю его прежнюю жизнь.

До этих самых минут…

Электричка дернулась еще раз.

И теперь, быстро набирая скорость, пошла, пошла, пошла…

Пора было вставать и направляться к выходу.

Максим Тимофеевич с сожалением закрыл книгу и со вздохом протянул молодой женщине.

— А знаете что? — опять улыбнулась та и неожиданно сказала. — Оставьте ее себе! Я почему-то уверена, что эта первая духовная книга в вашей жизни будет далеко не последней!

Так оно и случилось.

Хотя случайностей, конечно же, не бывает!

На пороге

Беспощаден век земной,

Не живем мы дважды.

Время выйдет, и за мной

Смерть придет однажды.

Книги, сад, машина, дом,

Дача в месте южном —

Все, что наживу с трудом.

Станет вдруг ненужным.

Наклонится эта смерть

Низко надо мною.

Я туда-сюда, круть-верть:

Всюду смерть стеною!

— Погоди! — скажу с трудом

Голосом недужным, —

Все возьми: машину, дом,

Дачу в месте южном.

Только дай еще хоть год…

Месяц!.. Две недели!!

Сад бери и огород!

Что ты, в самом деле?

Скажут близкие мне так.

Пряча грустно лица: —

От нее ничем, никак

Нам не откупиться!

Станет ясной и простой

Истина святая:

Жизнью прожил я не той,

Жизнь была — пустая!

И скажу я напрямик

Смертное желанье:

Дай тогда хотя бы миг

Мне — на покаянье!

* * *

А если этот вечер летний

Вершина жизни, а не дня?

Что, если он уже последний,

Да-да, прощальный для меня?..

Какой закат! Какие краски!

Стремится птица в высоту.

А я концом любимой сказки

Сегодня жизнь свою прочту…

Нет, нет и нет — нельзя сегодня

Мне умирать из-за грехов!

И я молитвою Господней

Молюсь — до первых петухов!

Самое донышко

Хотел Виктор Афанасьевич, человек весьма уже почтенных лет, поверить в Бога до самого, что ни на есть, донышка.

Не разума, нет.

С этим, по мере того, как он, крестившись, честно и беспристрастно, к удивлению и недовольству родных, прочитал великое множество — сначала дающих азы православной веры и затем сложных богословских книг, у него все было в порядке.

А — сердца.

И никак у него этого не получалось.

А что удивительного?

Уж слишком крепко сызмальства вбивалось в сознание живших в безбожное время поколений, что Бога — нет.

И после смерти тоже нет ничего.

Одна пустота.

Которой, кстати, он боялся больше всего на свете. И которая отравляла любую, без

исключения — служебную, семейную или личную радость, ибо, в самый счастливый момент зловеще напоминая о себе, говорила, что и она, как все прочее на земле — когда-нибудь для него кончится….

Чего греха таить — он не только дома, на улице, в школе и институте учился этому, но и сам потом вбивал его в головы молодым.

Когда, совершенно не вдумываясь в то, что говорит, читал, в виде партийной нагрузки, лекции комсомольцам по научному атеизму.

Но вот, наконец, пришло время, и в стране впервые за десятки лет стали открыто говорить о Боге и вере.

Виктор Афанасьевич прислушался.

Крестился.

Стал читать утренние и вечерние молитвы.

Ходить в храм.

Исповедоваться…

(Первая исповедь длилась два с половиной часа!)

Причащаться….

Страх перед смертью исчез.

Появилась радость.

Жизнь обрела совершенно новый смысл.

И все-то было бы прекрасно, так что и желать ничего большего нельзя.

Если бы не одно но…

Да, он ежедневно, как бы ни торопился и ни уставал, совершал утреннее и вечернее правило.

Только как?

Больше по чувству долгу, чем зову сердца.

Порой скучая, позевывая…

Регулярно ходил в храм.

Ездил в паломнические поездки.

Выстаивал даже долгие великопостные службы.

Но… ничего при этом не чувствуя, до конца не понимая, зачем все это, ловя себя на мысли, а не теряет ли он только зря время и, с трудом дожидаясь, когда они, наконец, закончатся…

Он понимал, что все это неправильно.

Что им потеряно то, чем искренне веками жили его прабабушки и прадеды: живая вера.

Да что они — вся святая Русь!

И, ища ее, то и дело взывал к Богу словами апостолов:

«Господи, умножь во мне веру!»

А еще молился апостолу Фоме, чтобы тот, на собственном опыте знавший, что такое обрести истинную веру после сомнения, помог ему.

И, наконец… вымолил!

Только какой ценой…

Однажды с ним случилась беда.

Точнее, как, плача, говорили его родные, несчастный случай.

Закончившийся клинической смертью.

А он, первым делом, выписавшись из больницы, поправил в первом же разговоре родных, сказав, что этот случай оказался для него на деле самым счастливым!

И что с ним случилось…

Впрочем, тут он умолк, словно удерживаемый кем-то.

До поры, до времени.

И только, сияя глазами и блаженно улыбаясь, повторял:

«Он есть! Есть! Есть! Есть!»

«Да кто Он?!» — недоумевали родные.

И слышали в ответ торжествующее:

«Бог!»

А потом Виктор Афанасьевич с несокрушимой убежденностью добавлял:

«И рай! И… ад…»

И спорить в этом с ним было бесполезно.

Причем, что самое главное, в первую очередь — ему самому…

* * *

Прыг да скок за окошком синица,

Стук да стук потихоньку в окно.

Словно знает она, что хранится

У меня в старой банке пшено!

Горсть зерна по карнизу развею,

Пред иконой поставлю свечу,

И молитвою к Богу своею

Сам, как птица в окно, постучу!

Распутанный клубок

Отец Григорий, спешивший в Москву на важную встречу, вспомнив, что ночью поезд долго стоял посреди голого поля, прошел в купе к проводнице и спросил — не опоздают ли они теперь в Москву?

Проводница пересчитывавшая сданное сошедшими за трое суток пути пассажирами постельное белье, не разгибаясь, грубо буркнула в ответ, что она не бригадир и, тем более, не машинист поезда.

Но, оглянувшись, увидела священника и смутилась:

— Ой, простите, батюшка! Даже не знаю. На прошлую станцию пришли с опозданием на сорок минут. Но, может, уже немного нагнали? Я сейчас постараюсь поточнее узнать!

Священник, поблагодарив ее, постоял немного у бесполезного теперь расписания, потому что та станция была последней перед столицей.

Не без тревоги взглянул на часы.

Но — на все Божья воля! — опустил руку.

И спокойно вернулся в свое опустевшее за ночь купе.

Здесь он достал канонник, раскрыл его, с удовлетворением отмечая, что теперь до самой Москвы имеет редкую в поездах возможность молиться вслух.

Устроился поудобнее.

И хотя прекрасно знал наизусть утреннее правило и акафисты — но уж очень он любил церковнославянские буквы! — принялся читать его по книге.

Однако долго пробыть одному ему не пришлось.

Дверь вскоре приотворилась, и показалось лицо проводницы.

— Можно? — на этот раз как-то робко спросила она.

— Конечно, конечно! — прикрыл книгу священник.

Проводница обрадованно кивнула и, продолжая стоять в дверном проеме, виновато сказала:

— Я еще не ходила к бригадиру. Но думаю — должны нагнать. Видите, как нас болтает?

Вагон действительно раскачивало так, что даже ей, привычной к такому, трудно было устоять на ногах.

Поэтому она опустилась на самый краешек нижней полки.

И, объясняя — зачастила:

— Я сразу — к вам! Прибежала, уж простите меня за назойливость, чтобы воспользовавшись таким случаем — еще бы, священник в твоем вагоне! — задать вам вопрос: скажите, ну почему у меня все в жизни не так, как мне бы хотелось? Все кувырком! Можно?

— Так вы ведь уже спросили! — улыбнулся отец Григорий.

— И вы… ответите?

— Что ж, попробую…

Священник внимательно посмотрел на женщину и сразу располагающим к доверительному разговору тоном спросил:

— А что, собственно, вас не устраивает в вашей жизни?

— Да все!

Проводница нервно обвела руками большой круг и перечислила:

— Дети не слушаются. Муж пьет. Скажу вам даже больше, когда пьет — бьет. Я вон, несмотря на то, что имею высшее образование, чтобы как-то продержать на плаву семью, вынуждена проводницей работать!

Отец Григорий, сочувственно кивая каждому слову женщины, от чего у той быстро выступили на глазах слезы, терпеливо дослушал ее до конца и привычно осведомился:

— А вы в церковь давно ходили?

— О! — с легким разочарованием вздохнула проводница. — Я так и знала, что вы это спросите. Но только, думая, что уже нашли причину всех этих бед, не знаете мой ответ. А он такой: а как же? Хожу! И дома. И даже в Москве. Перед отъездом каждый раз забегаю в храм — свечку поставить. А как же? Все же — дорога!

— Свечку это хорошо, особенно если за неимением времени, — видя, что эта женщина не так и проста, согласился отец Григорий. — А дома-то надеюсь, полностью службы выстаиваете?

— Ну не так чтобы очень… — замялась проводница. — Но тоже зайду — опять же свечку поставить, выплакаться вволю.

— И как часто?

— Часто не часто, но раз в два-три месяца — точно!

— Понятно, — кивнул отец Григорий. — Значит, вы — захожанка!

— Кто-кто?! — переспросила проводница.

И священник с чуть приметной улыбкой пояснил:

— Тех, кто ходит в храм постоянно — мы называем прихожанами. А кто так — от случая к случаю… Нет, это не дело! — убежденно перебил сам себя он. — Чтобы жизнь вошла в правильное русло, и Господу не приходилось призывать вас к себе такими скорбями, нужно ходить в храм каждое воскресенье. Причем, на всю службу. Кстати, а на исповеди вы когда последний раз были?

— А это еще зачем? — не поняла женщина.

— Как зачем? Грехи исповедовать!

— А если их у меня нет?

— Гм-м… — даже растерялся от неожиданности отец Григорий. — То есть, как это нет?

— А вот так! — уверенно заявила проводница. — Правду вам говорю. Ни одного!

— За всю жизнь?!

— А как же! Я и в детстве самой послушной была. И в школе отличницей. Да и в институте меня в пример всегда ставили!

— Слу-ушайте, — с легкой шутливостью протянул священник. — Так вы тогда, оказывается, святая! С вас иконы можно писать. А то и просто вместо них у стены ставить.

Вы вот что… Вы переезжайте к нам. Как раз храм у нас бедный, икон не хватает…

— Вы все смеетесь, а обещали ответить! — обиделась проводница и поднялась, чтобы уйти.

Но священник жестом остановил ее.

— Подождите! Раз обещал, значит, отвечу. Но давайте-ка лучше разберемся! И… договоримся! — незаметно улыбнулся в густую бороду он. — Если мы с вами найдем у вас хотя бы десять грехов, то вы обязательно сходите в храм и покаетесь в них на исповеди!

— Де-есять?! — не поверила женщина и засмеялась. — Да вы и трех у меня не найдете!

— Значит, обещаете? — уточнил отец Григорий.

— Конечно!

— Ну, тогда начали. Простите, — предупредил он, если некоторые из вопросов могут показаться вам слишком уж личными… Но, поверьте, мне, как священнику это можно.

— Да чего уж там, — махнула рукой проводница. — Сама напросилась. Спрашивайте!

— Хорошо, — согласился отец Григорий, и по опыту зная тот страшный грех, избежать которого смогли очень немногие женщины, с такой собеседницей решил сразу брать быка за рога: — Аборты делали?

— Нет! — хоть и никак не ожидала такого вопроса, сразу ответила она.

— Так, очень хорошо! — одобрил священник. — А мужу, простите, не изменяли?

— Никогда!

— И это похвально. Ну, а до мужа… вы все-таки красивая, видная — не погуливали? Иными словами, не блудили?

— Да вы что! — даже возмутилась женщина.

Но, вспомнив, что разрешила задавать любые вопросы, уже спокойнее, но уверенно добавила:

— Ни разу. Простите, не так воспитана!

— Очень, очень хорошо! — искренне радуясь за такую чистую в телесном плане душу, сказал священник, на мгновение задумался и продолжил: — Но во время столь строгого воспитания — родителей-то, признайтесь, огорчали? Ссорились с ними? Грубили? То есть, не почитали? Если да, то это нарушение пятой заповеди и, значит, очень тяжелый, о котором многие сегодня даже не подозревают, грех.

— И с родителями я никогда не ссорилась! — почему-то вдруг погрустнев, ответила проводница.

Священник недоверчиво посмотрел на нее, и она, печально вздохнув, объяснила:

— Я же ведь сирота. Они у меня почти сразу после моего рождения погибли в аварии. Бабушка меня воспитала. А она у меня — благородных кровей.

— Ясно… — протянул священник. — И разумеется, вы никогда ничего не крали. Ну, скажем, лишнего казенного одеяла, простыни или еще чего, что плохо лежит?

— Разумеется, нет, — уже победно глядя на него, твердо ответила проводница.

— Значит, жили, не грешили… — задумчиво проговорил отец Григорий и быстро взглянул на казавшуюся до сих пор крепким орешком собеседницу. — А как насчет того, чтобы кого-нибудь осуждать?

Проводница с удивлением покосилась на него:

— А это что — разве грех?

— Да. И еще какой!

— Ну, тогда ладно, один! — проводница загнула палец и усмехнулась: — Теперь, благодаря вам, буду знать, что и у меня хоть один грех, да есть!

— Почему это один? — остановил ее отец Григорий. — Ну, с бабушкой — это мне, положим, понятно. Ведете себя тихо и мирно. А вот как с другими людьми? Тех, что вам неприятны, которые обижают вас? Толкнут вдруг в метро? Никогда не ссоритесь? Ни за что не поверю! Мне вон, например, сегодня грубо ответили. Это я вам не в упрек, а так — для наглядности!

— Да это у меня просто характер такой, вспыльчивая я очень — нервы! — махнула рукой проводница. — Но зато быстро отходчивая…

— Это после того, как осудите, обидите, накричите?..

— Ой, не без этого!

— Во гневе?

— Н-ну, да!

— А гнев — вы загибайте, загибайте второй палец, — посоветовал священник. — Это уже не просто тяжелый, а смертный грех. И таких грехов насчитывается — семь.

Проводница вопросительно взглянула на отца Григория, и он ответил:

— Это — блуд, о котором мы уже говорили, и которого, к счастью, у вас нет. Дальше — гордыня…

— Вот чего у меня нет, того нет! — решительно заявила проводница, но священник отрицательно покачал головой:

— Что, вы хотите сказать, что есть?! — возмутилась женщина.

— А вы послушайте и сами решите. Гордыня — это когда человек думает, что он хоть что-нибудь может без Бога. На службы в храм не ходит. Не молится. Не постится. Не смиряется перед теми трудными обстоятельствами, в которые, для его же спасения, ставит его Господь. Всегда ставит себя выше других, осуждает тех, кто блудит, делает аборты, ворует: мол, я, лучше, порядочней, чище! Что, это все не про вас?

— Почему? — опуская голову, прошептала женщина. — Как раз про меня…

И сама загнула третий палец.

А батюшка, с этой минуты полностью взяв инициативу в свои руки, почти не умолкая, продолжал:

— Далее следуют, простите, я уж всё сразу и не по порядку: тщеславие, превозношение, уныние, отчаяние, убийство, причем, заметьте, убить можно даже словом, чревоугодие, сребролюбие, самолюбие, самооправдание, зависть, памятозлобие, различные суеверия, гадания, вера в приметы, занятия магией, увлечение гороскопами, хождение к экстрасенсам и, так называемым, «бабкам»…

Загнув все пальцы, проводница разогнула их и начала загибать опять.

А священник все продолжал, продолжал:

— …самонадеянность, маловерие, раздражение, празднословие, небрежение — это когда небрежно творят Божии дела, грубость, коварство, оклеветание, не любовь к ближнему, ложь…

— Надо же! — когда отец Григорий, наконец, замолчал, недоверчиво посмотрев на свои, сжатые в третий раз кулаки, ужаснулась женщина. — Столько жила и даже не знала, что у меня так много грехов!

Она посмотрела на священника и, для большей убедительности, прижала ладони к груди:

— Да если бы я даже не дала вам слово, то после того, что сейчас выяснилось, сама бы пошла на исповедь. И даже бы побежала! Нет — побегу! И знаете где? Прямо в Москве! Только не перед отъездом, как это я делаю обычно, а сразу же после прихода поезда! Там служба, я слышала, рано начинается. Только бы мы, и правда, сегодня не опоздали! Простите!

Она в порыве благодарности, даже не испрашивая разрешения, поцеловала руку священника.

И выскочила из купе.

Побежала, как это выяснилось через несколько минут, к бригадиру узнавать — не опаздывает ли их поезд.

Ведь теперь это было важно не только для отца Григория.

Но и для нее самой…

И еще неизвестно, кому из них больше.

Освобождение

Я — раб греха. И, чтобы убедиться

В том, что такой, увы, я не один,

Попробуй от греха освободиться,

И ты узнаешь, кто твой господин!

Увидишь блеск цепей немилосердных,

Услышишь звон безжалостных оков,

Рванешься! — Но не хватит сил усердных

Уйти от одного из всех грехов…

Настанет миг святого покаянья.

И, после очистительной грозы,

Ослабятся греховные желанья

Всего лишь слабой силою слезы!

Вечерняя молитва

Свеча дрожит, как живая,

Молюсь, не смыкая век.

На Господа уповая,

Не постыжусь вовек!

Я речи не знаю слаще.

Мелодией древних слов:

«Еси… иже… убо… аще…»

Наполнен молитвослов.

Таинственны буквы витые

Для сердца, ума и для глаз.

Вот так же читали святые:

«Елика… идеже… аз…»

За каждой строкой — столетья

Молитвенного труда.

С каким должен трепетом петь я:

«Зело… паки… ныне… егда!..»

С молитвой — душа живая!

То ль вечер прошел, то ли век…

На Господа уповая,

Не постыжусь вовек!

Порочный круг

Аркадий считал себя порядочным, обстоятельным и обязательным человеком.

И это было действительно так.

Помогая ему в жизни.

Во всем, как говорили все.

За исключением его лучшего друга.

Считавшего, что эти — бесспорно положительные при наличии благоразумия — качества мешают ему.

Причем, в самом Главном.

И вот почему.

Говорил Аркадию глубоко верующий в Бога друг:

— Крестись!

— Да я бы и рад! И непременно крещусь! — каждый раз отвечал ему тот, но тут же многозначительно поднимал указательный палец. — Только… после того, как искренне поверю в Бога. То есть, подойду к этому вопросу максимально порядочно, обстоятельно и обязательно! Ну как можно лицемерить в столь важном. Можно сказать, наиважнейшем в жизни — деле?

Говорил и даже не мог понять, — потому что слушать не хотел убеждений своего друга, — что

тем самым замыкает себя в порочный круг.

Ибо искренняя вера — это дар Божий!

Да, он дается даром, по великой милости Господа — как жизнь, надежда, любовь…

Но прежде, чем его получить, нужно понести немало духовных трудов.

Сначала изучение основ православия, после которого уже возможно сознательное крещение человека.

А затем — покаяние.

Исправление доселе греховной жизни.

Усердные молитвы…

Да и не только они, а и самые обыденные, но необходимые: например, до и после еды.

До и после начала любой работы.

Поста…

Хождение в храм на церковные службы.

Творение добрых дел ради Христа…

То есть, все то, что положено каждому православному человеку.

В земных, преходящих делах — и то ничего не дается так просто!

А тут — страшно сказать — речь идет о твоей Вечной участи!

Друг говорил это…

Аркадий отмахивался… И так тянул, тянул…

До тех пор, пока с ним однажды скоропостижно, как говорили с прискорбием все, не случилось то, что однажды в жизни неминуемо случается с каждым.

И на его, как было принято официально называть в безбожное время прощание с умершими, панихиде, все как один, утирая слезы, говорили, какой это было порядочный, обстоятельный и обязательный человек, отмечая что эти качества помогли ему занять ответственный пост и завоевать заслуженный авторитет, если не во всей стране, то по крайней мере, в целом огромном городе!

И только один его лучший друг молча стоял в стороне. Плакал.

И его слезы были самыми искренними.

Ибо кто-кто — а он, как никто другой, знал, что все эти качества, действительно одни из самых положительных и нужных в этой временной жизни, отныне были совершенно бесполезны для Аркадия.

Для его лучшего… бывшего друга….

Который только сейчас запоздало все поняв там, в Вечности, из-за них так и не сумел вырваться из навсегда сгубившего его бессмертную душу порочного круга…

* * *

Начать бы всё бы с чистого листа.

Черновики отбросив бы подальше,

И жить легко, спокойно и без фальши,

Была бы совесть только бы чиста!

Начать бы лето красное весной,

И на пожар успеть бы до начала,

И, что б молва сорокой ни кричала,

Пройти без страха по тропе лесной…

Начать… пройти… успеть — пока судьбы

Не скомкана последняя страница.

Я б так и сделал, если бы не «бы», —

Они никак не могут измениться!

С чистого листа

Сколько людей — столько путей к Богу.

У Петра Нечаева он был такой.

Не сложилась у него жизнь.

Ну, не сложилась — и все!

Все вокруг за глаза, а то и прямо, называли его неудачником.

И, правда.

До пятидесяти четырех лет дожил, а своего угла так и не обрел.

Снимал квартиру.

Точней, даже комнату, потому что так было дешевле.

И не столь одиноко.

Несколько раз был женат.

Но ни одна семья не сложилась.

Настолько неуживчивый был у него характер.

Хотя во всем, конечно же, обвинял жен.

Институт не окончил…

Терпения не хватило.

Несколько десятков работ поменял — и все были не по сердцу, точно из-под палки все приходилось делать.

И в итоге, нигде и ни в чем не сумел, как любят говорить психологи, реализовать себя.

Только заработал, на нервной почве, целый букет болезней.

Но ничего, жил — не тужил.

Успокаивал себя тем, что не один он такой.

Пока…

Однажды — для всех сверкающим и веселым, а для него почему-то необыкновенно грустным синим декабрьским вечером, дело было как раз под Новый год, — подводя итоги очередной, предъюбилейной вехи своей жизни (довелось ему работать бухгалтером, и после этого укоренилась привычка во всем сводить дебет с кредитом), Петр Нечаев вдруг заодно нечаянно пролистнул и все предыдущие годы.

Словно посмотрел на себя со стороны и…

Страшно ему стало от такого себя.

Больно…

Стыдно…

Обидно…

Почти до слез.

Начать бы всю жизнь по-новому!

С чистого листа, как это было когда-то в школе, когда он переписывал в новой тетрадке выполненное с ошибками домашнее задание.

Да как?

Разве такое — возможно…

И так остро ему захотелось этого, ну, все на свете был готов отдать взамен, что от бессилия что-либо уже изменить он не выдержал и… заплакал.

А потом, чтобы поскорей забыться, принялся обзванивать всех еще задолго до окончания старого года — и, тщательно скрывая зависть, поздравлять с Новым годом.

Желать семейного счастья.

Здоровья.

Новых успехов на любимой работе.

Чтобы дети побольше радовали и поменьше, а еще лучше — совсем не огорчали.

Своих-то он, вместе с внуками, почти и не видел…

А если и встречался с ними — то так, опять же благодаря его нервному, скупому, самолюбивому характеру, что потом не встречались годами.

Так звонил он, звонил…

И добрался, наконец, до самого счастливого, на его взгляд, — из своих знакомых, которому и звонить-то из-за этого не особо хотелось, — человека. Павла Андреевича Колоколова[10].

Но — как не позвонить, не поздравить?

Он познакомился с ним относительно недавно.

Нынешней осенью.

Но быстро все оценил.

У того, хоть и скромно, было все.

Красивая, несмотря на немалые уже годы, заботливая жена.

Прекрасно устроившиеся в жизни взрослые дети.

Спокойные, послушные внуки.

Свой, правда, уже старый, но вполне еще крепкий и уютный, доставшийся по наследству от родителей дом.

Прямо во дворе, так, что не нужно никакой дачи — сад.

С удивительно вкусными плодами.

Огород.

Рассыпчатую, духмяную на тарелке картошку с которого целыми кошелками пару раз привозил в эту зиму ему Павел Андреевич.

Не на такси или автобусе, как приходилось все делать Петру, конечно.

Была у Павла Андреевича далеко не из самых дорогих, но все же — ни разу не подводившая его в дороге машина.

Словом, набрал его номер Петр Нечаев.

И состоялся у них такой разговор.

— Здравствуй, Паша! С наступающим тебя Новым годом! — привычно, с деланной улыбкой громко сказал Нечаев.

— Спасибо, — сдержанно отозвался Колоколов.

— А что так не радостно?

— Да понимаешь…

И не успел Петр начать про семью, здоровье и все прочее, включая машину — чтобы она и дальше не ломалась, виновато кашлянув, сказал:

— Видишь ли, мы ведь его особо не празднуем.

— Как это?! — не понял Петр.

— Так ведь Рождественский пост!

— И что же — пустой стол и постные лица?

— Почему? Лица как раз веселые. Ведь пост — это самое спасительное для души время! Завтра утром собираемся в храм, на службу.

— Да ведь все, ну, кроме людей с ненормированным графиком, даже на работу в этот день не ходят!

— То на работу, — поправил Колоколов. — А я сказал — на службу.

— Кому?!

— Богу.

Петру приходилось уже слышать обо всем этом, и не только от своего нового знакомого.

Только он всегда отмахивался, когда при нем начинали разговоры о вере в Бога, рае и аде…

И уверенно выдвигал свой главный аргумент (в свое время ему пришлось поработать ревизором в электричках и, наслушавшись безбилетников, он научился никому не верить так просто, на слово):

— Ас чего это такая уверенность в загробной жизни? Ведь оттуда же никто никогда не приходил!

То же самое сказал он теперь с усмешкой и Колоколову.

И тут услышал такое…

Столько убедительно-веских примеров(с деталями, которые невозможно придумать самому талантливому писателю-фантасту) и неопровержимых доказательств: свидетелей, очевидцев, наконец, самих тех, кто вернулся, побывав ТАМ.

Заверенных подписями и печатями врачей, академиков, авторитетных ученых…

Даже работниками спецслужб.

Таких, как НКВД и КГБ.

Павел Андреевич зачитывал это прямо по книгам…

Так, что от былой уверенности Петра не осталось и следа.

Больше того. В голосе Павла Андреевича было столько добра и теплоты, что-то такое понимающее и… полностью принимающее даже его, каким он был, что Петр неожиданно для самого себя признался:

— А я вот о жизни своей тут невольно задумался…

И рассказав о себе все, закончил главной своей болью — что этого не изменить уже никогда!

— Ну почему? — удивился Павел Андреевич.

И сначала к величайшему недоверию, потом не меньшему изумлению и, наконец, к неописуемой своей радости Нечаев узнал, что оказывается это… возможно!

Да-да!

Возможно!!!

Где?

В Православии!

Стараясь не пропустить ни единого слова, он слушал, что во время таинства исповеди человеку отпускаются все грехи, которыми он согрешил.

Они, какими бы тяжкими ни были, просто перестают существовать в природе.

Как бы смываются с человека.

Или, словами святых старцев, изглаживаются из книги его жизни.

И здесь, на земле, и главное — в Вечности.

Благодаря Величайшей Жертве Иисуса Христа, пригвоздившего к Голгофскому Кресту все наши грехи.

Конечно, трудно человеку не согрешать вновь.

Уж слишком сильны наши греховные привычки и страстные привязанности.

Но Господом вновь и вновь даются силы, чтобы бороться с ними.

Иными словами — благодать.

Которая преимущественно, главным образом, подается в церковных таинствах и молитве.

В добродетелях, то есть, творении благих дел ради Христа.

Этот список можно еще продолжать.

И, наконец, настает такой счастливый момент, когда человек скорее пойдет на смерть, чем повторит свой грех.

А это значит, как говорят те же старцы, что Господь уже не просто отпустил, но и простил этот

грех…

Но для этого надо потрудиться.

И немало.

Молиться.

Соблюдать посты и постные дни.

Регулярно ходить в храм.

Исповедоваться.

Причащаться…

— Постой-постой, — впервые перебил собеседника Нечаев, уловив в разговоре для себя самое главное (сейчас он работал охранником в ювелирном магазине и умел мгновенно анализировать ситуацию). — Ты сказал — завтра идешь в церковь?

— Да — И будешь… исповедоваться?

— Конечно!

— Слушай, — взмолился Нечаев. — Научи меня, как это делать. И… возьми завтра с собой на службу!

— Нет вопросов, утром заеду! — с готовностью отозвался Павел Андреевич. — А подготовиться к исповеди лучше так…

Полчаса, до самого ухода старого года, длилась еще их беседа.

Колоколов посоветовал не надеяться на память, да и бесы, которые всю жизнь плели паутину вокруг своей даже не подозревавшей об этом жертвы, как ураганом выветрят из головы все совершенные грехи, как только он подойдет к аналою.

Поэтому лучше записать их.

Все, до единого.

Какими бы тяжелыми и стыдными они ни казались.

И Нечаев, старательно припоминая, всю ночь, когда большинство людей на земле пили, ели, танцевали, веселились, стреляли из ружей и пускали в небо ослепительные ракеты, писал, писал в чистой ученической тетрадке (осталась от приезжавшего в гости внука), занося в нее всю свою грязную жизнь.

В конце концов, тетрадь была исписана так, что пришлось занять место даже на одной из обложек…

Так и не уснув, утром нового года он с трудом дождался приезда Колоколова.

Доехал в переполненной его родственниками машине до храма.

Исповедовался…

Священник, не смотря на то, что до этого Нечаев не постился, не вычитал положенного правила (все это будет потом, потом!) строго уточнив только, не вкушал ли тот чего и не пил ли после двенадцати ночи, даже благословил его… причаститься!

Вышел Петр Нечаев после службы из храма.

Веря и не веря в то, что теперь он, благодаря милости Божией, начинает свою жизнь с чистого листа, и всего его страшного прошлого — больше нет!

Нет!!

Нет!!!

И счастливей его в этот день, несмотря на то, что для многих Новый год — самый долгожданный и радостный праздник, не было на свете — никого…

* * *

Душа моя! Помысли смертный час

Не завтра, не когда-то, а сейчас!

И, хоть никак рассудок не смирится,

Что он придет, нет, это знай — случится!

Причем, не где-то с кем-то, а со мной.

Душа моя! Не вечен век земной.

Вот — кладбище, могильные холмы…

Под ними те, что жили, как и мы,

И думал каждый, смертный час гоня,

С надеждою, мол, он не для меня!

А он пришел для каждого из них:

В домах, больницах и на мостовых,

В реке, машине, на ходу, в постели…

Душа моя! И ты не вечна в теле!

Взывай же к Богу, вспомнив смертный час,

Не завтра, не когда-то, а — сейчас!

* * *

Душа моя! В который час — не знаем,

Тела и души наши разлучат,

И между адом и блаженным раем

За путь земной, который выбираем,

Нас бесы беспощадно обличат!

Блаженны, кто загладит покаяньем

Свои грехи. А если нет, тогда

Ни воплем, ни мольбами, ни рыданьем,

Исторгнутым из сердца с опозданьем,

Не изменить решения Суда…

Идет за поколеньем поколенье

Дорогой этой каждый человек.

Душа моя, оставь свое сомненье,

Покайся, начиная исправленье,

Пока есть время, и не кончен век!

* * *

Господи, ночью вьюжной

Снег кружит голубой.

Мне ничего не нужно —

Только бы быть с Тобой.

Пригоршни снегопада

Бьются в окно, слепя.

Господи, мне не надо

Ничего без Тебя.

Дольше ли ночи вьюжной,

Господи, век земной?

Мне ничего не нужно —

Только Ты будь со мной!

Часть 4. О самом главном (рассказы отца Дамиана)

Старое знакомство

Все мы из одного времени.

И одного мира.

Неважно — в миру ли…

В монастыре…

Однажды иеромонах[11], отец… назовем его (изменяя, по его просьбе, имя и сан) — Дамиан, знакомился с только что прибывшим в обитель монахом.

— Как тебя звать, брат? — на правах старшего спросил он.

— Монах Арсений! — с готовностью прозвучало в ответ.

— И откуда же ты? Где подвизался?

Монах ответил.

— Знаю, знаю этот монастырь, — одобрительно кивнул иеромонах. — Порядки строгие. Климат суровый. Там даже месяц не просто выдержать…

Высокий, статный, с седой окладистой бородой отец Дамиан сразу невольно вызывал к себе расположение.

Монах не оказался исключением из правил.

Он охотно поведал о своей насыщенной множеством событий жизни в монастыре, где провел месяц не месяц, а целых пятнадцать лет, не умолчав и причины своего ухода оттуда — просто по состоянию здоровья, обитель-то та находилась на дальнем севере.

— Это понятно, север — не сахар, по себе знаю! Я, брат, после того, как однажды к вере пришел и Бога в свое сердце впустил, где только ни был, чтобы в ней как следует укрепиться! — с участием выслушав нового брата, сам пооткровенничал отец Дамиан и поинтересовался: — Ну, а до пострига где обитался?

— А в городе Н. — пренебрежительно отмахнулся монах. — Есть такой, правда, его мало кто по карте найдет. Тем более, что и название у него теперь новое. То есть, старое, дореволюционное.

Густая посеребренная бровь отца Дамиана — хотя в монастыре давно пора привыкнуть к чудесам — удивленно приподнялась.

Все дело было в том, что он сам был оттуда родом.

— Да-а? — протянул он. — Ну я-то положим этот город с закрытыми глазами даже без карты найду! А работал в нем где?

Монах, словно извиняясь, развел руками:

— В доме культуры — руководителем танцевального кружка и по совместительству лектором. Приходилось даже атеистические лекции народу читать. Хорошо, что люди ждали только одного — чтобы я побыстрей закончил, потому что после этого наш руководитель привозил особенно интересное, чаще всего — зарубежное кино. Это, значит, чтобы явка больше была!

Монах готов был словоохотливо продолжать.

Но уже вторая бровь отца Дамиана пришла в неописуемое движение:

— В каком именно ДК? — словно не веря своим ушам, уточнил он.

Монах, не понимая, зачем собеседнику нужны такие подробности, ответил.

Он даже не подозревал: отец Дамиан не только жил в этом городе, но и работал именно в этом заведении культуры!

— Когда? — быстро уточнил он. — В какие годы?

— В середине семидесятых… — пробормотал окончательно переставший понимать что-либо монах.

И то, правда.

Это уже было похоже на какой-то допрос, а не на знакомство…

Но, к счастью, вскоре все выяснилось.

И не только для него одного.

Отец Дамиан с минуту пристально вглядывался в лицо переминавшегося с ноги на ногу тоже густобородого, широколицего монаха, мучительно пытаясь что-то узнать в нем, но, так ничего и не найдя, наконец, хрипло спросил:

— Ты — кто?

— Отец Арсений, я ведь уже говорил!

— Нет, я спрашиваю, как тебя звали в миру?

— А-а… Александром Свинцовым.

— Сашка! Ты?!

Монах, сообразив, что все расспросы были не любопытства или еще чего ради, во все глаза уставился на иеромонаха.

А тот, покачав головой — всяко в его нелегкой судьбе бывало, но чтобы такое… — усмехнулся:

— А ты знаешь, кто я?

— Кто?.. — затаив дыхание, тоже стал внимательно вглядываться в него монах.

— Да тот самый руководитель, который привозил тебе те самые фильмы!

Иеромонах с монахом — теперь уже, с трудом узнавающе — посмотрели друг на друга.

И оба, в один голос, с изумлением выдохнули:

— Не может быть…

«Может, — закончив, задумчиво возразил сам себе отец Дамиан. — И это только лишний раз говорит о том, что все мы из одного времени и мира. И доказывает тем, кто хочет видеть на монахах уже чуть ли не ангельские нимбы, что они такие же люди — только нашедшие свой путь к Богу и пришедшие в монастырь, чтобы с Божьей помощью бороться со своими погибельными, то есть греховными, привычками и навыками за спасение своей вечной души…»

…Рассказал мне отец Дамиан эту историю.

Потом другую…

Третью…

И в итоге их накопилось столько, что мне только осталось пересказать их.

Разумеется, от его имени.

Языком художественной прозы.

На строго документальной основе.

Прошлое

Я жил, не ведая о Боге,

То есть, не думая о том,

Что ждёт меня, как всех, в итоге,

Когда усну я под крестом?

Я жил легко и гордо даже,

Ибо уверен был вполне,

Что я и так святой, ведь я же

Не крал, не убивал, не… не…

Я жил, как все тогда в России,

Стремясь в какие-то края

И веря в собственные силы…

О, Господи, а жил ли я?..

Чудесная туча

Ну и лето было в тот год!

Все уже изнывало от зноя и жажды. И деревья, и травы.

Все, что было посажено нами на монастырских огородах, несмотря на то, что из сил выбивались с поливами.

И сами люди…

Особенно те, кому во время солнцепека приходилось ходить по обители в черных подрясниках.

Но — хоть бы капля дождя…

И тут вдруг видим — тучка издалека ползет.

Тучка как тучка.

Сколько уже таких проплыло мимо.

А тут вся братия — все как один, начиная с игумена и заканчивая трудником — как начала молиться!

И надо же такому…

Чем дольше, горячей молимся — тем больше становится тучка.

Затем она превратилась в настоящую тучу.

Остановилась.

Зависла над нами.

И давай обильно поливать монастырский огород и цветы на клумбах перед храмом и братским корпусом!

Но ведь это еще не все!

Напротив, через дорогу магазин был.

Там на крылечко бабушки высыпали.

Стоят, крестятся при виде такого чуда.

И то правда.

У магазина — пыль.

Сушь.

Такая, что земля уже чуть ли не трескается.

А через дорогу — настоящий ливень.

Да не минуту-другую, как это бывает иногда в жару, когда природа не столько утешает, сколько дразнится.

А зарядил по-настоящему на целых полчаса!

Полила туча все, что только могла у нас.

И — пустая — ушла дальше!

Но не зря, видно, и бабушки крестились.

Потому что за этой тучей вскоре пришла новая.

Которой хватило уже на всех. А потом и вовсе стало в меру дождливо и приятно прохладно!

Вразумление

Север-юг…

Восток-запад…

Ох, и побросала же меня монашеская судьба!

Снова север…

И вот тут, по сути дела в тундре, понял я вдруг, что нет на земле ни одной вещи, к которой, несмотря на всю очевидность ее полезности, нужно относиться с крайней осторожностью!

И разумением.

Взять, например, обыкновенный столовый нож.

Им можно красиво порезать на обеденный стол хлеб.

А можно, чего недоброго, в пылу гнева убить человека.

Или еще, к примеру, — компьютер.

Предмет, который сейчас, пожалуй, не менее привычен во всех домах, чем кухонный нож.

Так вот, стоит на этом севере один женский монастырь.

И у матушки-экономки в рабочем кабинете — компьютер.

Всякое в нем есть — и игры, и интернет.

Но матушке, разумеется, он нужен был для работы.

Ведь куда сейчас без компьютера?

Простой отчет и то не сделаешь!

Время, правда, тогда было — уже не до отчетов.

Они закончились в старом году.

И тем более, начинался Великий Пост.

Сестры искренне, в слезах вечером, во время особого чина, попросили друг у друга прощения.

И наутро началось время, которое, как говорится, для нерадивого монаха в тягость, а для желающего спасения — в радость.

Пришла матушка в кабинет.

Кому, как не ей, опытной в монашеской жизни, было знать, что в Великий Пост — и искушения бывают великие?

Которые, по вражьей хитрости, начинаются, с казалось бы, самых невинных мелочей.

И что-что, а уж компьютер, как ни тянуло это сделать, она решила не включать ни в коем случае!

Только разве что если будет какая нужда в нем.

А тот вдруг возьми да включись…

Сам!

Не ноутбук, в котором есть аккумуляторы.

А обычный стационарный компьютер.

К тому же, как всегда предусмотрительно — в поселке часто бывали очень резкие скачки напряжения — отключенный от сети!

Даже неспециалисты сразу поймут, что такого просто не может быть.

Но — было!

Экран монитора внезапно засветился.

Матушка-экономка даже перекреститься не успела.

И на нем появилась надпись:

«Привет! Давай пообщаемся?»

Вот тут-то матушка и начала и креститься, и молиться!

Дошло до нее, что еще прячется или, точнее, кто сидит в этом безобидном на вид и, действительно, порой очень нужном, предмете!

Стоит ли после этого говорить, что до окончания Великого Поста матушка-экономка просто обходила компьютер стороной.

И до сих пор использует его исключительно в случаях крайней необходимости.

И то с великой осторожностью, постоянно молясь во время работы!

Спасение

Сломалась однажды прекрасно налаженная жизнь у человека, которого я знал, как едва ли не самого себя![12]

До этого он вполне успешно занимался пусть не дающим огромные барыши, но вполне надежным и честным бизнесом.

Но вот — один к одному — пошли скорби.

То ли его, как теперь принято говорить, подставили.

То ли сам он неосторожно подставился.

Да так, что пришлось прятаться от еще вчера заверявших в вечной дружбе бывших компаньонов.

А тут еще и близкие родственники умерли едва ли не в одночасье!

Словом, забегал он по России.

Запил от отчаяния.

Пил…

Пил…

И… очнулся в каком-то городе, чуть больше села.

В гостинице.

Без денег.

И вот что удивительно: единственный люксовский номер ему почему-то не день или два — месяц! — предоставляли бесплатно.

Вино и все другие удовольствия — тоже откуда-то брались без ограничения.

Словно кто невидимой рукой поставлял все это ему.

Жизнь шла словно в пьяном угаре.

Но вот однажды ночью проснулся он совершенно трезвым.

Сначала даже удивился. А потом…

Как бы со стороны вдруг увидел себя, всю глубину своего падения.

И решил покончить счеты с такой жизнью.

— А-а, чего мелочиться, — подумал он, в общем-то, отчаянный и решительный человек, — вместе с нею самою!

Тут даже и снотворные таблетки каким-то чудом для такого дела нашлись.

Чуть ли не сами в номере появились!

Счастье, что несмотря ни на что был этот человек — совестливым. Почему и бизнесом занимался честным, хотя с его умом и умением располагать к себе людей — и власть предержащих, и деньги имущих, и даже банкиров — мог стать богаче всех их, вместе взятых!

Взял он эти таблетки.

Целую горсть.

А рука, точнее, ладонь у него была на зависть любому кузнецу или боксеру.

На троих бы хватило!

Наполнил водкой стакан до краев — чтобы быстрей подействовало.

Не забыл даже предусмотрительно табличку на обратной стороне двери повесить — «Прошу сегодня уборкой не беспокоить!».

Но тут — вдруг голос (это потом он понял, что это был — глас совести):

«Что ты делаешь? Опомнись, безумный!»

Голос прозвучал так явственно, что он даже оглянулся.

Но нет… вокруг никого…

Однако желания свести счеты с жизнью таким способом у него почему-то сразу поубавилось.

Остановил он на полпути ко рту ладонь с таблетками.

И то ли — что-то где-то когда-то читал, а может, слышал о том, какой вечный ужас и еще худшая тоска ждет людей за это после такой смерти.

То ли вовремя вспомнил, что самоубийц в прежние умные времена наши предки хоронили за пределами кладбища.

И, видно, далеко не случайно это делали!

Во всяком случае, опустил он руку.

Покатились по полу смертельные таблетки.

И не то чтобы этот человек был верующим, он даже еще и крещен не был тогда, но внезапно — всем своим сердцем — закричал:

«Господи! Забери же меня к Себе! Сам!!!»

Что дальше?

А то, что и должно было быть.

Не прошло и трех дней, как он — и сам даже не понял как — оказался в древнем мужском монастыре.

Крестился.

И на вопрос настоятеля:

«Вы к нам надолго?»

Сам удивляясь себе уверенно ответил:

«Навсегда!»

Прошло больше двадцати лет.

И, как выяснилось впоследствии, это была правда.

Потому что, пусть после этого монастыря и пришлось подвизаться ему во многих других обителях — но от Бога он уже действительно не отступал никогда!

Вечный миг

Живя без веры и надежды,

Я шел, куда вела судьба,

И боготканные одежды

Сменил на рубище раба.

Я брел среди гранитных сколов.

Бежал, проваливаясь в грязь,

Неизглаголанных глаголов

Ища потерянную связь.

Но, наконец, настал прозренья

Неповторимый вечный миг,

И я смысл жизни и спасенья

Сердечным разумом постиг!

Вернулись вера и надежда,

Путем стал Бог, а не судьба,

И боготканная одежда

Легла на рубище раба!

Урок для двоих

Ловил я на северном озере рыбу.

Сеть длинная — 90 метров.

Да вот беда: ячейками маловата — «сороковка».

То есть, не на очень большую рыбу.

Но уж какая в обители была…

До двух килограммов сазанчика еще выдержит, а если попадется крупнее, да еще, к тому же, и зазеваешься, то — латай после этого под ворчание отца-эконома сети!

Был я, конечно, не один.

С послушником.

Вечно каким-то угрюмым и малословным.

Который в то время как раз укреплялся в вере.

Душой молился.

А всем своим долговязым, худым телом — сидел на веслах.

И по первому моему слову направлял нашу резиновую лодку в указанном направлении.

Одно слово — послушник.

Всем хорош.

Веры только ему не хватало.

Но укрепил его в ней Господь!

Как?

Не сразу, конечно!

И именно в тот раз…

Поставили мы, значит, сеть.

Отплыли.

И наблюдаем.

Если где вода забурлит — скорее туда!

Значит, попалось что-то серьезное.

И нужно успеть, пока рыбина не вырвалась на свободу.

Час сидим.

Два…

Если бы не озеро, то можно было бы подумать, что вся рыба куда-то уплыла.

Но озеро ведь — не река!

Куда из него ей деваться?

Наконец, глядим — забурлило!

Но увы, то ли не успели, то ли я от излишнего желания принести в монастырь для братии настоящую добычу перестарался.

Только ушла рыба.

Хорошая такая, килограмма на три.

Охнул послушник.

От огорчения чуть было весло не выронил.

«Ничего, — говорю ему. — Молись! Ибо сказано: просите и дастся вам!»

«Да я и так молюсь, — отвечает. — Только у нас что-то както не получается!»

Не прошло получаса — смотрим — опять заходила вода ходуном!

И вновь прорвала сеть рыба.

Еще крупнее, чем первая.

«Господи, да что ж это такое?» — застонал послушник.

Тут уже я и сам расстроился.

Времени до конца рыбалки не так много осталось.

Неужели братия без рыбных котлет на ужин останется?

Один гарнир из макарон есть будет…

Но, как могу, с уверенностью, которая уже и во мне почему-то начала таять, повторяю:

«Ничего: просите, и дастся вам!»

«Но когда, как? — умоляюще взглянул на меня послушник. — Может, пока не поздно, просто на удочку попробовать?»

И тут, не успел он договорить эту фразу…

Как вдруг огромный, серебристый, ну что твоя снегоуборочная лопата сазан — бух в сетку прямо под нами!

И даже не трепыхнулся.

Хотя мог так качнуть нашу лодку, что пришлось бы нам потом как следует за ней погоняться!

Вытянули мы его. Приглушили как следует.

И давай радоваться — что будет теперь утешение братии, очень уж любящей наваристую уху и рыбные котлетки, да не на один день.

Рыбина-то не меньше, чем 10 кг весом!

Это потом, когда мы ее взвесили, то точно определили — без малого 16 килограммов.

А тогда я, сам с облегченным от легкого маловерия сердцем, победно взглянул на послушника и, если честно — не только у него, но и у самого себя спросил:

«Ну что, понял?»

И тот самым счастливым голосом, которого я и ожидать от него не мог, радостно, на все озеро, ответил:

«Еще бы! Просите и дастся вам! Понимаете? Дастся!!!»

Рассказ с продолжением

— А знаешь, как я после того случая грибы собирать стал? — спросил у меня отец Дамиан.

И, резонно не дожидаясь ответа, потому что — откуда я, собственно, мог это знать, — тут же продолжил:

— Побегу, с благословения настоятеля, в первую, свободную от послушания, минуту в тайгу. Молюсь и собираю. Пока иду и прошу: «Господи, помилуй!» — передо мной грибы. Один за другим и один к одному. Крупные, крепкие! Ну, прямо сами сразу на сковородку просятся! А как только чем-нибудь отвлекусь и о другом думать начну, казалось бы, в самых подходящих местах: под осинами, в ельниках — ни одного гриба! Хоть все вокруг на коленях излазь! Но опять — начну молиться — и снова грибы!

Поблагодарил я отца Дамиана за столь назидательный рассказ.

Вышел в монастырский двор.

Знакомому позвонить — нужно было срочно попросить о чем-то его.

Но о чем именно, я и тогда и после напрочь забыл.

Почему?

Да как тут не забудешь…

Началось все с того, что его голос мне не очень понравился.

— Что такой скучный? — спрашиваю. — Заболел, что ли?

— Да нет, — говорит, — вот, грибы собираю, точнее, просто по лесу брожу. Хоть бы для смеха один мухомор увидать!

Надо же случиться такому совпадению: только-только нечто подобное я слышал от отца Дамиана…

И, недолго думая, посоветовал:

— А ты попробуй, помолись! Попроси Господа!

— И что?

— Что-что…

Знакомый мой был полной противоположностью послушнику, который рыбачил с отцом Дамианом.

Низкий, полный — почти круглый.

Всегда многословный, веселый.

И в духовном плане — какая там молитва? Какой храм?

Он и про Бога вспоминал, только когда совсем от болезней было невмочь или случались какие-то крупные неприятности на работе.

Словом, веру не отрицал, но и относился к ней с явной прохладцей.

Как в одной старой песне поется:

«И не то чтобы да, и не то чтобы нет!»

Поэтому вполне мог пропустить сказанное мимо ушей.

И я насколько мог уверенно ответил:

— А там увидим!

Увидеть ничего — то есть, лица знакомого и его корзину — мне, конечно, не пришлось.

Далековато от монастыря до его дачи, и тем более, леса.

Но услышать услышал.

Его захлебывающийся от радости голос:

— Представляешь? — позвонив буквально через десять минут, восторженно зачастил он. — Дай, думаю, на всякий случай проверю… И что бы ты думал? Помолился — гриб! Еще помолился — другой! Причем, в тех самых местах, где я до этого все тщательно осмотрел! Да ведь это же чудо! Сколько раз помолился — столько и грибов! Иду теперь с полной корзиной! Больше уже просто собирать некуда!

Я слушал его, радовался вместе с ним и за него.

И думал, что ему еще многое нужно сказать.

Объяснить.

Потому что Господь посылает иногда, особенно в начале, для укрепления в вере чудеса людям.

И не только, как это было на северном озере с огромной рыбиной или в этом случае — с грибами.

Но, если внимательно приглядеться, буквально на каждом шагу.

Когда человек действительно потянется к Богу.

А потом, бывает, начинает испытывать.

На прочность в вере.

Тот же мой знакомый после сегодняшнего чуда теперь может неделями ходить и, как бы ни молился, не найти ни одного гриба.

И в итоге вконец разочароваться.

Поэтому нам было о чем поговорить…

И мы поговорили.

Но это — уже еще одно продолжение.

А точнее, тема для совершенно другого, более обстоятельного и глубокого рассказа!

Чудо

В час недобрый, час унылый,

Час сердечной пустоты

«Господи, — скажу, — помилуй!»

Трону Библии листы,

Поцелую край иконы,

Вспомню, не скрывая слез,

Как во дни святые оны,

Ради нас страдал Христос.

И — о, чудо! Час унылый

Станет лучшим часом дня.

«Господи, — скажу, — помилуй!»

И помилует меня!

Единственный ответ

Обычно отец игумен и я никогда не пропускали братского вечернего правила. Эта соборная молитва иеромонахов, монахов, иноков, послушников и трудников несмотря на то, что продолжается не больше часа, имеет великую силу.

И важна не только для принимающих в ней участие.

Она простирается гораздо дальше и шире.

Но тут мы по какой-то неотложной причине находились в братском корпусе.

Смотрим в окно.

Вышла братия из собора.

Впереди — как всегда благоговейно несут икону Пресвятой Богородицы.

За ней все идут по чину.

Возглавляет шествие отец благочинный.

И все поют:

«Владычице, прими молитвы раб Твоих и избави нас от всякия нужды и печали!»

Прошли, пропели.

А идти, надо сказать, минут 15–20.

Именно столько времени требуется, чтобы таким крестным ходом перед наступлением ночи обойти весь монастырь.

Мы с отцом игуменом продолжили обсуждать важный вопрос.

И тут…

Что это?

Не прошло и трех минут, как все повторилось.

Икона…

Братия…

Пение…

Взглянули мы друг на друга: вроде, времени совсем мало прошло!

И когда отец благочинный через полчаса пришел в братский корпус, игумен сразу обратился к нему с вопросом:

— Ты что это, по второму кругу без благословения решил ходить?

— Да нет… — даже растерялся благочинный. — С чего бы? Мы, как всегда, один только раз прошли!

И тогда нам с отцом игуменом стало ясно — ну ладно, одному могло показаться, но не обоим же сразу — что впереди монахов шли… ангелы.

А кто же еще?

Бог и время

— Знаешь ты, что такое время? — однажды спросил меня о. Дамиан.

Не успел я удивиться такому простому вопросу, как он тут же сказал:

— Не торопись с ответом.

И рассказал вот такую историю.

В далеком уже, 1996-м году, нашу северную республику посетил Святейший Патриарх Алексий II. В его планы входило и посещение монастыря, в котором я тогда подвизался.

По благословению настоятеля, мне пришлось заниматься организацией праздничной трапезы.

На ней должны были присутствовать сам Патриарх, руководство республики, приглашенные священнослужители, а также ктиторы обители.

Все шло четко по графику.

Вертолет с долгожданными гостями прилетел в обитель.

И тут вдруг ко мне подходит взволнованный благочинный епархии и сообщает, что трапеза переносится…

… на три часа раньше назначенного срока!

То есть, должна начаться через полтора часа.

И гостей будет не 35, а — больше сорока.

Сказать, что я разом выпал из реальности — это не сказать ничего.

Потому что такое — просто невозможно.

Ни по силам.

Ни, главное, по времени!

И вот тогда — как же велико Всемогущество Божие! — время вдруг физически изменилось.

Оно — растянулось.

Я ощущал это совершенно явственно!

Конечно, Господь управляет всем и вся.

Но тут я воочию видел, как это управление Им творится.

Никому не нужно было ничего говорить.

Давать указаний.

Подстегивать или объяснять.

Из всех тех, кто мне помогал, каждый четко знал, что от него требуется в данную минуту.

Я просто ходил в абсолютной, прости за такое слово, прострации.

Пришел в себя только когда все работы были завершены.

Как только дверь в трапезную закрылась, тут же отворилась входная дверь.

И вошел Патриарх, в сопровождении многочисленных гостей.

Трапезой все остались довольны.

Патриарх даже с особой теплотой отметил, что приятно удивлен, что в тайге с такой любовью, красотой и разнообразием организованы такие столы для гостей и приготовлена такая трапеза.

Что к этому можно добавить?

Я взял благословение у Патриарха.

И оно осталось со мной на всю жизнь.

А еще — опытное познание того, как по воле Божией могут меняться физические законы этого мира и даже само время.

Ступени

День прошел — и слава Богу!

Правда, мысль легла, как тень,

Что к последнему порогу

Стало меньше на ступень.

Пожелтеет жизни древо,

Закружится листопад,

И того, кто шел налево,

Уведут ступени в ад.

Ночь прошла — и Богу слава!

Что бояться нам конца,

Если все ступени справа —

От Небесного крыльца!

Взаимная любовь

Любит отец Дамиан птиц.

Надо сказать, не без взаимности.

А так как в свое время он был еще и профессиональным фотографом, то нет ничего удивительного в том, что значительную часть его фотоколлекции занимают именно птицы.

Вот — синички прилетели в стужу к кормушке.

Сделанной из обрезанной пластиковой бутыли.

Желающих много, а места мало.

Вот и получилось: одна сидит в ней, завтракает или обедает.

Вторая чуть выше дожидается своей очереди.

А третья и вовсе над ней зависла.

Тоже ждет.

Кто-то даже назвал это застывшее мгновение «До-ре-ми».

И правда, если задуматься — ведь это как ноты прекрасной песни любви человека к меньшим нашим братьям.

Есть снимок лесной пичуги.

Такой красивой — глаз не отвести.

А она — головку запрокинула, вся вытянулась в струнку.

И сразу видно, что поет!

Чтобы ее не спугнуть, не отвлечь от пения, отцу Дамиану — при всей его солидной фигуре — пришлось разве что не акробатические трюки проделать.

Чтобы подойти.

Подползти.

И еще каким-то вообще непостижимым образом из-под поленницы навести на поющую птицу объектив фотоаппарата и щелкнуть…

Да не раз.

Чтобы было потом из чего выбрать…

А есть и вовсе удивительное фото.

На большой сильной руке отца Дамиана сидят две крошечные птички.

Одна сельская, то есть, живущая рядом с людьми.

А вторая — лесная!

— Как это тебе удалось? — недоумевают даже опытные фотографы.

— Фотомонтаж?

— Использовал маленькие чучела?

— Фотошоп?

Посмотрит-посмотрит на них отец Дамиан.

И одно только слово всем скажет:

— Монастырь!

И он прав.

Ведь только в монастыре, где вольные пугливые птицы чувствуют благодать, которая, пусть не так, конечно, как в раю, но хоть его слабым отголоском объединяет все живущее на земле, возможно такое!

Кто там?

Тук-тук-тук в окно.

— Кто там?

— Это я, синичка!

— Погоди, сейчас я дам

Хлебушка, сестричка!

Тук-тук-тук опять в окно.

— Кто там?

— Воробьишка!

— Погоди, сейчас пшено

Дам тебе, братишка!

Тук-тук-тук.

— Кто там?

— Снежок

С северных лужаек,

Ты зачем кормил, дружок,

Этих попрошаек?

— Потому, что Бог велит

С ближними делиться,

Даже если прилетит

Маленькая птица!

Снег помчался по дворам,

Жалкий и холодный…

И опять: тук-тук!

— Кто там?

— Голубок голодный!

Птичий урок

— До чего же птицы иногда нас — людей — напоминают! — сказал мне однажды отец Дамиан.

И улыбнулся:

— Смотрю как-то: сидят на заборе два воробья. Точней, воробей и воробьиха. Сидят, а вокруг ласточки летают. Да так ловко, красиво… Не выдержал этого воробей. Видно, не только у нас, людей, бывает тщеславие. Словом, решил он похвастать перед своей подружкой. И, как только одна из ласточек поравнялась с ними, взлетел — и за ней! Та — туда, и он туда. Та — сюда, и он сюда! Оглянулся на воробьиху… «Мол, ну, как?» А ласточка в этот момент как раз в ворота под надвратным храмом скользнула. Ну, а воробью — куда было деваться? Даже если б не оглянулся, все равно бы на такой скорости не успел. А тут еще назад посмотрел… В общем — так и врезался плашмя в стену…

Отец Дамиан помолчал и сказал:

— Хорошо хоть — храм деревянный был. А то бы ведь и расплющиться мог! Но ничего, вернулся уже совсем не так быстро к подруге. Отправил кое-как крылышки. Сел рядом. Она на него и не взглянула даже. А вот я долго смотрел. Ведь этот воробей мне всерьез над своим тщеславием помог задуматься!

Что еще к этому можно добавить?

И не только одному отцу Дамиану!

У окна

А осень ветреной была,

И на деревьях ни листочка,

Лишь снегирей скупая строчка,

Да пуганой вороны точка

На них темнели досветла.

Наутро сонная строка

Живыми буквами распалась,

И точка, каркнув, вдаль умчалась

А за окном, увы, осталась

Березы нищая рука…

Но, к счастью, я успел прочесть

Все то, что было мне в посланье:

О жизни и о Мирозданье,

О смерти и о покаянье,

Покуда еще время есть.

С тех пор глаголов Божьих вязь

Повсюду ясно различаю.

Но… как живу, чего я чаю,

На что бездумно расточаю

Я жизнь, теряя с Богом связь?

О, Боже, все мои дела

Посыплются листвой с березы,

Ударят ранние морозы,

И что останется мне — слезы?

Ведь жизнь-то ветреной была!..

Люди и птицы

Был у нас в монастыре большой праздник Крестовоздвижения.

Точнее, двунадесятый, который полностью называется — Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

И правда — страшно даже подумать: что было бы, если бы Христос не взошел на Крест и не искупил нас этой великой Голгофской Жертвой?

Вышли мы после службы.

Стоим — до трапезы еще немного времени было.

И тут вдруг кто-то первым заметил.

А потом все стали глядеть…

Ласточки над храмом кружат.

По очереди подлетают к золотящемуся в радостных солнечных лучах кресту на куполе.

И… целуют его!

Маленькие, ну сколько там в такой крошечной головке может ума уместиться?

Но представляют, какой сегодня великий день.

И — как могут — благодарят Господа!

А люди мимо идут…

Живые глаголы

О, святые глаголы пророков!

Со скрижалей страниц и сейчас,

Без смягченья на давности сроков.

Вы, как встарь, обличаете нас.

Век за веком, с былым вдохновеньем,

Как солдаты на вечном посту,

Вы храните Закон поколеньям

И готовите души к Христу.

Щедро льется из древних истоков

Слово Истины гордым умам.

О, святые глаголы пророков,

Дай, Господь, их услышать и нам…

Решение проблемы

Сидим мы как-то с братией в трапезной после утреннего чая.

Решаем: что с нашей кошкой делать?

Бывают среди прочих монастырских дел и такие…

Не столько хозяйственные, сколько житейские.

Вся беда в том, что едва успеваем ее котят, как говорится, в хорошие руки пристраивать.

По несколько раз в год ведь приносит.

Ну ладно бы по два-три котенка.

А то все время — пять-шесть!

Всех, кого только могли в селе, обеспечили.

«Хватит, — говорят, — своих девать некуда!»

Хорошо, хоть паломники иногда еще забирают.

Все-таки не простой, а — монастырский котенок!

Сидим, думаем.

Так что же с ней все-таки дальше делать?

— Ладно польза была б от нее какая! — недовольно сказал повар. — Мышей там ловила…

— И по ночам в братском корпусе не мяукала! — поддакнул один послушник.

— Ну что ж, — вздохнул игумен, — нужно, наверное, подарить ее какой-нибудь сердобольной старушке.

— И дело с концом! — не то чтобы все, как один, но все-таки подтвердило большинство.

Поговорили.

Решили.

Вышли на крыльцо.

Смотрим…

Что такое?

Сидит перед нами наша монастырская кошка.

А перед ней — мышка!

Посмотрела кошка на нас, разве не вздохнула только.

Словно сказала:

«Я тоже, между прочим, работаю! Если вы этого не видите, это не значит, что этого нет!»

И, прямо как обиженная, ушла.

Переглянулись мы.

Минут пять потрясенно молчали.

Никак не могли понять…

Откуда она только про наш разговор узнала?

Даже если бы человеческую речь понимала…

В трапезной ее — все равно не было!

Значит — Господь открыл?

То, что далеко не со всяким монахом, будь он великим молитвенником, постником и даже в великой схиме, бывает!

А что удивительного…

Ведь — Духом Святым вся земля живится!

Стоит ли после этого говорить, что как была эта монастырская кошка у нас, так и осталась!

Да, кстати…

Тебе, случайно, в келью котенок красивый не нужен?..

Монастырь

На горе, как над волною,

Колокольня, храм и дом,

Где живут судьбой одною…

Кто? Монахи за стеною!

Как? Молитвой и трудом!

Здесь не комнаты, а кельи.

Тут зовут друг друга: «Брат».

Нет тут никого в безделье,

Пустословье и веселье

От ворот — до Царских Врат!

И зачем все это нужно?

А затем, что день за днем

Молятся монахи дружно

За себя и за недужный

Мир, в котором мы живем!

Добрый век

А вот что однажды в северном женском монастыре было. Там тоже не знали, что делать.

Только уже не с кошкой.

А — с коровой!

Точнее, знали…

Да все оттягивали и оттягивали этот страшный момент!

Но, как говорится, сколько ниточка ни тянись, а конец все равно виден.

Давала коровка молочко.

А тут совсем состарилась.

И — перестала.

Что с ней, такой, оставалось делать?

Известно что…

Договориться с машиной.

Отвести на мясокомбинат.

И…

Ох, как вздыхали в коровнике, дожидаясь, когда приедет эта машина, сестры…

Даже заплакали.

Сначала самые жалостливые, а потом…

Кто-то вдруг воскликнул:

«Смотрите! Смотрите!» Оглянулись на корову. А та — плачет.

Слезы тяжелые, крупные…

Тут уж тогда заплакали…

Верней, зарыдали — все!

И как замашут руками на водителя приехавшей машины.

Что тот, ничего не успев понять, поторопился уехать с пустым кузовом восвояси.

Так и осталась коровка доживать свой век в обители.

То она вкусным молоком монахинь утешала.

А теперь — они ее.

Все вместе — сеном.

А по отдельности всякими ее лакомствами.

Кто что после трапезы принесет украдкой!

Без слов

Всю зиму, несмотря на мороз, оттепели и пургу — шли у нас в монастыре по ночам молебны.

Перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы.

А тут вдруг весной — посевная, огороды, строительство…

Словом, решили отложить их до лучших времен.

Когда больше сил и времени будет.

А ни сил, ни времени все равно не хватает.

К тому же, у одних из братии ни с того ни с сего скорби…

У других болезни неожиданно начались…

А был у нас в обители большой черный терьер.

Он прекрасно знал, что собакам вход в храм категорически воспрещен.

Еще щенком мы к этому его приучили.

Но тут вдруг зашел он…

Ну, не то, чтобы в сам храм — а в иконную лавку.

Взял зубами свечу.

Принес.

И положил перед нами.

Возвращающимися поздним вечером с огорода, чтобы скорей отдохнуть.

Все без слов стало ясно.

И в эту же ночь были возобновлены молебны.

Вот ведь оно как: даже животные знают, а может, правильней сказать, чувствуют — когда в монастыре творится молитва!

Отпуск

Поле. Речка. Лес. Село.

Два ведра на коромысле

Помогают злу назло

Думать мне о высшем смысле.

Бог. Любовь. Молитва. Пост.

Это — высоко, а рядом —

Луг. Околица. Погост,

Показавшийся мне садом.

Я иду без суеты,

Как река в теченье плавном.

И могильные кресты

Молча говорят о Главном…

Так, внимая без труда

Истине, иду я бодро.

И согласная вода

Тихо плещется о ведра!

Трудная служба

Заболела монахиня Е.

То ли грипп.

То ли — просто простуда.

На службу пора.

Но все тело ломит.

И такая в каждой клеточке слабость…

Нет сил даже встать.

Помысел говорит:

«Полежи, отдохни! Ты же больна! Никто тебя за это не осудит: ни Бог, ни игуменья, ни сестры…»

Но как-то пересилила себя.

Кое-как поднялась…

Еле-еле дошла до храма.

Как службу отстояла — даже сама не поняла.

Но достояла до конца.

Помолилась.

От трапезы, правда, отказалась.

А как в келью вернулась, то сразу легла и задремала.

И вдруг видит во сне — подходит к ней Ангел.

И дарит огромный букет цветов.

«За что?»

«За службу Богу!»

Подвижник

Молился в келье убогой

Он, четки свои теребя:

Возверзи печаль на Бога,

И Тот препитает тебя!

Жару сменяли метели,

А он жил, как прежде, одним.

Знакомые богатели,

И громко смеялись над ним:

«Скажи, что ты выпросил, нищий?

Что Бог тебе, глупому, дал?..»

А Бог Своей Вечной Пищей

По смерти его напитал!

Страшная странность

Однажды к нам в монастырь приехал паломник.

Походил по обители.

Зашел в храм.

И вдруг — как заверещал, как захрюкал.

И забегал — быстро-быстро так, на носочках.

Сразу стало видно — одержимый…

Догнали мы его кое-как.

Еле-еле втроем держим.

Сила в нем такая недюжинная была.

А лицо — какое-то треугольное.

И глаза — словно две пропасти.

Но покропили его святой водой.

Помолились над ним.

И понемногу пришел он в себя.

Ночь провел спокойно.

Псалтирь над ним почитали.

В общем, утром встал совершенно нормальным человеком.

Но вот что странно.

Точнее — страшно!

Спрашиваем у него:

— Ты хоть знаешь, что вчера с тобой было? Тебе — на отчитку надо!

А он вдруг спокойно так:

— Да, знаю! И не нужны мне никакие отчитки!

— Как это не нужны? Ведь в тебе же — нечистый дух!

Все мы ожидали услышать.

И как это у него началось.

И как ему трудно бороться с этим.

Но только не это:

— А он меня вполне устраивает! — невозмутимо пожал плечами паломник. — Мне с ним легко. И — выгодно. Все, что хочу, подает!

Действительно странно и страшно было нам видеть человека, который осознанно держит в себе беса!

А, впрочем, если хорошенько задуматься, а один ли такой он?

Так, немного побыл он еще у нас и уехал.

Одно только загадкой осталось.

Зачем же тогда он по монастырям ездит?..

А впрочем, что тут удивительного?

Не иначе, как душа, которая прекрасно знает, что ждет ее в итоге за это, до последнего надеется, что он все же одумается…

Обретение

Благосеннолиственное древо,

Сребропозлащенная листва, —

Словно строки древнего напева

Эти сладкозвучные слова.

Позабыв о вере и о Боге,

Без нательных бегая крестов,

Сколько потеряли по дороге

Мы таких неповторимых слов.

Но строкою нового напева,

Верю я, что зашумит весной —

Благосеннолиственное древо

Сребропозлащенною листвой!

Главный вопрос

— Веришь ли ты в Бога? — спросил меня как-то отец Дамиан.

Прямо сказал.

Не ища повода и не подводя осторожно к этому.

Он вообще не любит разговоров вокруг да около.

Особенно, если речь идет о важном…

А тут…

— Да, — без колебаний ответил я.

И тогда он с каким-то особенным — не то чтобы интересом, а самым искренним участием в моей судьбе, спросил:

— А — Богу?

— Да, — на этот раз уже немного подумав, повторил я.

И он сказал:

— В жизни вопросов бесчисленное множество. Но эти — самые главные. На первый, к счастью, многие люди отвечают теперь сразу и, не задумываясь. А к ответу на второй нужно в этой жизни еще подойти. Хочешь знать, как пришел я?

И не дожидаясь согласия — знал, что я жду не дождусь объяснений — продолжил.

— Был отец игумен монастыря, где я тогда подвизался, во время первой седмицы Великого Поста на Афоне.

И приобрел у одного старца-схимника, который был иконописцем, две иконы.

Одна, большая, не знаю, какая именно.

А вторая, маленькая — это мне точно известно, потому что и речь-то о ней! — была Иверская.

Собрался игумен уже уходить, да вдруг заметил, что на этой иконе на щеке Пресвятой Богородицы не нарисована ранка с капелькой крови.

Попросил он старца дописать ее.

Но тот вдруг подумал.

И, вздохнув, сказал:

— Нет. Бери так, как есть. И отдай брату, который прольет свою кровь за грехи наши…

Вернулся игумен.

А дальше…

Не буду вдаваться в подробности.

Просто не хочется вспоминать их, столь ужасными они были. Скажу лишь, что, как говорится, произошел несчастный случай.

Хотя, с духовной точки зрения, для меня наоборот — счастливый!

Словом на последней седмице Великого Поста попал я в реанимацию.

Все лицо изуродовано — несколько операций.

Крови пролилось — не передать сколько.

Но — выжил.

Перевели меня в обычную палату.

И вот тут игумен принес мне эту икону.

Рассказал, как приобретал ее на Афоне.

Что сказал старец.

Ушел.

И тут эта икона вдруг как замироточит!..

Я смотрел на нее сквозь сами собой текущие слезы и думал: что Господь знает о нас все и все делает для нашего вечного спасения.

Хотя порой это бывает через немалые земные скорби.

Сначала Он провел меня через одну из таких, преисполненную боли, недоумения, обиды, а затем несказанно обрадовал или, говоря монашеским языком — послал великое утешение.

Ведь прямо на моих глазах происходило чудо!

А еще первый раз в жизни было явственное ощущение, что Господь совсем близ — рядом!

«Не бойся, — словно говорил Он. — Яс тобой. Сейчас и всегда!»

И вот тогда я поверил Богу!

Иверская икона Пресвятой Богородицы

Ворвался мужчина в храм —

Икона в руках:

«Простите!

У Богородицы — шрам,

Вот, поглядите…

Может быть, это я,

Храня икону

В чулане,

Сам того нехотя,

Щёку её поранил?»

Священник икону взял,

Встал там,

Где больше света,

Поцеловал и сказал

«Нет, но икона эта —

Доподлинный список с той,

Которая,

Как бывало,

В годины веры святой,

Действительно, пострадала.

Висела дома она

В чести

У честной вдовицы,

Пока гонений волна

Не пришла из столицы.

Пустил византийский царь.

Как стрелы,

Свои законы:

«Ни дом, ни храм, ни алтарь

Не должен иметь иконы!»

Под вечер — воины в дом.

И хоть бы ночь помолиться

Перед иконой,

С трудом

Их упросила вдовица.

«Ладно, но лишь до утра!» —

За дань

Непомерной платы

Из золота и серебра.

Разрешили солдаты.

И тут один, хохоча,

Присел

В шутовском поклоне

И острием меча

Вдруг рубанул по иконе…

Хлынула кровь

Из щеки.

В ужас пришла вдовица:

Как это из доски —

Кровь могла застроиться?

В полночь она при луне

В море

Пустила икону,

И та поплыла на волне

К спасительному Афону…

Это было давно.

Но с той поры и доныне

Пишется все равно

Шрам

На такой святыне.

Мужчина покинул храм —

Образ в руках,

А во взоре.

Чего он не знал и сам.

Икону несущее море!

Взгляд Христа

Один будущий игумен — «Приоткрою маленькую тайну, мой духовный отец», — шепнул отец Дамиан, — рассказал мне такую историю.

Был он тогда еще мирянином.

Но уже глубоко верующим человеком.

Много лет ходил в храм.

Исповедовался, причащался.

Молился.

Постился.

Словом, жил, как и подобает православному человеку.

И вот однажды пришел он в большой торговый центр.

Купить что-то.

Что именно он, разумеется, давно позабыл.

А вот другое в памяти осталось…

Да еще как!

Сидел там на входе нищий.

Грязный, вшивый…

Запах такой от него исходил, что люди не то чтобы подходили к нему подать монетку, а, наоборот, брезгливо шарахались в сторону.

Вот и будущий игумен.

Поравнялся с нищим.

И тот вдруг поднял на него такой до боли знакомый взгляд.

Что внутри все перевернулось…

Протянул руку и сказал:

— Помоги…

Хотел будущий игумен помочь.

Но… не смог себя пересилить.

Уж слишком грязен и смраден был этот бродяга.

В общем, прошел, как и все, мимо.

Вошел в огромный сверкающий зал.

Сделал пару десятков шагов.

И только тут вспомнил — где видел эти глаза!

О, Господи!..

На одной из самых любимых своих икон — образе Спаса Нерукотворного…

Бросился он, едва не сбивая с ног входящих людей, назад.

Подбежал к нищему.

Встал перед ним на колени.

Начал было просить прощения…

Но тот вдруг посмотрел на него мутным взором и хрипло спросил:

— Те чё надо? Иди отсюда!

Это был уже совсем другой человек — простой, опустившийся на самое дно жизни нищий…

Сколько лет миновало с тех пор.

Мой духовный отец давно уже игумен.

А все помнит тот, первый, взгляд и скорбит от того, что не успел помочь… нет… оттолкнул просившего его о помощи Христа…

Который через любого человека, в любой момент, испытывая нас и для нашего же блага, может попросить нас о помощи!

Вечная строка

— А вот что было уже лично со мной, — как бы продолжая эту историю, тут же сказал отец Дамиан.

Иду я как-то по площади одного северного города.

И вдруг слышу сзади детский голос:

«Дай копеечку!»

Оглянулся.

Смотрю: а за мной семенит узбечка в национальной одежде.

А вокруг нее — ну прямо целый выводок, не меньше десятка детей!

Мал мала меньше.

«Вот понаехали!» — первым делом мелькнула мысль, или, как ее правильней лучше назвать — помысел.

Ушел поскорей от них.

А потом, как хлестануло: да что ж это я наделал?

С тех пор хожу и ищу — кому бы подать.

Однажды у рынка бабушку увидел.

Нищая, сразу видно.

Сил ладонь перед собой протягивать — и то уже нет.

Взял я да и выложил ей все, что у меня только в карманах было.

А было, надо сказать, немало.

И такая тут радость была!

Причем, неизвестно еще — у кого больше!

Сказал это, улыбаясь, отец Дамиан и вдруг вздохнул:

— Но только того случая на площади северного города ничем уже не вычеркнешь из своей жизни…

Живая совесть

Пришел однажды один мой знакомый священник, курирующий школу, на родительское собрание.

И после того, как все всё обсудили, и слово было предоставлено ему, спросил:

«Кто верит в то, что есть Царство Небесное?»

Все родители, как один, словно их ученики-дети, подняли руки.

«А кто хочет попасть туда?» — продолжал иерей.

Снова, как говорится, лес рук.

Все опять подняли.

«Отлично, — словно учитель, одобрил священник и спросил: — А кто из вас туда попадет?»

И тут… не поднялось ни одной руки.

Все ожидали упреков.

Долгих слов назидания.

А священник вдруг с одобрением коротко сказал:

«Слава Богу! Совесть жива. А значит, для каждого из вас — жива и надежда!»

* * *

Как же мы безрассудны бываем

В наших мыслях, словах и делах:

Через тернии к звездам шагаем

И при этом совсем забываем,

Что наш дом — на иных Небесах!

Долгий путь

Встретил я недавно отца Дамиана как никогда радостным.

Даже — счастливым.

В чем дело?

— Представляешь, — сказал он, — подошел ко мне сейчас один человек. Спросил… Неважно о

чем. Главное — вопрос был такой глупый и ненужный (ответ на него находился прямо перед его глазами!), что раньше я в гневе мог бы даже нагрубить ему. А тут, без малейшей тени раздражения — даже не задумываясь, подробно все объяснил, показал. И так хорошо на душе стало сразу. Ведь не обидел человека. То есть поступил с ним по христианской любви, а не по своим прежним греховным навыкам. Причем, уже чисто машинально!

Отец Дамиан взглянул на меня своими большими выразительными глазами и мечтательно посмотрел куда-то, в одному ему ведомую даль:

— Дай Бог, чтобы не только сегодня, но и завтра так было!

И тогда мне стало ясно, какой нелегкий долгий путь постоянной, с Божьей помощью, борьбы за спасение своей души или, по-монашески говоря — духовной брани пришлось ему пройти за эти годы.

И какой еще предстоит пройти!

Монах

Иеромонаху Иннокентию (Ручкину]

Позади перроны, пристани,

Плеск воды и стук колес,

С голосистыми туристами

Расставание до слез.

— Оставайся с нами, что же ты?

— Нет, езжайте вы одни!..

— И не жаль, что будут прожиты

В келье молодости дни?!

Позади тропинка узкая

Через поле, в час страды.

И — о, эта щедрость русская! —

Сладость поданной еды.

— Оставайся! Ну?.. Куда же ты!

Нам работники нужны!

Здесь машины — всеми нажиты,

А уж девушки нежны…

Позади райцентра улица,

Зазывных киосков ряд…

Все идет монах, сутулится,

Прячет от соблазнов взгляд!

Песни, ругань, пьянка, скрежеты

Всех машин на всех углах…

— Оставайся, парень, где же ты?

Погоди, постой, монах!..

Но под сень родной обители

Он вошел и за людей,

Что кормили иль обидели,

В келье молится своей.

Часть 5. Лучшее утешение (всем больным и ухаживающим за ними)

Окончательный диагноз, или точка возврата

В самый разгар производственного совещания холдинга его генеральному директору Виталию Николаевичу Основину или, как я в дальнейшем, по привычке, буду называть своего давнего друга — Виталию[13], позвонила жена.

Тон ее был такой, что он невольно вспомнил один непростой для них обоих случай, когда она попала в катастрофу, которая только чудесным образом в итоге оказалась без жертв.

То есть, просто аварией.

— Что там еще у тебя? — жестом извиняясь перед подчиненными, мол, дома что-то случилось, спросил он.

И услышал:

— Тут такое… такое… Одним словом — Сережа приехал!

— Ну, так прекрасно, радоваться надо! — с недоумением сказал Виталий, узнав о приезде брата жены.

— Да нет… он… он… Я свозила его в клинику, показала самым лучшим врачам, и они сказали… Ой, я не могу долго говорить. Спешу, пока он на балконе сейчас курит. Приезжай — сам все увидишь!

Ничего не понимая, Виталий, благо, в свое время он был подполковником, и поэтому умел делать все четко и ясно, быстро решил основные вопросы.

Второстепенные поручил своему заместителю[14].

Сел в машину.

Примчался домой.

И увидел…

Да, права оказалась жена!

Перед ним стоял до неузнаваемости изменившийся, с уменьшившимся — до размеров почти детских — лицом, просто высохший ее брат…

Совсем еще недавно — мужественный красавец.

Мастер спорта по акробатике.

Бывший офицер.

Бывший военный летчик.

Совершивший множество боевых вылетов.

Бывший…

Бывший…

Бывший…

А в настоящее время — сразу было видно: инвалид первой группы и безнадежно больной человек.

Одни глаза, как говорится, остались.

Те же самые.

Выразительные.

Большие.

Небесно-голубые.

Но такая сквозила в них боль и тоска.

Что горло у Виталия перехватило.

И он, проглотив горький комок, подумал:

«Ах, Сережка, Сережка! И как же это тебя угораздило…»

Они обнялись.

Поздоровались.

Все тело Сергея мелко дрожало от слабости.

Виталий помог дойти ему до дивана.

Сесть…

Устроился рядом.

Приказал себе немедленно взять себя в руки.

Помолился, как всегда перед началом любого разговора.

И, словно ни в чем не бывало, стал расспрашивать: как дорога? что дома? чем теперь радуют авиаконструкторы летчиков?

Сергей, несколько удивленно слушая его, отвечал.

Наконец, не выдержал и сказал:

— Ты что… это все — серьезно?

— Конечно. Ты же прекрасно знаешь, что меня всегда интересовала твоя работа. А в чем, собственно, дело? — вопросительно взглянул на него — и снова не без труда справился с комком в горле — Виталий.

— Да так… — уклончиво пробормотал Сергей, но, очевидно вспомнив, что с мужем сестры нужно всегда говорить прямо, сказал: — Ты первый человек за последнее время, который, вроде бы, как…

— Вроде бы, что?

— Ну, одним словом, не жалеет меня!

— А чего тебя жалеть?

— Как это чего? Ведь умру.

— Ну и что? — невозмутимо пожал плечами Виталий. — Нет на Земле бессмертных людей. Все умрем. С одной только разницей — кто раньше, а кто попозже…

— Постой… погоди… ты — шутишь?

— А с какой стати это я должен шутить?

— Но ведь я же уйду совсем скоро… Гораздо раньше тебя!

— Это еще не факт, — возразил Виталий. — Бывает, и кирпичи с крыши падают. И не все аварии заканчиваются без жертв. Другое дело, что я…

«Говорить сразу или сначала как следует подготовить? — остановившись на полуслове, подумал он и, оборвав сам себя: — Когда готовить — нет у него уже для этого времени!»

Продолжил:

— …уповаю на то, что пойду к Богу. Во всяком случае, делаю сейчас для этого все, что только могу. Еще при жизни стараюсь быть верным Ему и исполнять все, что Он заповедовал. А если

не получается — каяться. Поэтому-то, уповая, конечно, исключительно на Его милость, надеюсь, что и после жизни пойду к Нему. А вот куда пойдешь ты? Вот в чем вопрос… Вот о чем думать надо! Тем более тебе, сейчас. Когда счет уже, возможно, не на месяцы, а на недели.

Сказав все это, Виталий решительно встал.

И отправился успокаивать жену.

Оставив Сергея одного.

У того, действительно, не осталось уже много времени на долгие размышления.

К тому же, он был военным летчиком.

И умел принимать решение не то чтобы за секунды, а порой даже за доли мгновения.

Когда вечером они снова остались наедине с Виталием, он сказал:

— Я летчик и лучше других знаю, что такое точка невозврата. Поэтому ты был прав. Все земное, действительно, мишура. А то, что сказал ты… Ты, Виталька, ты! Другого бы я просто не стал слушать… В общем, так. Решено. Я тоже пойду к Богу.

— Ну, вот и договорились! — обнял его за плечи Виталий, и хотя ему вдруг показалось, что тело Сергея перестало мелко дрожать, решил: — Завтра положу тебя в клинику. Полежишь там недельку. Окрепнешь немного. А я тем временем договорюсь с батюшкой. С докторами, чтоб отпустили на полдня. И отвезу тебя на исповедь и причастие в храм!

Но уже через три дня Виталию позвонил сам лечащий врач.

«Неужели я не рассчитал и уже всё — поздно?» — похолодел он.

Но тот каким-то слегка странным голосом сказал, что Виталий Николаевич может приезжать и забирать своего родственника.

Теряясь в догадках, Виталий немедленно приехал в клинику.

В просторной одноместной палате, куда поместил он Сергея, было несколько чем-то не на шутку озадаченных врачей.

Как сразу понял Виталий — здесь проходил, точнее, уже заканчивался целый консилиум.

— Вот, — кивнув на людей в белых халатах, сказал ему брат сестры. — Не хотят меня здесь больше держать. Как говорится в таких случаях, чтобы не увеличивать процент смертности в клинике, выписывают домой…

Он перевел свои небесно-голубые глаза на врачей и чуть дрогнувшим голосом спросил уже их, показывая при этом на свои, командирские часы:

— Ребята, скажите прямо: сколько мне еще осталось? Вы что — отпускаете меня умирать?

— Нет — жить! — ответил ему главный врач и развел руками: — Мы сами не можем понять, как это случилось. У нас есть атлас ваших раковых клеток. Но они почему-то перестали быть похожими на раковые… Одним словом, вы совершенно здоровы!

Сергей недоверчиво посмотрел на него, на врачей.

Потом перевел взгляд на Виталия.

Ожидая, а что скажет он — всегда умеющий говорить честно и прямо.

И вот тут у Виталия действительно основательно перехватило в горле.

Он молча стоял и ничего не мог сказать.

Понимая лишь то, что Господь уже заодно только решительное намерение Сергея пойти к Нему, сотворил здесь такое чудо.

«Пора бы давно привыкнуть к чудесам, — отчитывая себя за чисто человеческую слабость, подумал он и в кои-то веки тут же нашел себе оправдание: — Но разве к ним можно привыкнуть?..»

* * *

Врачей усталые глаза.

Больных измученные лица, —

Здесь люди верят в чудеса

И в слово грустное: «больница».

В уколы верят, во врачей,

Возможность лучшего итога,

В надежность лазерных лучей

И — странно — очень редко в Бога…

1975–2000 гг.

Хирурги… с небес

Тяжелые, порой неисцелимые болезни, увы, не щадят даже маленьких.

Одному из них, мальчику лет семи, предстояла практически безнадежная уже операция.

Родители в том были виноваты или врачи.

Но слишком поздно был выявлен этот недуг.

Рак гортани.

Последняя стадия…

Словом, операция была назначена на утро.

А вечером…

Вечером, когда мальчик, который еще мало что понимал и больше, чем смерти, в которую, разумеется, не верил, боялся завтрашней боли, забылся недолгим сном… к нему вдруг пришли два незнакомых врача.

Один пожилой, с добрыми, большими глазами.

Другой — молодой, темноволосый, с деревянным медицинским ящичком в руках.

— Сейчас мы тебя будем лечить, — сказал он.

А пожилой, перекрестившись на икону, которую поставила на прикроватной тумбочке с первого же дня пребывания сына в клинике мама, и положив перед нею, как он сказал, по давней привычке, три земных поклона, добавил:

— Не бойся, больно не будет!

И правда!

Они что-то с ним делали.

То и дело трогали горло.

Но боли совсем не ощущалось.

Только все время слышалось какое-то, похожее на металлическое, щелканье.

…Наутро отец, пришедший к мальчику (у мамы уже не нашлось для этого сил], ничего не понимая, увидел на горле сына — шрам.

Точнее, розовый тонкий рубец.

Происхождение которого никак не могли объяснить сбежавшиеся на его зов профессора.

Более того.

Исследовав мальчика, они сказали, что никакой операции больше не требуется.

Она уже произведена каким-то непостижимым для них образом.

Ребенок практически здоров.

И его можно хоть сегодня забирать домой.

— Только — как… как это могло произойти? — в полном недоумении разводя руками, изумлялись они.

К счастью, вскоре все объяснилось.

Один из не спавших в соседнем корпусе больных сказал — и это вскоре разнеслось по всей клинике — что видел ночью над хирургией двух святых.

Когда священник, служивший в больничном храме, показал ему иконы, он сразу же признал среди множества святых — двоих.

Святого великомученика Пантелеймона.

Изображенного на иконе с маленьким медицинским ящичком.

И святителя-исповедника Луку.

Архиепископа, великого ученого и хирурга.

Который, как хорошо известно из его жития, перед каждой операцией, а почти все они заканчивались блестяще, непременно осенял себя крестным знамением и клал земные поклоны…

Урок молитвы

Когда у монаха Арсения спрашивают, где и как он так научился молиться…

А молится он, действительно — весь уходя в молитву.

Не отвлекаясь ни на что…

Горячо.

С верой.

Живя только ей.

А точнее — разговором с Богом.

Ведь молитва — это разговор человека с Богом.

Так молились, наверное, наши предки.

И — больше того — подвижники первых веков христианской эры…

Словом, когда от него долго не отстают.

То он смиренно отвечает:

— Да какой из меня молитвенник… Хотя, кое-какой опыт однажды, и правда, наверное, приобрел. После одного трагического, правда, сразу скажу, со счастливым концом случая.

И уточняет:

— Племянница научила!

Видя, что его не совсем понимают, монах Арсений улыбается и начинает объяснять уже более подробно:

— Заехал я как-то в гости к родному брату. Радости было… Ведь лет десять не виделись! Я на севере тогда трудником в монастыре был. В отпуск как-то и не тянуло. За это время жена его и сына, и дочку родить успела. Племяннику уже семь лет. А племяннице всего четыре. Не знали, куда меня усадить. Чем угостить… Ну, суета редко доводит до хорошего. В общем, ради такого случая, и чтобы нам с братом лучше освежить память нашего детства, решили даже попить чаю из родительского самовара, который тем, в свою очередь, достался от их родителей, судя по всему, тоже получивших его по наследству… Споря, сообразили, наконец, как нам, привыкшим к электрическим чайникам, с ним нужно управиться. Вышли во двор, накололи

дров, нашли сапог, чтобы им огонь в трубе раздувать. А когда он уже окончательно закипел, отвлеклись на минуту, решая, как бы аккуратнее, чтобы случайно не обвариться паром и не выплеснув ни капли крутого кипятка, занести его в дом. И тут…

При этих словах монах Арсений обычно зябко передергивает плечами:

— Племянница, первый раз видя не в книжке, а в жизни — настоящий пузатый бронзовый самовар с выгравированными на боку царскими медалями, решила посмотреть, что там у него внутри. И… опрокинула его на себя! Вместе с пятью литрами страшно забурлившей на ней воды… Даже закричать, как казалось должна бы, не успела. Только ойкнула и потеряла сознание.

Тут и слушателем невольно становится не по себе.

А монах Арсений продолжает:

— Празднику, конечно, сразу конец! Брат завел машину — и в больницу. Врачи в приемном покое, уж на что повидавшие виды мужчины, просто в ужасе. В клинику ее, говорят, немедленно в клинику! Хотя по глазам вижу — без толку, да и поздно. Правда, в клинике врач, видно, чтобы только успокоить нас, сказал, что надежда еще есть. Но придется делать пересадку кожи. Большую пересадку. Очень большую…

«Завтра, — говорит, — приезжайте. — А мы тут сами сделаем все, что возможно…»

Но по его вздоху было ясно, что приезжать нам придется уже не за живым маленькими человеком.

А она лежит и чуть-чуть постанывает.

Наверное, приходит в себя.

Окунаясь в боль во всем тельце…

Честно скажу, смотрел на нее и искренно думал: уж лучше б я сам, чем она, обварился!

А уж о брате что говорить…

Вернулись мы с ним домой…

Его жена бьется на кровати в истерике.

Плачет уже беззвучно.

Мы с ним друг на друга даже не смотрим.

Брат этот самовар просто в клочья был готов разорвать.

А у меня перед глазами — только племянница.

Не сразу даже и иконы на стене увидел.

А как увидел, то так и рухнул перед ними на колени.

Брат рядом.

И — давай мы молиться!

Никогда в жизни — ни до, ни после, я так не молился.

Как только ни упрашивал Господа.

Как только ни умолял Его облегчить страдания племяннице и оставить ее живой.

Вплоть до того, что просил взять мою — вместо ее — жизнь взамен!

Что, собственно потом и сделал, став вскоре, после возвращения в монастырь, монахом, то есть, добровольно умерев для этой земной временной жизни.

Брат ушел успокаивать жену…

А я так до утра и не вставал с колен.

Только с рассветом смог встать да разогнуть спину с помощью брата.

И мы молча поехали в клинику…

Рано приехали.

Врача еще не было на работе.

А медсестра как-то странно посмотрела на нас…

И вывела из палаты к нам, ожидавшим самого худшего… мою племянницу!

Увидев в коридоре отца, она радостно бросилась к нему.

Тот не зная, верить или не верить происходящему, боялся даже дотронуться до нее.

А она, слегка стесняясь меня — не успела привыкнуть еще! — взяла его руку и сама провела ею по своему плечику… потом — по груди:

«Вот, видишь! И совсем не больно! Ну, чего ты плачешь?..»

Смотрю, а брат, действительно, плачет.

И вижу-то его как через радужный туман, что значит — у самого на глазах слезы.

А тут и врач появился.

Говорит:

«А-а, пришли… А это что с вами за девочка — подружка потерпевшей, что ли?»

Говорил лишь бы что-то сказать.

Оттягивал время.

И не узнав свою безнадежную пациентку!

А как узнал, бросился осматривать, проверять.

Очки платочком протер.

Повторил все сначала.

И только развел руками:

— Этого не может быть… У вас… то есть, у нее же все совершенно затянулось! И не нужно даже самой маленькой пересадки кожи! Она — совершенно… здорова! Может, вы мне что-нибудь объясните? Я сам ничего не могу понять…

Мы, как оно и было на самом деле, сказали ему, что только молились.

Но, кажется, он не поверил.

Монах Арсений вздохнул.

Словно жалея врача.

И вновь улыбнулся:

— А я вот именно с тех пор и понял, как надо молиться. Не всегда, конечно, удается хотя немного, ну хоть чуть-чуть приблизиться к тому состоянию, в котором я тогда пребывал. Но память осталась. И, если кто — письменно или очно — обращается за молитвенной помощью в подобных тяжелых случаях, она словно оживает в сердце всей своей силой и очень помогает тогда мне, и смею надеяться, что и им, то есть тем, за кого они просят, тоже!

— А еще, — уже совсем радостно заканчивает он рассказ. — Та история очень сильно повлияла на моего брата. В духовном плане. Он вскоре воцерковился. Жена его, разумеется, тоже. И они воспитали своих детей — моих племянника и племянницу в той крепкой и живой вере, какой жили нашей предки!

Святые ягоды

Разболелась у Елены и без того давно уже прикованная к постели мать.

И захотелось ей хоть чем-то порадовать ее.

Но чем?

Магазинное — хоть и вкусное, но ненастоящее. В два счета может вызвать аллергию у ослабленного лекарствами организма матери.

Да и денег особо на сладости нет.

Разве что ягодами?

Но лето в тот год выдалось таким жарким, жгучим, что быстро попалило их по лугам и даже болотам.

И только в лесу, как сказал давно остававшийся не у дел сосед-грибник, можно было еще найти немного земляники.

За ней, взяв с собой маленькую баночку, Елена и пошла.

Сначала в ближайший лесок.

Не найдя в нем ни одной ягодки — во второй, подальше.

Потом — в третий, погуще.

И так дошла до большого темного леса, куда и бывалый сосед, пару раз основательно заблудившись, а еще чудом спасшийся на дереве от кабана, не всегда рисковал ходить…

Елена постояла-постояла перед его почти неприступной, с редкими черными проемами, стеной.

Страшно было входить в них.

Но уж так хотелось порадовать маму.

И не могло ведь такого быть, чтобы в столь плотно защищенном от солнца могучими кронами старых деревьев лесу не оказалось хотя бы несколько ягод!

Только… как в нем не заблудиться?

А вот как!

Улыбнувшись своей смекалке, Елена сняла с головы белый, в красный горошек, платок. И, помогая себе зубами, разорвала его на множество лоскутков.

С ними она смело вступила в лес, не смотря на то, что он с первых шагов оказался самой настоящей берендеевой чащей!

Задумка Елены заключалась в том, что время от времени она привязывала к нижней ветке приметного дерева по светлому лоскутку.

И когда он вот-вот мог потеряться из виду, добавляла вслед за ним новый.

«Так нигде, никогда не заблудишься! Надо обязательно поделиться своим открытием с соседом» — довольная собой, думала она, все глубже и глубже уходя в лес.

И когда зашла так далеко, что лоскутков почти не осталось, и, увы, пора было возвращаться, так ничего не найдя, наконец, вдруг увидела — она даже глазам не поверила сразу… — первую ягоду!

Крупную, спелую…

За ней вторую….

Третью…

К сожалению, на этой поляне, как она ни искала, ползая по ней на коленках, больше ничего не было.

Но зато на другой — опять столько же!

А еще на одной, куда она добежала, миновав в азарте несколько пустых полянок, земляники оказалось столько, что она быстро наполнила ею всю баночку до краев!

— То-то обрадуется мама! — любуясь крупными, как на подбор, ягодами, прошептала счастливая Елена. — Ей этого на целую неделю хватит! Она ведь у меня теперь как цыпленок ест… — вздохнула она.

Огляделась в поисках привязанного последним лоскутка и… похолодела.

Его нигде не было!

Она принялась метаться.

В одну сторону.

В другую.

Не было нигде лоскутка!

Взяв себя в руки, Елена уже неторопливо стала обходить лес, ища спасительные белые метки в красный горошек.

Так промелькнул час.

Протянулся другой…

Повеяло сыростью и прохладой.

И начало смеркаться.

«Господи! — в отчаянии признаваясь сама себе, что окончательно заблудилась, и ей теперь придется всю ночь провести в лесу, взмолилась Елена. — Что же мне делать?! И что теперь будет с мамой?!»

Она зримо увидела лежавшую на кровати мать, с опаской за дочь то и дело беспокойно поглядывающую в окно и вслушивающуюся в каждый скрип, каждый шорох за дверью…

Столик с лекарствами и стаканом воды, до которых она сама, без посторонней помощи не могла дотянуться.

Над столиком в углу висели иконы: Спасителя, Божией Матери, Николая Чудотворца.

— Господи! Отче наш, Иже еси на небесех! — заливаясь слезами, умоляюще повторяла она, так горячо молясь первый раз в жизни. — Пресвятая Богородица! Батюшка Николай, родненький!!! Помогите мне выбраться отсюда! Вы же знаете, что у меня дома мама одна осталась! Парализованная! Ей ведь даже помочь сейчас некому! Не за себя — ради нее прошу! Помогите!..

Елена уже не говорила — кричала в полном отчаянии, как ей казалось, на весь зловеще молчавший лес.

И вдруг…

Увидела выходящего из самой его чащи старичка.

С грибным лукошком.

Сучковатой палкой-тростью в руке.

От неожиданности Елена выронила банку.

Ягоды красными капельками посыпались в траву.

«Откуда здесь быть грибникам? Ведь старые грибы давно уже выгорели. А новые еще не выросли — ждут дождей… Леший?!» — промелькнуло в голове.

Но — странное дело! — она совсем не испугалась этой мысли.

Старичок был совсем не похож на тех леших, которых она видела в детских книжках со сказками.

Он него исходили не страх и зло, а наоборот, какая-то необыкновенная доброта.

И тепло…

Он подошел к ней и с неподдельным участием, какого она давно уже не видела от чужих людей, спросил:

— Ты чего это, детка, плачешь?

— Да дорогу не знаю. Заблудилась! — машинально пробормотала Елена.

Старичок ласково посмотрел на нее, потом на ягоды, почему-то улыбнулся им, одобрительно покачал девушке головой и показал своей палкой вправо, туда, где рос заметный кряжистый дуб.

— Так вот куда тебе надо идти!

— Ага, спасибо! Спасибо!!! — обрадованно закивала Елена.

Она опустилась на колени, чтобы собрать выпавшие ягоды.

И только тут окончательно пришла в себя.

Как ужаленная, вскочила, огляделась — старичка нигде уже не было.

— Привиделся, что ли? — с недоумением пожала плечами она. — Или… это и в самом деле был сам Николай Чудотворец?

Но размышлять над этим у нее уже не было времени.

В лесу не на шутку стемнело.

Елена быстро-быстро дособирала все до единой ягодки.

Пошла в указанном направлении.

И, к величайшей радости, прямо на этом дубе увидела свой лоскуток!

Хотя… она готова была поклясться в этом, пять минут назад самым внимательным образом осматривала здесь каждое дерево.

И этот дуб хорошо помнит.

Но никакого лоскутка на нем не было!

А теперь он — был!

И за ним — еще один.

Еще! Еще!! Еще!!!

А за ними — и все остальные метки…

Вскоре она услышала гул машин.

Направилась на него и вышла на дорогу, где ее быстро подвезли почти до самого дома.

Так она и спаслась, благодаря старичку и ее лоскуткам из платочка.

А впрочем, ее ли?

Но об этом она, со святым страхом и трепетом подумала уже потом, когда давала матери лекарства и кормила ее ягодами.

Ведь на той стороне, с которой она входила в дремучий лес, не было никакой дороги!

В день скорби

Призови в день скорби Бога

И увидишь чудеса.

Станет радостней дорога.

Станут ближе Небеса.

Призови Его без жалоб,

И, за скорбь благодаря,

Помни: что с тобой ни стало б,

Ты уже страдал не зря!

Прыжок в бездну, или счастливая неудача

На утренней пятиминутке дежурный врач городской центральной больницы, сдавая свою смену, докладывал главному:

— Три экстренные операции за ночь. Две успешно, одна, увы, с летальным исходом. Два вызова в кардиологию. Ну, там ничего. Сделаны ЭКГ, все нормально. И еще — один суицид.

— Самоубийство? У нас?!

— Нет, привезли на скорой! Девушка наглоталась таблеток…

— Так бы сразу и говорили! Милиция извещена? — с облегчением выдохнув, на всякий случай, уточнил главный врач.

— Да-да, разумеется… — кивнул сдававший смену.

Он устало потер пальцами висок — и странное дело — буквально за каких-нибудь два-три мгновения перед ним пронеслось то, что продолжалось не менее, как казалось тогда, бесконечного, получаса.

…Ее внесли на носилках в приемное отделение в полночь практически уже безнадежную.

Совсем еще юную.

И очень красивую.

С разметавшимися по простыне длинными золотистыми волосами.

И такую же белую, как эта простыня.

Отсутствие дыхания и сердцебиения, а также то, что зрачки не среагировали на свет — говорили о том, что медицина уже бессильна.

— Все ясно, мертва… — сказал он.

И констатировал смерть.

— Как мертва? — не поверил врач скорой помощи — бывший когда-то уважаемым заведующим отделения, но из-за пристрастия к спиртному потерявший свое место, работавший потом в поликлинике, затем в деревенских фельдшерско-акушерских пунктах и, в конце концов, устроившийся в отделение скорой помощи, где его еще кое-как терпели. — Минуты три назад проверял — пульс еще был…

— Как три минуты? И вы — молчите?! Тоже мне врач…

Крикнув медсестре — пожилой, опытной женщине:

— Кислород! И — срочно вызывайте реаниматолога!

Он склонился над девушкой.

И стал делать то, что должен был делать в подобных случаях.

А именно, искусственное дыхание.

И непрямой массаж сердца.

«Хорошо, что жена у меня медик! — отрываясь от губ девушки и с силой надавливая ей на грудь, подумал вдруг он. — А то ведь, застань меня за таким занятием какая другая — могла бы и приревновать. Хотя… к кому? То есть пока — к чему? Да, она, безусловно, красива. Возможно, даже прекрасна. Но ведь уже — покойница!»

К счастью, он вовремя начал свое дело.

И «покойница» стала медленно возвращаться к жизни.

Появился пульс.

Дыхание.

Она открыла глаза.

Которые, как оказалось, были у нее небесно-голубыми.

Больше всего на свете он любил свою работу именно за это.

Когда безнадежно больной человек, благодаря его знаниям и умению, опять начинал жить.

А тут вообще была — умершая!

Видя, что девушка уже в состоянии слышать, он хотел сказать ей что-то ободряющее, доброе.

Но вдруг услышал ее сдавленный, прерывистый шепот.

Наполненный полным отчаянием:

— О, Господи… Снова жива… Что вы наделали? Зачем откачали? Ведь я не хочу жить!

Даже не зная, что ей сказать на это, он только растерянно молчал.

Так старался, возвращая ее к еще долгой, прекрасной жизни.

И вот теперь — такая за то благодарность…

«А ведь, действительно, повторит! Видно у нее стряслось что-то очень серьезное. Может, и не стоило так стараться?» — даже промелькнуло у него в голове.

Но тут медсестра, шепнув ему, что реаниматолог пока занят — пытается спасти только что прооперированного человека, сказала — уже ей:

— Ты что ж это, дочка, удумала? Креста на тебе, что ли, нет?

— Почему, есть…

— Тем более!

— А чего же тогда он… она… ну человек, которого, как вы сами видите, я люблю больше жизни и моя лучшая подруга… Словом, обманули и предали меня?..

— Да какая же она тебе после этого подруга? Тем более — лучшая! И тоже мне «любимый» — не обращая внимания на то, что перед ней еще совсем слабая, можно сказать, еще возвращающаяся к жизни больная, передразнила медсестра. — Да разве такой молодой, красивой, у которой все счастье еще впереди — стоит из-за него убиваться в прямом и переносном смысле этого слова?

Девушка с трудом посмотрела на нее и слабо улыбнулась:

— Вы, наверное, до работы здесь — учительницей были?

— Ага — воспитательницей в детском саду. То есть, как раз на твой возраст! — грубовато усмехнулась медсестра.

— И все равно я не хочу и не буду жить! — упрямо, но уже не с такой уверенностью повторила девушка. — Как только выпишете меня — сразу только уже где-то в глухом лесу, чтобы меня никто не нашел, выпью еще больше таблеток! Или возьму да просто повешусь! Чтобы все это было как можно быстрее…

— А это еще почему? — не меняя тона, осведомилась медсестра.

Девушка было нахмурилась.

Но, несмотря на напускную грубость и насмешливость, почему-то все располагало в этой пожилой женщине в белом халате.

Даже притягивало.

И она, зябко вздрогнув, призналась:

— Да просто, когда я… ну, словом, отключилась после этих таблеток, то на меня сразу навалилась что-то такое кошмарное и тяжелое, чего я ни разу не испытывала в жизни. И перед глазами наступила такая тьма, какой не бывает самой черной ночью! Это было просто нетерпимо. Вот почему!

— А-а, адских мучений, выходит, коснулась? — понимающе кивнула медсестра. — Мглы кромешной! Ты что думала, самоубийц зря что ли испокон веков принято было хоронить за кладбищем? И свечек по ним не ставили! Потому что знали, что они сами, по своей воле, обрекли себя на такие мучения. Ведь жизнь — это что такое?

Голос медсестры внезапно смягчился.

И стал торжественным.

— Это — Божий дар!

А потом она заговорила еще строже:

— И того, кто его сам возвращает Богу, как говорится, на Тебе, Боже, что мне не гоже, даже ад не в силах принять. Вот ты только один миг это испытывала, а представь, каково было бы, если бы нашему врачу не удалось тебя откачать? Ты ведь думала как? Уйду из жизни и разом решу все свои мучительные проблемы. Нет, милая, они бы, причем, неизмеримо страшнее, чем любая земная мука и скорбь, потеря и боль, для тебя только лишь начались. И продолжались бы — вечно! Тут, на земле хоть умереть в конце жизни можно. А там даже этого не удастся! Представляешь, на что ты себя обрекала? На самый настоящий прыжок… в бездну! С ее мучениями и той самой кромешной мглой, которые ты только что видела!

Девушка с ужасом, понятным в эти минуты только ей, по ее свежим следам, во все свои огромные глаза уставилась на медсестру.

Затем перевела взгляд на иконы: Спасителя, Божией Матери, святого целителя Пантелеймона, которые та с первого же дня работы в приемном отделении поставила на столе врача.

И замолчала. То ли вконец измученная своим состоянием.

То ли пока еще не столько вразумленная, сколько устрашенная всем услышанным.

А дальше…

Сдавший свою смену врач отнял свои пальцы от виска.

Дальше пришел реаниматолог.

И начиналась уже не его работа…

«Какое все-таки счастье, что эта ее попытка была неудачной! — с окончательным облегчением подумал вдруг он. — И, судя по всему, кажется, больше уже не повторится!»

Запоздалое…

«Скорая». Уколы. Врач-юнец.

Медсестра с улыбкою унылой.

Неужели это все, конец?!

Ах, как страшно! Господи, помилуй!

Раньше б нам о Боге вспоминать!

Смерть порой приходит без преамбул.

Над столом портрет — отец и мать,

На столе — гора разбитых ампул.

Дети. Внук. Истошный крик жены.

Нашатырный запах из флакона.

И — застывший взор в ту часть стены,

Где висит забытая икона.

Баллада о чудесном исцелении (В утешение всем болящим)

Мы вместе вышли из собора,

И мой попутчик неспроста

Сам выбрал темой разговора,

Как он уверовал в Христа.

«Я жил спокойно до больницы,

Себя на подвиги не тща,

И жизнь листал через страницы,

Лишь интересное ища.

Ел, пил, не чужд был сигарете,

Греша, не ведал, что грешил…

Короче, я на белом свете,

Как многие сегодня, жил.

Но вдруг скрутила в одночасье

Меня смертельная болезнь.

И всё, что я считал за счастье,

От боли стало, словно плесень.

Что толку от машины новой,

Когда уже не сесть за руль?

Или от денег, что готова

Помножить завтра смерть на нуль?

Жизнь гасла солнцем на закате.

И вряд ли бы я с вами шёл,

Если б к соседу по палате

Священник как-то не пришел.

Он причащал, а я, сгорая

От боли адского огня,

Воскликнул, слов не выбирая:

«Отец! А можно и меня?!»

«Конечно, есть еще частица

Того, Кем мы сотворены.

Вам даже нужно причаститься,

Если вы только крещены».

Крещён ли я?.. Когда все средства

Не помогли, — остался Бог.

«Да-да, шепнул я. — Прямо с детства,

Но в храм за жизнь зайти не смог…»

«Что ж, надо каяться и в этом», —

Сказал священник, подходя.

И, верите, — закат рассветом

Сменился сутки погодя.

От боли не было и дымки!

Врачи не верили глазам,

Вертя рентгеновские снимки…

Да вот я перед вами — сам!»

И правда, выглядел прекрасно

Мой спутник — раковый больной

В последней стадии, согласно

Больничной выписке одной.

Мы встали там, где все рябило,

На перекрестке городском,

И распрощались: дальше было

Мне на метро, ему — пешком!

Бесхитростная история

И эту, простую, бесхитростную, но весьма поучительную историю рассказал мне отец Л.

«Жила на Земле одна женщина.

Назовем ее, скажем, Светланой.

То есть, по-православному — Фотиной.

Мама у нее была мусульманка.

А отец — православный. И хоть в церковь он никогда не ходил, но дочь крестил во младенчестве.

Только вот сын, старший ее брат, пусть он будет у нас Егором, почему-то так и остался у него некрещеным.

В школе Фотина училась хорошо.

После выпуска она без особого труда поступила в институт.

И выучилась на психолога.

А надо сказать, со школьных лет была у нее подруга — Надежда.

Рано оставшись без родителей, она воспитывалась под крылышком глубоко верующей бабушки. Та старалась едва ли не каждое воскресенье и по большим церковным праздникам водить ее на службы в ближайший храм и обязательно на исповедь и причастие.

Впоследствии Надежда стала парикмахером.

Когда Фотина приходила к ней привести в порядок прическу, у них часто заходил разговор о вере. Фотина, естественно, трактовала свои различные жизненные ситуации с позиции психологии, а Надежда — сверяясь с христианскими истинами.

Прошли годы.

И посеянные в сердце Надеждой зерна Истины постепенно дали свои благодатные всходы.

Мало-помалу Фотина стала ходить в храм. Да не только сама! Ее давний друг даже принял сан, и она стала прихожанкой в его храме.

По мере своего воцерковления она стала с горечью осознавать, что ее брат Егор так и не захотел ощутить Божьего призыва. Не стал ни христианином, ни мусульманином. К тому же, со временем — а как не прийти беде, когда человек находится без Божией защиты и как щепка управляется бесами в водовороте бездуховной жизни — к нему прицепилась страсть пьянства.

Фотина не на шутку начала беспокоиться, что брат ее пропадет, а она — единственная, оставшаяся в живых родственница — даже не может о нем помолиться.

Свечку и то в храме поставить будет нельзя!

То есть, поставить, конечно, можно — но это же будет бесполезно! И даже — грешно!

Сколько раз разговаривала она с братом на эту тему!

Сколько слез было пролито!

Но выхода никакого не было.

И тогда она обратилась со своей бедой к своему другу — теперь уже игумену М.

Он с участием выслушал ее.

Успокоил.

Сказал, что совместная молитва творит чудеса…

И присоединил свою молитву к ее горячим молитвам.

Так они стали усиленно молить Бога, святого мученика Уара, к которому обращаются с молитвой о некрещеных людях.

И… совершилось чудо!

Неожиданно Егор сам дал согласие на Крещение.

И стал — Георгием!

Фотина была счастлива.

Теперь она могла, наконец, подавать за брата записки в храме и ставить свечи.

Но только радость ее была недолгой.

Прошло немного времени — и другая напасть.

Теперь уже с самой Фотиной.

Однажды она позвонила Надежде, со слезами попросила о немедленной встрече и, захлебываясь рыданиями, сообщила, что у нее обнаружили рак.

Надежда растерялась…

Попыталась утешить подругу, как могла.

Поведала о множестве чудес, когда, по молитве, люди исцеляются от этого, казалось бы, безнадежного недуга.

И у нее есть в парикмахерской даже клиентки, которым помог Господь, и они уже даже забыли, что у них когда-то был рак.

Потом Надежда долго думала, какие мысли, слова, поступки Фотины могли стать причиной заболевания, ведь, как читала она в одной духовной книге, каждая наша болезнь — это воплощенный грех.

И ответ пришел, как она с трепетом поняла, от самого Бога, через ее духовника.

Тот как-то в разговоре с ней как бы случайно вдруг обмолвился о Фотине.

— Ты знаешь, — сказал он, — а ведь, рак — это, как правило, болезнь людей, затаивших на что-то или на кого-то обиду…

«Вот, вот она — причина болезни Фотины! — поняла Надежда. — Обида!»

Говорить, объяснять, что жизненно важно для подруги немедленно избавиться от обиды — Фотина сразу не стала, побоялась, что та не услышит ее, а то еще и обидится, замкнется вконец. Поэтому стала она потихонечку творить за подругу молитву. Подавать в храмах записки. Призвала на помощь игумена М. А тут еще и все знакомые Надежды стали сами поминать Фотину о здравии, да и своих духовников просить о молитвенной помощи ей.

Все это время Надежда внимательно прислушивалась к словам подруги — не услышит ли что-нибудь из признаков обидчивости? И уловив, что да, все они налицо, как бы невзначай повела разговор на эту тему.

— Ох, — только и вздохнула на это Фотина. — Чего-чего, а обидчивости во мне хоть отбавляй. Скажу больше. Обида — это мое второе имя!

Поговорили подруги по душам.

Наконец-то Надежда смогла все объяснить Фотине.

Та, как могла, простила всех и вся.

И — больше того — стала ездить в паломнические поездки. Со слезами и надеждой молилась она у святынь. Ездила на молебны о здравии болящих к схиархимандриту Ф. Советовалась с ним.

Потом она рассказывала подруге такой случай. Подошла ее очередь на лечение, она и она говорит старцу Ф.:

— Батюшка, у меня рак…

На другой день идет к нему и думает: «Батюшка старенький, вон сколько народищу прошло за это время, надо ему еще раз про свой диагноз напомнить…» Подходит. Только воздуху набрала, чтобы сказать, а старец ей: « Я все помню..»

И, видно, не просто помнил, но и помолился.

Да не только о ней, но и о ее брате.

Так, что тот после внезапного отправления алкоголем (в результате которого даже попал в больницу) раз и навсегда покончил с этой пагубной страстью.

А вот Фотине с таким заболеванием пришлось увольняться с работы.

Дали ей инвалидность.

Очень переживала Фотина, на что будет жить свои оставшиеся, как она уже считала, месяцы, а то и дни.

Но и здесь Господь не оставил ее.

Чудным образом нашлась работа.

Посильная.

По профессии.

А главное — с хорошими, глубоко верующими людьми.

С ними же она отправилась в паломничество на Святую Землю.

Здесь она посетила Горненский монастырь.

Припала в своей беде к коленям схимонахини Лидии, а та ей:

— Какой рак? Нету тебя никакого рака!

Опешила Фотина.

Не знала, куда и девать себя от такого счастья.

Теперь она уже сама пробует свои силы в качестве сотрудника паломнической службы. Вот, на днях, в субботу едет группа в Оптину Пустынь, и Фотина там уже сама — экскурсовод!

Кстати, дочек своих она тоже приучает жить православной жизнью.

И, глядя на нее, невольно ловишь себя на мысли: до чего же радостно видеть, как люди, после

истинного покаяния, то есть не только обещания исправиться на словах, но и на деле исправления своей жизни, с помощью Божией, меняются, находят себя, выздоравливают и становятся совершенно счастливыми уже здесь на земле…»

Что можно добавить к этим словам отца Л.?

Только одно:

Что же тогда говорить о Вечности?..

После болезни

Вот и еще день.

Солнца пробил луч

Сумрачную тень

Предгрозовых туч.

Слёзы зачем лить,

Что умереть мог?

Сколько ещё жить —

Знает один Бог!

Ведает лишь Он,

Что лучше для нас:

Горечи ли стон,

Радости ли глас?

В жизни земной нет

Счастья и бед зря.

Если в окне свет,

Значит, опять я

Должен стихи петь,

Годы сгребать в стог…

Сколько душе зреть —

Знает один Бог!

Жизнь

Что там за полем?

Горы.

А за горами?

Лес.

Аза лесом?

Просторы

С радугой до небес!

Господи, как премудро

И прекрасно кругом!

Что там за ночью?

Утро.

А за дорогой?

Дом!

Поле… леса и горы —

Без следа укоризн,

Я смотрю на просторы…

Что там за жизнью?

Жизнь!

Часть 6. Воинам (чтобы служба была не в тягость, а в радость)

РПК

РПК — это рота почетного караула.

Степан Виноградов, прослужив в ней более года, приехал домой в краткосрочный отпуск.

На десять дней, не считая дороги!

Он заранее распланировал все эти дни чуть ли не по часам.

Походить по друзьям.

Вместе с ними — на дискотеку.

В кино.

Съездить в областной город к поступившей в институт однокласснице, с которой

переписывался все это время.

А там — может быть, и в театр.

И еще на футбол, который он очень любил.

И в который почти профессионально играл до службы.

Но едва он появился в квартире с родными, полузабытыми запахами — высокий, красивый, стройный — как его планы сразу же стали трещать по всем швам.

Сначала мама, не зная, куда посадить и чем еще накормить сына, не отходила от него ни на шаг.

Затем отец, дождавшись своей очереди, обошел с ним все главные улицы, к счастью, небольшого их города.

И, будучи на полторы головы ниже, чуть ли не каждому встречному с гордостью говорил:

— А это — мой самый маленький!

И, наконец, бабушка, на которую у него и так с самого детства таилась в сердце обида за то, что она настояла, чтобы его назвали, как всегда ему казалось, старомодным и деревенским именем, причем, сама она все время говорила — Стефан, попросила его сходить с нею в храм.

— Ноги-то у меня почти не ходят! — посетовала она. — Палочку тоже рука с трудом держит. А ты вот у меня какой кавалер — поможешь!

Степан ужаснулся, представив себе, что будет идти под ручку с бабушкой через весь город и куда — в храм!

Но отказать ей не смог.

Только спросил:

— А это надолго?

И услыхал:

— Нет, что ты, внучек. Всего два или три часа. С непривычки тебе будет конечно, трудно. Но если что — у нас там лавочки есть. Можно и посидеть!

— Да ты что? — возмутился Степан. — Мне — трудно?! Да мы, если хочешь знать, в РПК не к такому привычны! Часами по стойке смирно стоять умеем! Да еще с тяжелым карабином в руке! Неважно — в мороз или зной! Никто и не шелохнется. Ротный у нас такой строгий, что ко всему приучил!

Так прошла его первая ночь дома.

И рано утром они отправились в храм.

Бабушка шла медленно.

Так, что ему с трудом приходилось подстраиваться к ее мелким шажкам.

Даже шажочкам.

Прохожие, как ему все время казалось, с насмешкой смотрят на них.

Точней, на него.

Но оказалось, что это были только цветочки.

В храме, к немалому удивлению Степана, у него вскоре неожиданно начала затекать спина.

Бабушка же стояла, как ни в чем не бывало.

Вся растворившись в том, что громко возглашал священник из алтаря и пели на клиросе.

А у Степана усталая тяжесть постепенно перешла и на ноги.

Этого не могло быть.

Но… было!

Ноги его заныли и, когда все стоявшие на службе, кроме него, дружно запели: «Верую во Единого Бога Отца…», предательски задрожали.

Под конец этого пения его замутило.

Стало крутить.

Словно белье, когда его выжимают…

Стены с фресками и иконами так и поплыли перед глазами.

Хорошо, что заметившая то, что он сильно побледнел и покачнулся, лет на двадцать, наверное, старше его бабушки — старушка участливо сказала:

— Ты бы шел посидеть, сынок!

И, видя, что сам он уже не может идти, сама взяла его за руку.

И подвела к стене.

Где стояли скамейки…

Дома, куда они с бабушкой вернулись на такси, понемногу придя в себя, Степан недоуменно спросил:

— Бабушка, я же ведь из РПК. И футболист к тому же. А почему в храме тогда еле-еле выстоял? То есть, высидел…

— О-о, — внучек! — протянула в ответ бабушка. — РПК — это земное. Футбол и вовсе от бесов[15]. А в храме — все спасительное, духовное. Вся вражья рать, как увидела, что ты пошел к Богу, и от них ускользаешь, так разом и накинулась на тебя.

— Да разве такое может быть? — хотел возразить Степан.

Но тут же припомнив, как чувствовал себя во время службы, сам понял, что да — оказывается,

бывает.

И что-то такое, о чем он всерьез никогда не задумывался, и правда, наверное, есть…

Не случайно ведь половина роты и сам — какой он ни есть суровый — ротный носят кресты на груди.

Вспомнив о том, он сказал:

— Бабушка, а крестик мой, ну тот, что ты всегда называла крестильным, — где?

— Вот, милый! Вот, мой Стефанушка! — обрадовавшись, ласково заворковала бабушка.

С непривычной уже для нее легкостью быстро сходила в свою комнату.

И сама надела на шею внука его совсем ненадеванный детский крест.

— Спасибо, как только заработаю — золотой себе непременно куплю! — благодарно кивнув, пообещал Степан и по давней привычке нахмурился: — Только что ты все время так меня называешь?

— А как же еще? — удивилась бабушка. — Поправославному! Так звали еще великого святого — первомученика архидиакона Стефана, которого за исповедание Христа до смерти забросали камнями. И прадед твой, мой дедушка, в честь которого ты так назван, тоже казнен был за веру. Теперь он — святой.

«Вот это да!» — изумился Степан.

Оказывается, у них в роду есть самый настоящий святой, каких изображают на иконах и кому молятся люди.

А он и не знал!

И более того — назван в его честь!

Вот будет о чем рассказать, когда вернется в роту, ребятам!

От той, давней обиды и недовольства на бабушку сразу и следа не осталось.

Ай да бабушка!

Всего за два-три часа уму-разуму научила.

И еще неизвестно, долго-долго размышлял потом он, кто кому больше помог сегодня.

Я ей…

Или она — мне?

После боя (быль)

1

Как трудно, встав, идти под пули,

Когда вся жизнь лишь началась,

И в Омске, Томске или Туле

Тебя невеста заждалась!

Упасть бы, долг забыв солдата,

Зарыться в землю и молчать…

Но там, куда ведут, — ребята,

Которых надо выручать.

Над головою — как обрили! —

Промчался трассера пунктир:

Война, что б там ни говорили!

А дома — выходной и… мир.

Весь город спит, хоть спать негоже,

Когда звонят колокола…

Колокола?! О, Боже, Боже!

Дай добежать мне до угла!..

2

За углом — дом.

А в дому том:

Гильзы от автомата

И… распятое тело солдата.

На груди крест

Из родных мест.

Руки-ноги прибиты.

Но глаза голубые открыты.

«Потерпи, брат!»

Только солдат

Прошептал: «Не снимайте!

Так и уйти мне дайте…»

«Шок! — сказал док[16]. —

Бредит браток!

А ну, осторожно, ребята,

Давайте снимать солдата!»

А в ответ: «Нет,

Это не бред!

Мне хорошо, поверьте

Здесь нет ни боя, ни смерти!

Я ведь с креста

Вижу Христа!»

Хотел врач укол поставить,

Но ротный сказал: «Отставить!..»

3

Как трудно жизнь переосмыслить

В водовороте городов:

Ведь веру цифрой не исчислить,

Не испытать рассудком слов.

От Бога, словно озаренье,

Она приходит к нам сама,

Внезапно всякое сомненье

Прогнав из сердца и ума.

Она приходит, словно милость

В болезни, скорби, тесноте,

Или, как это вдруг случилось —

С тем самым парнем на кресте.

Его друзья, вернувшись с боя,

Направились в походный храм

И вместе с ротным до отбоя,

Все, как один, молились там.

Случай в соборе

— Скажите, где тут записку за упокой написать?

— А вон, возьмите листок и пишите.

— Листка мало, тут и тетради не хватит.

А список всего моего батальона подойдет?

Давно умолк церковный хор,

И отпуст прозвучал.

А он, молоденький майор,

Того не замечал.

Три пачки свечек на канон —

Да самых дорогих! —

Поставил, обжигаясь, он

И замер возле них.

Вздыхали женщины: «Чечня!» —

А он, потупив взгляд,

Шептал: «Возьми, возьми меня,

Но — возврати ребят!»

Он не винил теперь иуд,

Сгубивших батальон,

А просто, выполнив свой труд,

Встал перед Богом он.

И, как он есть и в чём там был,

Вернувшись из Чечни,

Теперь без устали твердил:

«Прости… Возьми… Верни…»

Стояли свечи, словно строй,

И кланялись кресту, —

То, завершив последний бой,

Солдаты шли к Христу.

Пылали свечи. Спаса взор

Им милость источал.

…А он, молоденький майор,

Того не замечал…

На излете

Отдыхали казаки после боя.

У костра.

Главной темой разговора, которую завел суровый и обычно скупой на слова подхорунжий[17], было то, что наконец-то они перешли в наступление.

Да не в такое, после которого, как это было в 1914–1915-х годах, приходилось месяцами бесславно сидеть в окопах или позорно откатываться назад, а, судя по всему, до победного конца.

Любители жарких споров — казаки на этот раз все, как один, охотно поддакивали ему.

И не только потому что он, как кавалер трех Георгиевских крестов, который за сегодняшний бой, по словам есаула, должен был получить и четвертый, пользовался абсолютным авторитетом.

В самом деле.

Орудий, винтовок, снарядов и патронов было теперь в достатке.

Обмундирование тоже не в пример прежнему[18].

Дисциплина наладилась.

И настроение-то сразу у всех поднялось!

После того, как верховное главнокомандование, а значит, и всю меру ответственности перед и без того похожей на потревоженный улей Россией взял на себя Государь Император Николай Второй, пошатнувшееся положение в армии выровнялось.

И было не сравнимо с тем, что было в первые два года войны.

Действительно, началось такое масштабное и решительное движение вперед, что оно могло теперь остановиться только в Берлине[19].

Об этом и продолжалась беседа.

Как вдруг молодой казак — серьга в мочке левого уха[20] — ахнул:

— Глядите-ка!

И показал всем вражескую пулю, которую только что достал из-за пазухи.

— Странно, — подивились казаки. — По всему, она должна была быть в тебе, а не у тебя на ладони!

Молодой казак осмотрел себя.

Снял с шеи ладанку, маленький бархатный мешочек, с простой бумажной иконой, которую дала ему при прощании мать.

С мольбой никогда не снимать ее.

Увидел в самом центре небольшую, чуть оплавленную вмятинку.

Примерил точно совпавшее с ней острие пули и пробормотал:

— То-то я не мог понять, что это так стукнуло меня прямо в горло. Обожгло, точно от укуса пчелы!

— А ну-ка, дай поглядеть!

— Надо же!

Казаки, передавая из рук в руки ладанку, качали головами.

Дивились.

— Да, повезло, парень, твоей матери! — с благоговением поцеловав ладанку, повлажневшим голосом сказал подхорунжий.

Казалось, на том и делу конец.

Но были и такие, что начали сомневаться.

— Да ладно вам! Разве может остановить пулю простая бумажка?

— Не иначе, как она уже на излете была!

И, хоть нашлись еще трезвые голоса, напоминавшие, что стрельба по ним велась прямо в упор…

Это мнение убедило многих.

Да так, что они стали смеяться над чудом спасенным казаком.

Не зная, куда деваться, тот не стал больше надевать ладанку на шею.

А просто спрятал в карман.

Ойкнул, уколовшись о положенную туда пулю.

Чем вызвал еще больший, уже дружный смех.

Подхорунжий, видя все это, хотел цикнуть на казаков, остановить.

Но не стал.

Только подальше от них отсел.

Как от зараженных смертельным тифом.

Перебрался туда, где сидел на пеньке писавший письмо домой молодой жене его заместитель — вахмистр.

— Обидели что ли? — спросил тот.

— Меня? — заиграл густыми бровями подхорунжий. — Да я сам кого хочешь обижу. Их, дурней, жалко! Нашли над чем зубоскалить. На излете… на излете… — проворчал он.

— Что? — рассеянно уточнил вахмистр.

— Говорю, на излете веры! Что с ними такими дальше-то будет? Даже страшно становится…

— Тебе?! — не поверил вахмистр. — Ты ведь однажды на целую роту — один! — не побоялся идти!

— Так то на роту! — пренебрежительно усмехнулся подхорунжий и со значением поднял указательный палец. — А это — на Бога… Чувствуешь разницу? Раньше, говаривали отцы и деды, как бывало? Исповедь, причастие и с чистой душой — в бой! Идешь, как на праздник! Потому что твердо знали: если жизнь за други своя покладешь, то — пусть даже уже убитый — так и продолжишь свой путь прямо в рай, к Богу! А теперь, что за времена такие настали? Тьфу!

Он хотел сказать что-то еще.

Давно собирался выговориться.

Но тут его срочно вызвали к хорунжему.

Вернулся он с приказом срочно седлать коней.

И провести небольшую разведку.

Там, где наверняка уже не было германцев.

Просто — на всякий случай.

Дело было столь легким, что можно было даже не оставлять на месте тех, у кого в левом ухе — серьга.

Выехали.

Вернулись целыми и невредимыми, хотя по ним и открыла стрельбу из орудий вражеская батарея.

Все.

Кроме одного.

Молодого казака привезли перекинутого через седло.

Осколок снаряда, словно бритвой перерезал ему горло…

Вскрикнуть — и то не успел!

Казаки, сев вокруг не успевшего даже остыть костра, угрюмо молчали.

Подхорунжий снова был суров и скуп на слова.

Жалко было, конечно, парня.

Но еще больше — его мать, которой, вздохнув, сел составлять казенное письмо вахмистр…

Великий князь Владимир Мономах

Кони снег бессильно месят

У высоких круч.

Половецкой саблей месяц

Дразнит из-за туч.

Снова степняки набегом

Землю обожгли,

И в далекую — за брегом —

Степь свою ушли.

Мономах с досадой в ножны

Вдел тяжелый меч:

«Если встречи невозможны.

Так пойдём им встречь!»

Князь Великий — Мономаха

Выслушал, дивясь,

И ответил не без страха:

«Что ты! Что ты, князь?

Так пугаешь человека —

В Степь самим идти…

Нам уже почти два века

Нет туда пути!»

«Но ведь прежде — печенегов

Били, и хазар.

Так и нынче, до набегов

Нанесём удар!»

Мономах нахмурил брови:

«Сколько же веков

Ещё литься русской крови

От степных врагов?»

Князь Великий исподлобья

На него взглянул.

Но свой взор на Степь и копья

Всё же повернул.

И пошли победным шагом

От родной реки

По Степи под отчим стягом

Русские полки!

Их, дорогами сражений,

Половцам на страх,

Вёл, не знавший поражений,

Сам же Мономах.

Вёл через овраги, реки.

И рассветный луч,

Словно меч, разил навеки

Тьму враждебных туч!

Александр Невский

Крестным знаменьем пред битвой

Троекратно осенясь, —

Меч в руке, уста с молитвой, —

Побеждал Великий князь!

Закрывали тучи солнце…

Кровь струилась по траве…

Бил он рыцарей-тевтонцев.

Бил он шведов на Неве!

А затем, непобедимый.

Ездил на поклон в Орду,

От земли своей родимой

Отводя собой беду.

Плачь, березовая роща!

Пойте, сосны, песнь свою!..

Было бы погибнуть проще

В самом яростном бою…

Так тянулся год за годом.

И в святую старину

Назван Александр народом

Был страдальцем за страну.

Словно перед главной битвой,

Из последних сил крестясь, —

Крест в руке, уста с молитвой, —

Умирал Великий князь…

Кличут вороны со страхом,

Множат эхо по Руси:

Умер Александр монахом,

Приняв имя — Алексий!

Сотни лет прошло с той были.

Многие ушли — как дым…

А вот князя не забыли —

Он великим стал святым!

Димитрий донской

Русь святая! Стяг со Спасом.

Звон кольчуги. Блеск копья.

Щит и лук, колчан с запасом.

В бой — за отчие края!

Позади единым криком

Стонет горе на Руси.

Столько лет под страшным игом

Ну-ка, ношу пронеси!

Справа храм давно сожженный.

Слева — обгорелый склон.

Помнит он, как шли здесь жены

Полонянками в полон…

«Что моргаешь, брат?»

«Ресница, понимаешь, села в глаз…

Правда ль, в бой? Ужель не снится?!»

Спас на стяге — русский Спас!

Золотой на красном поле.

За полком идут полки.

И, покорный Божьей воле,

Смотрит князь из-под руки!

Видя Дон и берег дикий,

Он, пока что не Донской,

А Московский князь великий,

Наконец, махнул рукой,

Дал приказ на переправу,

Молвил войску речь свою

И, сокрыв отряд в дубраве,

Встал простым бойцом в строю…

* * *

Мечи, как серпы затупились от жатвы.

Дружинники красные ленты вплели

В невинную косу невесты Непрядвы —

Безвестной речушки родимой земли.

— Эй, други, кто цел там еще? Отзовитесь!..

Ордынцы всей силой пошли ввечеру.

И падают трудно за витязем витязь,

Могучими соснами в темном бору.

И то им не слышно от общего стона,

Что где-то далёко, за битвою той

Следя, поминает их всех поименно

Пред Господом Богом великий Святой.

Не слышат… не видят, траву обнимая,

Небесный уже получая венок,

Что мчит на уставших ордынцев Мамая

Со свежим полком воевода Боброк!

Суворов

Кончалось время праздных споров —

Везло, или уменьем брал

Вершины ратные Суворов.

Великий гений умирал.

Перед его прощальным взглядом.

Вприщур — орлиному сродни,

Шли триумфальным марш-парадом

Минувшие года и дни.

Его измлада непригодным

Считали к воинским делам:

Муштре и тяжестям походным,

А главное, к самим боям.

Мол, ростом мал и хил не в меру, —

Куда такому в ратный строй?

А он, имея в сердце веру,

Был телом слаб, да тверд душой!

Те дни прошли нелегким шагом,

Напомнив криками о том,

Как под родным российским флагом

Был самый первый бой с врагом.

За ними следом, в зрелых летах,

Не отступая никогда,

Пошли иные — в эполетах —

Неповторимые года!

Шел образец для всех союзов —

Друзей живительный родник:

Румянцев, Ушаков, Кутузов —

Его любимый ученик.

Шли рядом радости и беды,

Шагали, не жалея сил,

Его великие победы —

Очаков, Рымник, Измаил.

«Помилуй, Бог!» — шепнул он тихо.

Растаял, белый от седин,

Последний полк, прошедший лихо.

И вот теперь он шел один…

Он шел на боевые залпы

И сквозь житейскую грозу,

Всё выше, так, что даже Альпы

Остались далеко внизу!

Он уходил, теряя силы.

Не знал, а то-то был бы рад,

Что приняла сама Россия

Его последний марш-парад!

Кутузов

Совет в Филях был в полном сборе.

Изба. Лампада у икон.

Вопрос один. И должен вскоре

Решить судьбу России он.

Как быть? Что делать генералам:

Дать новое Бородино,

Иль сдать Москву без боя галлам?

А что же сам Кутузов? Но…

Фельдмаршал, как там ни шумели,

Прекрасно ведая финал,

Казалось, спал. Но в самом деле —

Он слушал. Думал. Вспоминал.

Он родом — воин, спорить не с кем:

Еще прапрадед Гавриил

Бок о бок с Александром Невским

В сраженье доблесть проявил!

Победы, слава, тень опалы —

Всё перепробовано им.

Что говорят там генералы?

Наполеон — непобедим?

Ну, то ещё как доведется…

Есть мысль! Но пусть молчит она.

Даже подушка полководца

Знать его мыслей не должна!

И, как победами известный,

Непобедим Наполен,

Но ради Родины любезной,

Он должен быть им побежден!

Пока пусть знают то, что можно.

Кутузов через силу встал

И, улыбнувшись осторожно,

Непререкаемо сказал:

— С потерею Москвы Россию

Не потеряем, как страну.

Зато, ещё собравши силу,

Счастливо завершим войну.

А коль останемся без войска,

Наполеон всё может взять.

Для будущей борьбы геройской

Приказываю… отступать!

Совет военный, в полном сборе,

Поднялся у святых икон.

Так был решен вопрос. И вскоре

Решил судьбу России он!

Адмирал Ушаков

«Аминь!» — окончена молитва.

«Огонь!» — и вот уже кипит

На берегу морская битва,

Как это странно ни звучит.

Такого не было в помине —

Чтобы на крепость штурмом шли

Не воины в пехотном чине,

А боевые корабли!

Что против бастионов реи

И даже пушки моряков?

Но наступал на батареи

Непобедимый Ушаков.

Отдавший без остатка флоту

И Родине свою судьбу,

Он, делая свою работу,

Смотрел в подзорную трубу.

Вокруг него летали ядра,

Кипела, как в котле, вода…

Вот так же шла его эскадра

На все турецкие суда.

Их грозный флот после такого

По морю ходит, чуть дыша,

А адмирала Ушакова

С тех пор зовут Ушак-паша!

Тогда все получилось славно.

Затем он, Господом храним,

Иных врагов разбил недавно.

И нынче крепость перед ним…

Все тише, тише батареи.

И, после множества команд,

Звучит приказ: «Теперь скорее

На остров высадить десант!»

Вся крепость содрогнулась стоном

От наших яростных атак.

И, наконец, над бастионом

Взметнулся первый русский флаг!

И сдался враг! Победа эта

Была столь славною тогда,

Что разве только не полсвета

Ей восторгалось в те года.

И сам Суворов от такого

Сказал, не думая шутить:

«Хотел бы я у Ушакова

В тот день — хоть мичманом служить!»

1812 год

Поротно и поэскадронно,

Под мерный барабанный бой,

Идут полки Наполеона,

Идут, довольные собой!

Холеный палец Бонапарта

Парит над картою орлом.

(Была страна тогда, как карта

С большим оторванным углом…)

Доволен данными разведки

Наполеон, как никогда:

Москва — есть корень, и как ветки

Все остальные города!

Россия не готова к битве.

Их не спасет ни царь земной,

Ни то, что дружно на молитве

Они сегодня всей страной.

Но вот проходят лето, осень,

Встают сугробы как редут.

И снова средь берез и сосен

Полки французские идут.

Бредут войска Наполеона,

Сжигая за собой мосты.

Поротно и поэскадронно

Стоят могильные кресты.

О, чудо Бородинской битвы,

И слава множества боев!

Россия жнет плоды молитвы

По вере спасшей отчий кров.

Как я хочу, чтоб в век кричащий

От боли, крови, войн, невзгод,

России вспоминался чаще

Тот, с Господом прожитый год!

Генерал Скобелев

Обычно воин жертвует собою,

Чтоб командира заслонить в бою.

А тут сам командир, готовясь к бою.

Поставил под угрозу жизнь свою.

Тогда еще он не был генералом.

Вокруг — пустыня, Азия, война.

И всюду враг, в количестве немалом,

Упрямый, как барханная волна.

Он снял мундир с наградою геройской,

Надел туркменский латаный халат

И, путь разведав средь чужого войска,

Спас этим жизни множества солдат…

Таким он был затем и в час Балканской,

Уже совсем в другом краю, войны,

Когда спасали мы судьбу славянской,

Под тяжким игом гибнущей страны.

Теперь солдаты шли за генералом.

Кругом — огонь, река свинцом полна.

И снова враг, в количестве немалом,

Суровый, как дунайская волна.

Потом опять — напутствие молебна,

И новые походы и бои.

Чего лишь стоят: Шипка, Ловче, Плевна,

Где он тогда провел войска свои!

Присев под сенью поднятого флага,

Он дальше шел вперед, неутомим,

И так спешил, что говорят, отвага

Порой не поспевала вслед за ним.

Ему бы лет в количестве немалом!..

Да, видно, сократила их война.

И в неурочный час над генералом

Легла его родной земли волна.

Он был стратег, и сам сражался лично.

И вот теперь итог пути того:

Россию славят воины обычно.

А тут она прославила его!

Полковые священники

Дан ков коням.

Наутро переправа,

И сразу в бой!

Готовятся полки:

Молебны — слева,

исповеди — справа,

Крещение —

на берегу реки.

Священники

в церковном облаченьи

Под вечер

начинают уставать.

Без перерыва

служба в ополченьи:

Сегодня крестят,

завтра — отпевать!

Сверкает крест.

Дымится горький ладан.

Целует воин

руку пред собой,

И видится ему

уже не адом,

А — маршем в небо

предстоящий бой!

Отбой полкам!

Уже едва живые,

Молясь, пока солдаты

трудно спят,

Священники,

как свечи восковые,

Всю ночь

перед иконами стоят.

Маршал Жуков

Дела венчаются итогом.

Но возникают из начал.

…Была война. А он вдруг: «С Богом!»

Однажды в трубку прокричал.

Сержант-связист, храбрец без меры,

Сидел, бледнея, сам не свой —

Тогда в стране за слово веры

Платились люди головой.

А тут — без шифра, против правил,

Нет, чтобы шепотом хотя б,

К приказу генерал добавил

Так, что услышал целый штаб.

Но штаб как будто не заметил…

Не знал сержант еще тогда,

Что генерал призывом этим

Так битвы начинал всегда!

Война безжалостной волною

Катилась грозно по стране,

Потом, дорогой непрямою.

Пошла по дальней стороне.

А генерал (теперь уж — маршал)

Давал опять наказ один

Дивизиям, идущим с марша —

Тяжелым маршем на Берлин.

И шёл, не зная поражений.

Точнее, Божия рука

Вела дорогами лишений

Победной поступью войска!

А тот сержант в боях с врагами

Чинами не был обойдён,

И вскоре этими словами

Сам вёл в атаки батальон.

И день Победы, данной Богом,

Он вместе с Господом встречал…

Да, всё венчается итогом,

Но — возникает из начал!

Святой приказ (Святая Ксения Петербургская)

Стрельба велась прямой наводкой

По дому, где засел солдат.

Он вытер пот со лба пилоткой,

Взял снова в руки автомат.

Он был один в горевшем доме,

И санитар себе, и друг…

Вокруг — враги. И тут в проеме

Увидел женщину он вдруг.

На палку-посох опираясь,

В платке и юбке до земли,

Стояла, словно не касаясь

Она осколков и пыли.

Солдат опешил, как от чуда.

А та, кивнув на потолок,

Сказала: «Уходи отсюда

В другую комнату, сынок!»

Он понял: возражать напрасно,

Такая прозвучала власть,

Что без вопросов было ясно:

Промедлить миг — значит, пропасть!

Он сделал, как она сказала —

Еще не осознав того,

Что эта женщина спасала

От верной гибели его!

Дорогу в пять шагов длиною

Солдат в два шага одолел,

И тут же за его спиною

Рвануло так, что дом взлетел.

Из глаз исчезло поле боя.

Потом был плен и лагеря…

Где не давала мысль покоя:

Что выжил он в том доме зря!

Прошли года. Стал ветераном

Солдат почетным, и теперь

Настало время новым ранам

От нескончаемых потерь.

Сто верст прощальных он отмерил,

И, хоть не верил в Бога сам,

Зашел раз в храм и не поверил

Однажды собственным глазам.

Стоял, застыв, он в Божьем доме,

Не понимая ничего:

Та женщина, как в том проеме,

Опять смотрела на него.

На палку-посох опираясь,

Платок и юбка до земли…

Она стояла, улыбаясь,

Вблизи и будто бы вдали!

Солдат неверными шагами

К иконе, щурясь, подошел,

Но надпись древними слогами,

Как ни старался, не прочел.

«Кто это?.. — к старице согбенной

Он обратился. — Чей портрет?!»

«Икона Ксении Блаженной!» —

Ему послышалось в ответ.

Солдат опешил, как от чуда,

И вдруг услышал, как тогда:

«Не уходи, сынок, отсюда

Теперь надолго никуда!»

Вновь было возражать напрасно.

Такая прозвучала власть,

Что без вопросов стало ясно:

Ослушаться — значит, пропасть!

Шел ветеран-солдат из храма.

И, хоть нелегок груз годов,

Он вновь, как в молодости прямо,

Без промедленья был готов

Все сделать, как она сказала.

Не осознав еще того,

Что в этот раз она спасала

От вечной гибели его!

Побег

Рядом грохнуло так, что земля вздыбилась и смешалась с небом.

«Надо же, — только и успел подумать рядовой Степанов Семен — или как звали его в молодцеватой на марше, а теперь в погибавшей так глупо роте — Сенька. — Еще повоевать не успел. И сразу — конец…»

Но это был не конец.

Он только лишь потерял сознание.

А когда очнулся — то сразу понял, что случилось еще худшее смерти: плен…

Два фашиста, склонившись над ним, грубо приподняли его.

Встряхнули, убеждаясь, что в нем еще есть жизнь.

И когда он, застонав, открыл глаза, пинками заставили встать.

Втолкнули в большую толпу, таких же, как и он, пленных солдат.

Затем повели куда-то.

На ночь загнали в храм.

А на утро велели выходить наружу.

Здесь, в тихом и уютном когда-то церковном дворике их начали строить в колонну по четверо.

Лаяли без умолку рвущиеся на людей овчарки.

Что-то громко приказывали офицеры.

Эхом откликались им снующие тут и там, с болтающимися на животах автоматами солдаты.

Они принялись перестраивать колонну.

И опять что-то не нравилось офицерам.

— Расстреляют… — глухо проронил, очевидно, немного понимавший немецкую речь сосед, предусмотрительно сорвавший с себя все знаки различия.

Хотя и без того, по гимнастерке было видно, что это командир.

Или, что было еще хуже в таком положении, политрук.

Но, несмотря на это, прекрасно понимавшие, кто он, фашисты не стали выводить его в отдельную шеренгу вместе с теми, кто, согласно их строгим инструкциям, должен быть уничтожен в первую очередь.

И тогда Семен с тоской понял, что сейчас они расстреляют всех…

Поднимая, словно прощаясь с солнцем, глаза к небу, он остановил свой взгляд на куполах храма с крестами.

Вздохнул, вспоминая, мать.

Каково-то ей будет узнать о его гибели?

Хотя, наверняка сообщат: пропал без вести.

И это до самой смерти будет согревать ее сердце надеждой.

Эта мысль так успокоила Семена, что он, даже несмотря на то, что услышал, слегка улыбнулся.

И вместо того, чтобы подумать о себе, оплакивая свою смерть в девятнадцать лет, продолжил думать о матери.

Как там она сейчас?

Чувствует ли, что эти звери хотят сделать с единственным ее сыном?

В любом случае, что бы ни делала, наверняка, как всегда — молится…

Молится?!

Семен, словно впервые их видя, уставился на кресты.

Вспомнил, как мать все время наказывала ему.

И, собирая в дорогу.

И уже возле сельской конторы, где садилось по грузовикам много таких, как он:

— Молись, сыночек, когда будет совсем трудно, Николаю Угоднику! Он — поможет…

Трудно?

Да куда уж труднее…

Семен разом забыл всё, чему учили его в школе: что Бога нет, что вера в Него — всего лишь выдумка невежественных людей, а им, молодому поколению надо верить в светлое будущее и жить для блага своей страны.

И — сам принялся молиться.

Истово.

Горячо.

Богу.

Пресвятой Богородице.

И — Николаю Чудотворцу.

Время словно остановилось.

Он прервался только когда вдруг увидел нечто более чем странное.

Мимо обреченной колонны неспешно, спокойной походкой шел высокий седой старик.

Почему-то неся над своей головой деревянное корыто…

В каких обычно купают младенцев.

Он шел.

И его словно никто не замечал.

Ни фашисты.

Ни пленные.

Поравнявшись с Семеном, он посмотрел на него.

Коротко кивнул на корыто.

Как будто что-то подсказывая:

«Давай, мол, сюда!»

И Семен сразу понял, что надо делать.

Сам удивляясь тому, что совершенно не боится ни собак, которых могли спустить на него за это, ни расстрела прямо на месте, он выскользнул из строя.

Пристроился к старичку.

Поднырнул под его корыто.

И они вдвоем все так же медленно и спокойно пошли дальше.

В сторону, противоположную широко распахнутым в смерть воротам.

Вокруг по-прежнему лаяли собаки.

Давали последние указания офицеры.

Колонна военнопленных, судя по поднявшемуся гулкому топоту, наконец, тронулась в свой последний путь.

А они шли, шли…

И только когда дошли до ближайшей воронки, старичок оглянулся, красноречиво показывая

теперь на нее.

И тут же куда-то исчез.

Вместе с корытом.

Семен послушно нырнул в спасительную воронку.

Прижался всем телом к родной земле.

И когда все окончательно стихло и свечерело, осторожно постучался в стоявший на самом краю села дом.

Его впустили.

В святом углу, и это было первое, что он здесь увидел, да так и застыл на месте — были три иконы.

Спасителя.

Пресвятой Богородицы.

И — того самого! — Николая Чудотворца…

Здесь чем-то неуловимо похожая на его мать женщина, сама ежеминутно рискуя за это жизнью, прятала Семена до тех пор, пока не пришли наши…

Старая пилотка

Почувствовав приближение скорой смерти, Афанасий Петрович, суровый и жесткий, зажиточный, как говорили когда-то, старик, стал готовиться к ней обстоятельно и строго.

Что жаловаться и ныть?

В войну не погиб.

После нее не бедствовал.

90 лет с лишком любому на зависть прожил.

Тем, кто ушел до времени — на несколько их жизненных сроков хватило бы.

Пора, загостился…

Как говорят, и на том спасибо!

Первым делом он вызвал на дом нотариуса и по закону завещал дом, машину, участок и все самое ценное — детям и внукам.

Никого не забыл.

Даже правнуков.

Ни одного из родственников не обделил, не обидел.

Затем велел перебрать все его старые вещи.

Ненужное выбросить.

А то, что еще можно использовать — раздать после того, как его не станет, менее обеспеченным людям.

«Ну вот, кажется, всё сделано!» — подумал он.

Огляделся, ища, не забыл ли чего?

Над кроватью висели фотографии родителей и его самого, в солдатской гимнастерке, с орденом на груди.

На противоположной стене — пожелтевшая от времени карта страны, с вылинявшим почти добела красным флажком.

Он не снимал ее — потому что жена и дети, дожидаясь его с войны, прикрепили ее сюда и, слушая сводки совинформбюро по динамику колоколу, что висел на столбе в центре деревни, ежедневно передвигали этот флажок.

Сначала горестно на восток.

Потом, торжествуя, на запад.

Не решился тронуть он и святой угол, с тремя большими — на резной, сделанный еще его дедом полке — иконами.

Оставил их здесь даже после смерти глубоко верующей матери.

Так они и висели на самом видном месте.

Словно в память о ней.

Даже в те годы, когда за это могли быть серьезные неприятности.

Взгляд Афанасия Петровича, равнодушно скользнув по иконам, упал на окно, за которым росла его любимая яблоня.

Принялся любоваться ей.

И тут к нему вбежали — его последняя слабость в этой жизни — правнуки.

Даже в отличие от детей и внуков, им был разрешен к нему вход в любое время.

В руках у одного, не самого старшего, но характером походившего на него, была дырявая пилотка.

Остальные пытались ее у него — вырвать.

— Вот, мама велела выбросить! — сказал старший правнук. — А мы не хотим! Можно, хоть она больше ненужная, мы ее для себя оставим? И по очереди будем играть в солдат?

Увидев пилотку, Афанасий Петрович внезапно изменился в лице.

— Где вы ее взяли? — каким-то чужим, пересохшим голосом спросил он.

— В твоем чемодане… на самом дне… — растерянно пробормотал старший. — А что, разве нельзя?

— В чемодане… на самом дне… — растерянно повторил старик и прошептал: — Господи! А про самое главное я чуть было и не забыл!

Он поглядел на не понимающих, что это вдруг случилось с их дедом, правнуков.

Сказал, что это — необыкновенная пилотка.

Пообещал все объяснить потом.

Попросил срочно позвать к нему кого-нибудь из ближайших взрослых.

И когда к нему вбежала взволнованная дочь, сказал, чтобы та немедленно съездила в город и привезла священника.

Он желает сделать все то, что положено каждому православному человеку перед кончиной.

Сам он не в курсе.

Но, батюшка знает, что именно!

— Слава Тебе, Господи! — радостно всплеснула руками дочь.

Сколько она ни уговаривала отца свозить его в храм хоть на Пасху.

Но тот даже и слышать о том не хотел.

— Сам не верю, но и другим не мешаю! — самодовольно каждый раз отвечал он одно и то же, и всем своим суровым видом давал понять, что всё, разговора дальше не будет.

А тут, в самый важный момент для души — вон оно как обернулось!

Машина у Афанасия Петровича была крепкая, быстрая.

Священник тоже, к счастью, оказался на месте.

И был свободен от службы и треб.

Так что совсем скоро его привезли.

И дверь в комнату Афанасия Петровича плотно закрылась почти что на три часа.

Только и слышалось, как долго и чинно читает нараспев молитвы священник, который, как оказалось, не только исповедовал, но особоровал и причастил покидавший этот временный мир старика.

После того, как он уехал, правнуки снова вошли к деду.

И тот, взяв слабой рукой пилотку, сказал:

— Эта пилотка была на моей голове, когда командир батальона приказал мне переползти через

площадь. А она была под перекрестным и самым что ни на есть прицельным огнем фашистов. Много наших ребят попыталось, да так и осталось навечно там. Настал мой черед. Ползу я, слышу, как пули свистят, и только думаю: «Эта не моя! И эта тоже не моя!»

Афанасий Петрович взглянул на слушавших его, затаив дыхание, правнуков и назидательно проговорил:

— Не верьте, когда говорят, что свистящие пули опасны. Самая страшная та — которая молча летит!

Он помолчал, собираясь с силами, и продолжил:

— И так мне тут жить захотелось… что в первый и, как оказалось, последний до сегодняшнего дня помолился Богу. Больше того, поклялся Ему, то есть, дал обет: если выживу, не сразит меня вражья очередь на этой площади, то после войны обязательно буду ходить в храм. Так я и переполз через ту площадь. Только всю плащ-палатку да эту пилотку изрешетило… Непонятное дело. На мне ведь они были. А сам я ни одной царапины не получил. Да… орден за это мне дали. Плащ-палатку, конечно, домой не повез. А эту пилотку с войны прихватил. Она мне и там, вроде, как талисманом была. И тут захотел всем, как чудо, показывать. Но положил ее в чемодан. Да и сразу забыл про это…

— Дедушка, а в храм ты потом пошел? — сделав шаг вперед, спросил похожий на деда правнук.

Вместо ответа Афанасий Петрович, который на радостях, после победы совсем позабыл о своей клятве, прижал пилотку клицу и…

Заплакал.

Это было так неожиданно — видеть плачущим всегда сурового дела, что правнуки невольно попятились.

И с криками:

— Бабушка, мама, папа! Дедушка плачет!

Выбежали из комнаты.

Вошедшая дочь подошла к отцу и когда тот, отирая слезы пилоткой, открыл лицо, сказала:

— Ну что ты, папа, как маленький… Ну, право, не надо! Радоваться надо — не плакать. Ведь это — такое счастье! Такое счастье! Все-все грехи, который ты насобирал по жизни, простил тебе Бог!

— Он-то простил… — с трудом выпрямляя дыхание, прошептал Афанасий Петрович. — А сам я себя — прощу? Ведь столько времени зря потеряно. Иному — на несколько жизней хватит. Мог бы всё Ему посвятить. А я?.. Можно сказать, даром всю жизнь прожил. И в храм — а ведь обещал-то как! — ни разу и не сходил. Теперь уже разве что только меня туда — принесут…

— Да будет тебе на себя наговаривать! — с притворным гневом замахала руками на сказавшего всё, что хотел, отца дочь. — Первый раз, что ли, болеешь? Выздоровеешь еще. Окрепнешь. И мы сразу же отвезем тебя. Сам, своими ногами войдешь!

Афанасий Петрович, молча, жестом велел ей уйти.

Он и сам не лгал, и другим не давал.

— Не верьте, — сказал он дождавшимся, наконец, своего часа правнукам, — если кто-то вам скажет, что на войне не верили в Бога. Верили все. От маршала до простого солдата. Иначе, разве бы мы победили?

И протянул им свою пилотку.

— Держите, — сказал он. — Носите по очереди. И хоть вы теперь выполняйте за меня, тот, данный Богу, обет…

Простой вопрос

Как-то возьми и спроси я

У карты страны на стене:

«Кто спас тебя, мать-Россия,

В последней Великой войне?

Когда занимались с марша

Деревни и города,

Кто спас тебя: воин? маршал

От смерти, родная, тогда?»

В огне полыхала Волга,

Москва была к сдаче близка…

Но сдюжили мы, и долго

На запад шли наши войска.

Ах, милая пыльная карта,

В морщинах старинных дорог!

От гибельного штандарта

Кто спас нас?..»

«Конечно же, Бог!»

Сев и жатва

Сказал мне однажды один скептик:

— Все пишешь, пишешь… Прозу, стихи… Да кто хоть сегодня читает это?

Я молча показал ему на тиражи в выходных данных написанных мною, с Божьей помощью,

книг.

Скептик не унимался.

— Ну, допустим, раз столько печатают, стало быть покупают. Но даже если кто и прочитает… А толку?

— То есть? — не понял я.

— Ну, ты хотя бы один реальный результат видел после прочтения твоих книг? Хоть один человек — стал меньше грешить, действительно задумался о смысле жизни и, наконец, стал ближе к Богу?

Что мне было ответить ему на это?

После того, как книга написана, она словно бы начинает жить своей жизнью.

Не могу же я проследить за тем, как она идет к читателю и, тем более, какое воздействие оказывает на него!

Но отвечать что-то было надо.

Скептик, судя по его довольной ухмылке, уже явно начинал праздновать победу.

И я сказал:

— Не знаю, как насчет того, что есть… А вот, если я сам начну с себя, то есть стану исполнять то, что пытаюсь передать другим, о чем говорится в моих книгах, то вот тебе уже и будет один такой человек!

Скептик, впервые промолчав, неопределенно пожал плечами.

Тогда я, подумав, добавил:

— Святые говорят: сей семя, Господь взрастит.

И рассказал историю, услышанную однажды в поезде от одного боевого, судя по наградам на кителе, офицера…

В раннем детстве бабушка учила его молиться. Он даже запомнил наизусть «Отче наш».

Но… бабушка вскоре умерла.

В семье не принято было говорить о Боге, потому что отец работал в такой организации, что донеси кто об этом его начальству, и он мигом лишился бы своего места! А потом все начисто вымели из памяти безбожный школьный ветер да атеистический ураган военного училища. Затем была служба в Афганистане, других горячих точках, наконец, Чечня…

И вот тут однажды колонна, в которой он ехал, попала в серьезный переплет. Боевики перекрыли им вход и выход в ущелье. Они вызвали по рации вертолеты, чтобы те основательно проутюжили склоны. Но «вертушки» почему-то не торопились. И тогда они — благо среди них было немало опытных ребят — выбили боевиков сами. И вот тут прилетели вертолеты. А ракет «свой-чужой», чтобы сообщить: здесь мы, свои, не бомбите, почему-то ни у кого не оказалось. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Забыли в угаре атаки внизу. В колонне остались…

«Я видел в Югославии атаку боевых американских вертолетов «Апачи», — помолчав, с пренебрежением сказал тогда офицер и зябко передернул плечами. — Но это ничто, детская забава по сравнению с тем, когда на тебя идут наши «Черные акулы». Это просто… психическая атака! Мы метались, не зная, куда деваться… где спрятаться… зарывали лица в землю, чтобы не видеть этого ужаса. Огонь стоял всюду сплошной стеною. Не помню — мысленно или во весь голос я закричал, призывая на помощь единственного, кто мог спасти меня в этом земном аду — Бога. И тут… совершенно неожиданно мне вдруг вспомнилась молитва, которой научила меня бабушка… Ясно! Дословно!»

«Отче наш, иже еси на Небесех… — горячечно бормотал я, почему-то в полной уверенности, что Бог слышит — просто не может не слышать меня сейчас. — Да святится Имя Твое… да придет Царствие Твое…»

«Земля вокруг дыбилась. Поднималась и опускалась… Я был оглохший от страшного грохота и ослепший от забившей глаза пыли… Но — живой, хотя весь боевой опыт подсказывал, что давно уже должен быть разорванным на куски. И поэтому уже точно помню — вслух кричал: Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земл и. Хлеб наш насущный даждь нам днесь! И осгави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим! И не введи нас во искушение!! Но избави нас от лукавого!!!»

Кончилось все это также внезапно, как и началось.

После той короткой, смертельной грозы смотрю, глазам не верю — словно из-под земли поднимаются и сбиваются в группку… все ребята!

— А вы, почему живы?… — сказал я на радостях первое, что пришло мне в голову.

К счастью, тогда еще никто не мог услышать меня.

И только после того, когда мы, наконец, обрели возможность слышать и понимать друг друга, выяснилось, что все, как один, тоже молились Богу. Что, собственно, я в этом теперь убежден, совершенно уверен, и спасло нас».

— То есть, — заканчивая пересказывать эту историю, подытожил я, — каждому из них в свое время так или иначе было сказано о Боге, посеяны семена веры, которые и взошли в нужный момент…

Скептик, как всегда, хотел возразить.

Но передумал.

Возможно, впервые не найдя, что сказать, чем очень порадовал и обнадежил меня.

Только попросил дать ему на время одну из книг.

И ушел.

Так, кстати, до сих пор не вернув мне ее обратно!

Увольнение

Сапоги до блеска зеркал надраены.

На дискотеку сейчас бы, но —

Колокола с деревенской окраины

Манят солдата уже давно!

Стоит он сред молящихся, служащих,

Шепчет, не слыша старух ворчню:

«Защити меня, Господи, от старослужащих,

А главное — не отправь в Чечню!»

И хоть вся рота в Чечню отправляется,

И «старики» грозятся в окно,

Идет в казарму солдат, улыбается —

Трудно, конечно, сейчас ему, но…

В дороге

Поля, леса, опять поля…

И целый день, пока я еду,

Друг друга — люди — веселя,

Ведут дорожную беседу.

Леса, поля, опять леса…

Уже и вечер на исходе,

Но не смолкают голоса

О ценах, спорте и о моде.

Вдруг из-за леса выплыл храм.

Как будто с яркого плаката,

Он был минуту виден нам

На фоне алого заката.

Беседа не оборвалась:

Судачили, съедая ужин,

О том, какая нынче власть,

О том, что завтра будет хуже.

И лишь солдатик с вещмешком —

Медаль за выполненье долга —

Перекрестясь на храм тайком,

Вздохнув, задумался надолго…

Материнский совет

Провожала сына мать

В дальнюю дорогу:

«Будут беды донимать —

Обращайся к Богу!»

Сын в ответ махнул рукой,

Как всегда, беспечно:

«Это ты с мольбой такой

Донимаешь вечно!»

Год промчался без забот.

Так сказать, без грома:

Сын попал служить на флот,

Мать молилась дома.

За землею — острова,

А за морем — море.

Материнские слова

Позабылись вскоре!

Но однажды, подустав.

Разморенный югом,

Сын забрался в батискаф

С нерадивым другом.

Здесь они, тайком от всех,

Крышку завертели

И, не пряча громкий смех,

Выспаться хотели.

Крепким был матросский сон,

Только сын проснулся:

Вдруг почувствовал он —

Батискаф качнулся.

«Что это за шутки там?» —

Напряжен и чуток,

Он спросил, и тут друзьям

Стало не до шуток.

Их подняли в вышину.

Опустили в воду,

И пошли они ко дну,

Набирая ходу!

Затрещала голова,

Стал несытным воздух…

Сын уже живой едва

Вспомнил небо в звездах…

Покатилась — не поймать —

Самая большая.

И звезду — стояла мать.

Плачем провожая…

Вспомнив вдруг ее совет

В дальнюю дорогу,

Сын — впервые в двадцать лет —

Помолился Богу!

В это время, дав приказ

Батискаф проверить,

Командир ушел на час

Время сном измерить.

Только вдруг, журнал листав,

Слышит он в каюте:

«Поднимайте батискаф!

В батискафе — люди!!»

Огляделся командир.

Это что-то ново!

Стулья, стол, кровать, мундир —

Никого живого!

А в ушах опять приказ.

Так что кровь взыграла —

Голос громче в этот раз,

Чем у адмирала.

Командир — наверх скорей

Из своей каюты!

И в безвестности своей

Потекли минуты…

Ждали люди, ждать устав…

Напрягались тросы…

Наконец, всплыл батискаф,

А внутри — матросы…

Что им командир сказал,

Повторять негоже…

Главное, что повторял

Сын одно и то же.

Он — совет совсем не зря

Мать дала в дорогу, —

Без конца благодаря,

Обращался к Богу!

Часть 7. Заключенным (или Свет в темницах сидящим)

Чудесная дата[21]

Тюрьма — не место для рыданий…

Устав, однажды бывший вор

Без писем с воли и свиданий,

Сам себе вынес приговор.

Был за окошком двор завьюжен.

И думалось с тоской ему:

Зачем мне жить, когда не нужен

Я в этом мире ни-ко-му?

Жена и дети позабыли…

Родителей давно уж нет…

Друзья? Они, конечно были.

Но миновало столько лет!..

От неуменья до сноровки —

Всего лишь несколько минут.

Он сплел подобие веревки

И ждал, когда лишь все уснут…

Вокруг затихли разговоры.

Как только провалились в сон

Мошенники, убийцы, воры,

За дело сразу взялся он.

Натер петлю казенным мылом,

Все приготовил, рассчитал,

Не видя, что в углу унылом

Один сокамерник не спал.

Огромный, молчаливый малый,

Четыре срока — двадцать лет.

То есть, рецидивист бывалый

И, так сказать, авторитет,

Он в эту полночь, как на счастье,

Под дружный храп на всю тюрьму

(Болели ноги на ненастье]

Все видел и сказал ему:

«Ну и чего ты так добьешься?»

«Что?!» — оглянулся бывший вор.

«Уйдя, считаешь, не вернешься?

Так это, понимаешь, вздор!»

Авторитет — было известно,

Гораздо лучше всех послов,

Не говорящих бесполезно,

Знал цену высказанных слов.

Его считали, правда, странным

Уже лет пять из-за того,

Что словно домом вдруг желанным

Тюремный храм стал для него.

Он сел, набросив одеяло,

Руками крепко ноги сжал,

И так, что вору зябко стало,

Невозмутимо продолжал:

«Наложишь на себя ты руки

И кончишь с горькою судьбой?

Нет, брат, лишь временные муки

Навечно заберешь с собой!

Ты думаешь, мне легче, что ли,

Иль я б давно уже не мог

Избавиться от этой боли?

Но — жизнь нам вечную дал Бог»!

Авторитет в тюремном храме

Служил алтарником не зря.

Он краткими, как в телеграмме,

Словами сеял, говоря:

«Так что напрасно не старайся!»

«А как мне с горем быть своим?!»

«Сходи на исповедь, покайся!»

«А дальше?» — «Дальше — поглядим!»

Он лег и молча отвернулся:

Мол, все — закончен разговор!

И тут как будто бы очнулся

От наважденья бывший вор…

Что было дальше? В воскресенье

Он, удивляясь себе сам,

Зашел, преодолев смущенье,

В тюремный православный храм.

Иконы, свечи и лампады,

На аналое — Спаса лик,

Молящихся такие взгляды,

В которых — боль, мольба и крик…

Авторитет, прошедший мимо,

Прихрамывая, как всегда,

Сказал и здесь невозмутимо:

«Иди на исповедь — туда!»

Вор как-то робко подчинился

И, сам не зная почему.

Стал говорить, в чем не открылся

И адвокату своему!

Как между небылью и былью

Был этот час иль миг всего,

И, наконец, епитрахилью

Покрылась голова его…

Прошли еще две-три недели,

Забрав последнюю метель.

На воле птицы загалдели,

И с крыш закапала капель.

Как и положено весною.

Светлее стало все вокруг,

Жизнь проходила стороною,

То есть, как прежде, только вдруг…

С многозначительной ухмылкой,

Позвав его, сказал сосед:

«Тебе там два письма с посылкой,

Наверно… с чем-то на обед!»

«Мне?» — «Ну не мне же — вот тетеря!»

Все это было, словно сон.

И вот уже, глазам не веря,

Все получив, и правда, он

Читал запоем весть из дому:

От сыновей и от жены…

И надо же еще такому:

От друга — из чужой страны!

Перечитав до букв листочки.

Он на конверты посмотрел,

И здесь все изучил до точки,

Взглянул наверх и обомлел…

Он сразу не поверил даже,

Но дата отправленья там

Везде была одна и та же —

Тот день, когда пришел он в храм!

Сокамерники поздравляли,

Передавали свой привет,

Все, что в посылке, разбирали,

А он ни слова им в ответ…

Потом зашлись от содроганий

И плечи, да на много дней.

Тюрьма — не место для рыданий…

Но исключенья есть и в ней!

На исповеди

Постучался я к Богу.

«Кто там?»

«Я — пришедший покаяться в храм,

Лицемер, вор, убийца, гордец,

Маловерный лукавый подлец,

Лжец, обидчик, болтун, клеветник,

Сребролюбец, злослов и блудник…

Мне, твердят, палец в рот не клади,

Я ведь грешен насквозь! Что?..»

«Входи!»

* * *

Я согрешил… Я согрешил

И долго плакал, безутешный,

Покуда Ты, Один безгрешный

На помощь мне не поспешил!

Омыл, очистил добела,

Вернул достоинство былое.

И ждешь: ну, а теперь куда

Пойду — на доброе иль злое?

* * *

В гулком храме плачут свечи,

Наклоняясь к образам.

И мои все ниже плечи,

Все тесней в глазах слезам.

Слава Богу, что дорога

Привела меня сюда,

Потому что я про Бога

Забываю, как всегда.

Свечи плачут, догорая.

А на сердце так сейчас,

Будто на пороге рая

Постоял я в этот раз!

Распятье

Господи, Боже мой,

Даже с Распятья

Ты мне Свои

Раскрываешь объятья!

Тихо стою

У святого Креста,

Молча смотрю

На мученья Христа,

Плачу, целуя

Подножье Распятья

И… попадаю

В Христовы объятья!

Последнее слово

Не готов я для вечного.

Боже, повремени!

Не суди бессердечного,

Но продли мои дни.

Раб я духа мятежного.

Господи, пощади!

Обрати взор на грешного

Со креста на груди.

Строгость лика иконного…

Боже, останови!

Не казни беззаконного,

По закону Любви.

Старая икона

Нашел икону на помойке

Тот, кого все зовут бомжом.

Принес в сарай на чьей-то стройке,

Поковырял оклад ножом.

Вконец он разочаровался,

Что на открытке образ был.

Но все же как-то расстарался

И «подешевке» ее сбыл.

Купил вина и все, что нужно

(Все мало, как ни выбирай!),

И — нищий, жалкий и недужный

Побрел в заброшенный сарай.

Здесь, горькую глотая сладость,

Он выл, что жизнь не удалась,

Не знав, что «Всех Скорбящих Радость»

Икона старая звалась.

Баллада о «Новом русском»

Встал в соборе «крутой»

У иконы святой.

— Покупаю! — воскликнул, любуясь.

Долго-долго стоял,

На колени упал…

И ушел, весь в слезах,

Не торгуясь!

Показной суд

Убийца возмущался приговором.

Рвал на себе засаленный жилет.

Он, защищаясь, рассчитался с вором.

А приговор — на целых восемь лет!

Родня и друг с усмешкою враждебной

Толклись у адвокатского стола.

Обычная история в судебной,

Как говорится, практике была.

Глаза мои скользили по плакатам.

И думал я, не постигая строк:

На сколько самым ловким адвокатам

Удастся сократить тяжелый срок?

На год? На два? На большее едва ли…

И тут, из-за оконного стекла,

Чуть слышно, но настойчиво позвали

На всенощную, в храм, колокола.

И внял я на земном суде впервые,

Что ждет меня небесный Приговор —

Суровый, вечный, ведь сейчас, увы, я —

Своей души убийца, или вор!

«Клюквенники»

Что б мы ни делали подчас,

Но Бог нас ждет, любя.

Не Он наказывает нас.

А — сами мы себя!

Ограбили церковь.

Древние иконы унесли, старинный бронзовый подсвечник, позолоченную церковную утварь из алтаря…

Даже всю мелочь из кружки для пожертвований прихватить не забыли.

Но вот что странно.

Дело глубокой ночью было.

А свидетелей оказалось столько, что уже через час настоятель протоиерей Стефан узнал имена всех троих преступников.

Узнал — и в ужас пришел.

Все они были… друзьями его далекого детства!

Мишка «сухой». Бесшабашный, никогда ничего не боявшийся в жизни. Тогда вихрастый мальчишка, а теперь — высокий, с покатистыми плечами мужчина. Его и прозвали так потому, что он, как говорится, всегда сухим из воды выходил! Раз десять участвовал в кражах и ограблениях и, словно чудом, избегал тюремного срока.

Алик-колесо. Не только потому, что маленький, круглый. Но главное — что автомобилист, каких мало. С закрытыми глазами любую машину на предельной скорости везде проведет!

И еще — Серега-поганка. С малых лет худющий, бледный, сразу видно — болезненный. Поэтому так его не из-за сходства с ядовитым грибом прозвали, а скорое, из жалости.

Кстати, в последнее время из этих троих он радовал отца Стефана больше всех.

Михаила приходилось то и дело предупреждать, что добром его темные дела не кончатся. Сколько веревочке не виться, а конец — виден!

Олега, который пристрастился к спиртному, просить бросить пить и уж во всяком случае не садиться за руль пьяным — пожалеть, если не себя, то хотя бы прохожих!

А Сергей…

Этот два-три месяца как стал приходить в храм.

Не на все пока службы.

И не полностью их отстаивал.

Но с полчаса постоит-постоит и уйдет…

Отец Стефан думал, что болезнь его к Богу привела — в крепком здоровье да полном довольстве о Нем редко кто помнит.

А он, оказывается, вон зачем появлялся — высмотреть, где что лежит…

Ему-то первому и позвонил отец Стефан, узнав о случившемся.

Однако трубку взяла жена.

— Он не может подойти! — сказала она.

— Да я понимаю, — с горечью усмехнулся отец Стефан. — И все же скажите, чтобы он подошел. Это в его же интересах…

— В его интересах, — перебила священника женщина, — чтобы скорая помощь живым довезла его до больницы!

— А что случилось?

— Врачи сказали — сердце. Инфаркт.

— Та-ак, — протянул отец Стефан. — Вот оно — уже началось! С этим, кажется, я не успел…

И с несвойственной ему торопливостью набрал номер Михаила.

Тот ответил ему сразу.

Не стал даже отпираться.

А как всегда нагло заявил:

— Ха, это ты? Надо же, как все у тебя схвачено!

И с нескрываемой наглостью стал говорить, что все ими сделано так шито-крыто, что никому

ничего не удастся доказать! И вообще все это уже далеко-далеко от города. Потому что на машине со скоростью самолета увозится в Москву, которая как огромный кит может проглотить сколько угодно рыбы! >

— Миша! — остановил его отец Стефан. — Я ведь совсем не потому звоню. Иконы с Потиром мы и новые купить можем. Да и эти к нам все равно вернутся. От тех же антикваров или милицией. За вас, дурней, страшно!

— Это еще почему? — не понял Михаил.

— Да потому что вы — клюквенники!

— Кто?! — переспросил Михаил.

И отец Стефан объяснил:

— Так еще в царские времена называли людей, которые совершали кражи в храмах. Грех этот столь велик, что страшно даже представить, какое наказание ждет святотатцев за это. И наши предки, зная это, убивали при поимке таких прямо на крыльце храма. А так как свежая кровь очень похожа на сок клюквы, то и прозвали их в нашем, метком на словцо, народе — «клюквенниками». Я, разумеется, нисколько не одобряю этого, ибо убийство даже если из чувства праведного гнева — все равно убийство. Не смягчает этого даже то, что в этом случае оно даже больше сделано из милосердия! Чтобы такой насильственной смертью хоть немного смягчить их посмертную участь. Возмездие Господне!

— Врешь ты все! — возмутился Михаил.

— Это еще почему? — опешил священник.

— А потому что ты по телевизору говорил — я сам слышал! — что Господь любит людей!

— Я и теперь это скажу. Больше того, добавлю, что Он — это сама Любовь!

— Тогда откуда же у Него такая жестокость?

— У Него?! — изумился священник. — У нас! Бог любил, любит и будет любить людей. Это мы сами себя не любим.

Больше того — ненавидим! Осуждая друг друга, завидуя, воруя, мстя, развязывая войны… И сами же потом обрекая себя на болезни и тяжкие скорби! Ведь не Господь наказывает нас, а мы — сами себя за содеянное зло! Тем более за такое, что вы удумали сделать… Честно тебе скажу — очень много было случаев, что таких святотатцев ждала за это немедленная, причем, самая жуткая смерть!

— Да ладно меня пугать! Ту же ведь знаешь, что я не боюсь ничего на свете! — вызывающе напомнил священнику вор и бросил трубку.

Оставался один Олег…

Мобильный телефон его был отключен.

А к домашнему не подходили так долго, что отец Стефан уже решил дать отбой.

Но тут вдруг раздался плачущий женский голос.

— Ну что вам еще от меня нужно?

— Простите, — невольно холодея от предчувствия еще одной беды, сказал священник. — Это отец Стефан!

— А-а… — узнал женский голос — ведь когда-то жена Олега была тоже подругой детства! — А я думала, опять из милиции!

— Как это из милиции? — ахнул отец Стефан.

Он ничего не мог понять.

Ведь была ночь, и им пока еще ничего не было сообщено в милицию.

Женский голос зашелся в рыданиях.

Кое-как отец Стефан смог понять, что из милиции жене Михаила только-только сообщили, что ее муж погиб в автокатастрофе. Точнее, сгорел в ней заживо.

Каким-то чудом целыми и невредимыми остались только лежавшие в багажнике иконы и церковные предметы.

Отец Стефан перекрестился, не зная, как и поминать-то теперь погибшего нераскаянным после столь страшного преступления друга детства.

И тут позвонил Михаил.

— Степа, — каким-то чужим, разом изменившимся голосом сказал он. — Серега-поганка умер. Я только узнал это от его жены. Звоню теперь Алику, а тот почему-то молчит.

— А он и не скажет тебе больше никогда ни единого слова! — грустно вздохнул отец Стефан.

— Это еще почему?

— Я же ведь тебе говорил! — напомнил священник.

И рассказал все, что произошло с их другом детства по дороге в Москву.

Не умолчав и о том, что все ворованное, к счастью, цело.

И Михаилу, благодаря этому, грозит не столь большой срок. Здесь — на земле.

А там, навечно — это уже не от судебных властей зависит…

В трубке надолго воцарилось молчание.

И, наконец, Михаил совсем неузнаваемым голосом сказал:

— Степа, или как там теперь тебя — отец Степан?

— Отец Стефан! — поправил священник.

— Все равно — будь другом… Сдай меня! Позвони в милицию, — умоляюще попросил неустрашимый Михаил. — Пусть они приедут за мной! Потому что сам я, чувствую, живым к ним не дойду! И — неужели все это правда?

— Что, правда?

— Ну, то, что ты только сказал — про Вечность?

— Еще как, Миша! Еще как…

— И что же мне теперь делать? Неужели теперь для меня это всё — конец?

— Ну почему? К счастью, Бог сделал все так, что любой конец для уверовавшего и искренне раскаявшегося человека может стать началом. Если, конечно, он сам пожелает этого!

— После всего такого, что разве лишь мертвого не убедит? Желаю! Желаю!!! — закричал Михаил.

— Тогда так, — решил отец Стефан. — Милицию мы вызовем из твоей квартиры. А до этого я сейчас не медля приеду, и в таинстве исповеди ты покаешься Богу в том, что наделал!

И, облегченно вздохнув — хоть этому удалось помочь — добавил:

— Это — единственное, что я могу для тебя сделать…

* * *

«Если любите Меня; соблюдите Мои заповеди».

(Ин.14:15)

О, как же любит меня Бог!

За все, что сделал я,

Давным-давно бы уже мог

Он погубить меня.

Но вместо этого рассвет

Встает передо мной,

Кипит в саду весенний свет

Красою неземной!

Иду по множеству дорог,

Грешу, потом скорблю…

О, как же любит меня Бог!

А я Его — люблю?..

Неоцененное

Земля для нас, увы, — тюрьма.

И жизнь земная — наказанье.

Но за окном не тьма — зима,

Она — алмазное сиянье!

Тяжка пред Господом вина.

За меньшее казнили б люди.

Но за окном — уже весна,

Живая бирюза по сути!

Душа вздыхает о родном.

Земля перед Небесным — это

И впрямь тюрьма. Но за окном

Запело соловьями лето!

За преступленье пред Творцом

Мы справедливо цепи носим.

Они тяжки. Но вот венцом

На солнце вспыхивает осень!

Как много благ в юдоль тюрьмы

Нам дал Создатель Мирозданья!

Но только ценим ли их мы —

Неблагодарные созданья?..

Главное условие

1

Виктор выжимал из своей и без того самой быстрой машины в округе все, на что она была способна.

И все равно ему казалось, что он едет слишком медленно.

А причина для спешки была крайне важна.

Он ехал убивать своего бывшего компаньона и друга.

Познав от кого-то из их ближайшего окружения об этом — ибо все, по окончательному теперь убеждению Виктора, предатели и воры — друг, как никто другой знающий его характер, может сбежать, сменить имя, лицо, страну и навсегда уйти от законной мести.

Поэтому Виктор и гнал машину взагон, нетерпеливо стуча кулаком по рулю и последними словами ругая ее за медлительность.

Собственно, лишать жизни людей: крупных должников, конкурентов или просто неосмотрительно вставших на его пути — было для него не вновь.

Но до этого он только заказывал убийства.

Причем, по цепочке, через нескольких, незнакомых друг с другом, людей.

Чтобы никакое следствие, распутывая клубок убийства, не дошло до его сердцевины.

То есть, до его заказчика.

А тут ехал делать это впервые — сам.

Была у него и вторая причина спешить.

Бывший друг не просто предал его, а сдал — с большим, как оказалось, тщательно собираемым целые годы компроматом, в том числе, и всеми этими убийствами — прокурору, хотя тот совсем не просил об этом.

Зачем?

Конечно же, чтобы самому овладеть всем их бизнесом.

«Дурак же ты, Лешка!» — мотнув головой, простонал Виктор. — Да я бы и так отдал тебе все, или… почти все, попроси ты только об этом!»

Отдал бы легко и спокойно.

Во-первых, так просто — по дружбе.

А, во-вторых, потому что давно уже бесконечно устал от непомерно тяжелого груза больших… нет, огромных, или еще точнее — безумных денег!

Это только со стороны, тем, у кого никогда не было больше миллиона в кармане, кажется, что иметь миллиарды, да не в рублях — долларах — легко и приятно.

Какое там!

Это же ведь не жизнь.

Это — большой бизнес.

Ни тебе сна, ни отдыха.

Сплошная работа, перелеты, переговоры, нечеловеческая концентрация внимания и напряжение сил, потому что за каждой подписью стоят целые состояния.

Наконец, постоянное ожидание, что тебе всадят пулю в затылок.

О страхе за жену и детей нечего и говорить.

Даже сейчас, когда уже несколько лет в разводе.

И так день за днем, ночь за ночью — месяцы, годы…

«Эх, Лешка, Лешка! Точно говорю: оставил бы себе только, сколько нужно на безбедную старость, это же ничтожная часть от всего — и уехал».

Так нет же, предал, продал, и еще милицию на него навел.

Поэтому, как он ехал сейчас расправляться со своим личным преступником, так и за ним вполне уже могла гнаться государственная погоня.

И он опять-таки мог не успеть привести в исполнение свой приговор…

Кожаная сумочка с двумя заряженными — второй на случай, если один из них вдруг откажет — пистолетами лежала, дожидаясь своего часа, на соседнем сиденье.

Тяжело, неспокойно было на душе то и дело поглядывавшего на нее Виктора.

Это постоянно гнетущее — такое, что никакими словами выразить невозможно, чувство, справедливости ради, родилось в нем задолго до того, как он узнал о предательстве друга.

Оно заставляло всё, и без того редкое свободное время заполнять различными развлечениями, от которых его уже тошнило, и тогда он начинать выискивать все новые и новые, чтобы забыться и избавиться от него.

Хоть на миг.

Иногда это удавалось.

Но потом вспыхивало с еще более яростной силой.

И в конце концов стало почти невыносимым.

«Может, убью этого негодяя, так хоть тогда станет полегче?» — подумалось вдруг ему.

И он еще сильнее, хотя давно уже было некуда, давил на педаль газа.

В конце концов, машина, словно загнанная лошадь, остановилась.

И встала, как вкопанная.

Сделав несколько бесполезных попыток стронуть ее с места, Виктор огляделся и только тут увидел, что находится в небольшом поселке, прямо у ворот стоявшей в строительных лесах церкви.

«Так, — по привычке мгновенно принялся соображать он. — У здешнего священника наверняка есть машина, а стало быть, и гараж с ямой и инструментом. Хотя нет… — торопливо подсказала верная мысль. — Мою можно теперь оживить только в автосервисе. Я лучше вот что… Я — куплю у него его машину. Ну, конечно! Какая бы она ни была! Ведь ехать всего ничего осталось, каких-нибудь полчаса даже на битом «Жигуленке».

И потом, милиция, если следует по пятам, тогда меня не найдет. Решено! Предложу ему в пять, десять, сто раз больше, чем она стоит, вместе с гаражом и воротами.

И, таким образом, одним выстрелом убью сразу двух зайцев!»

2

Сразу повеселев, Виктор сунул под мышку тяжелую сумочку и решительно шагнул в открытую калитку.

Священника он нашел в глубине двора.

Коловшим на зиму вместе с бородатыми мужчинами — две старушки сносили их в большую поленницу — дрова.

Это был совсем седой и усталый батюшка.

В старом, как и он сам, заплатанном подряснике.

Узнав, в чем дело, он почему-то без удивления посмотрел на Виктора, бегло взглянул на дорогу и неопределенно пожал плечами, словно думая вслух:

— Машина у меня, действительно, есть. Да вот беда, далеко не чета вашей. Пожалуй, что она вся одного ее колеса не стоит. И просто безбожно брать за нее такие деньги. А с другой стороны… для восстановления храма — видите, в каком он состоянии — они нам сейчас, ой, как нужны!..

— А мы тогда сделаем вот что, — тут же нашелся Виктор. — Я куплю у вас машину ровно за столько, сколько она стоит, а остальные деньги будем считать жертвой на ваш храм!

— Хорошее дело! — одобрил священник.

Но с окончательным ответом почему-то не спешил.

— Скажите, а она у вас хоть на ходу? — начиная терять терпение, принялся поторапливать его Виктор.

— Да! — охотно подтвердил священник. — Она у меня всегда должна быть готова к выезду, как… духовная неотложка.

— И — скоростная?

— Ну… объехать и совершить требы, а их знаете сколько — в одной деревне одного причастить надо, в другой — прособоровать, а в третьей — отпеть, — ее вполне хватает. Километров двести, а то и триста, бывает, наездишь в день!

— Это как раз то, что мне и надо! — обрадовался Виктор. — Деньги, как говорится, вперед!

Он принялся торопливо расстегивать сумку, где лежали пачки с долларами.

Но в спешке открыл не то отделение и на мгновение обнажил пистолеты.

Заметив их, священник нахмурился и сказал:

— А как же оформление документов и все прочее?

— Это потом, потом! — отмахнулся Виктор. — Я только возьму у вас документы и оформлю все сам. Точнее, нам за хорошую, как у вас говорят, мзду, с радостью всё сделают.

— А если вас оштрафуют за езду на пока что чужой машине?

— Не оштрафуют, как-нибудь откуплюсь! К тому же мне тут совсем недалеко ехать… Ну, так что, по рукам?

Священник бегло, но словно изучающе, взглянул на Виктора, о чем-то подумал и отрицательно покачал головой:

— Я лично не против, но вся беда, что здесь явный непорядок и мне нужно сначала испросить разрешение.

— У кого?! — недовольно поморщился Виктор, полагая, что священник начнет сейчас обзванивать начальство, дело в итоге может дойти до милиции и тогда тут такое начнется…

Но батюшка, как о само собой разумеющемся, ответил:

— У Бога. То есть, мне нужно помолиться.

— А, ну, это еще куда ни шло! — с облегчением выдохнул Виктор. — Только быстрее, быстрее, а то я очень спешу!

— А это уж как получится!

Священник знаком велел мужчинам продолжать работу, а сам, достав из кармана огромную связку ключей, сказал:

— К тому же, мне все равно нужно было бы заходить в храм. Документы-то на машину у меня ведь в сейфе, что в алтаре, лежат. А может, мы вместе пройдем, а? — неожиданно предложил он. — Только вот сумочку здесь свою оставьте… Не бойтесь, тут ее никто не тронет! — успокоил он и с сожалением посмотрел на Виктора. — Пойдемте-пойдемте! Вы ведь, как вижу, в Божьем храме давно уже не были?

— А я и сам не знаю. Наверное, с детства, — беззаботно пожал плечами тот и усмехнулся: — Если, конечно, меня в него водили. Хотя… погодите… ну, да — вертится что-то в памяти… Множество обнимающихся друг с другом людей, яркий свет, везде — свечи, свечи… иконы… какого я больше не слышал нигде — пение. Священник весь в красном. Его громкий возглас — «Христос Воскресе!» И в ответ дружное: «Воистину Воскресе!» Какая-то общая радость. Звон кадила… клубы дыма.

— Ладана, — поправил священник.

— Ну да. И еще — его запах! Надо же, вспомнил! Значит, и правда был! — с удивлением покачал головой Виктор. — Ну да, точно! Мне еще покойная мама маленький такой крестик показывала. Я его потом, конечно же, потерял… Говорила — это твой, крестильный. И предупреждала: ты только папе ничего не скажи! Отец ведь у меня большим партийным начальником был, — пояснил он и неожиданно для самого себя согласился: — Тогда, пожалуй, и правда, коль, оказывается, я крещенный, есть смысл ненадолго зайти в храм. Как говорил Дюма, тридцать лет спустя! Заодно, и вас потороплю! •

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого поторапливать будет! — чуть слышно усмехнулся в седую бороду священник и — впереди Виктора — направился по дорожке к храму.

В гулком храме на этот раз не было ни одного человека.

Никто не пел.

Но были иконы.

Священник, хоть и не в красном.

И тоже, как тогда, пахло ладаном.

— Сегодня отпевали одного очень хорошего человека, — объяснил батюшка.

Виктор из вежливости рассеянно кивнул ему.

Закончив осматриваться вокруг, он стал внимательно прислушиваться к себе.

— Всю жизнь прожил для других, а как только открылась правда о вере — для Бога и ближних, — продолжал священник.

Но Виктор по-прежнему не слушал его, прислушиваясь к своим ощущениям.

Втайне он надеялся, что то гнетущее чувство беспокойной тяжести здесь хоть ненадолго отпустит.

Но оно наоборот — только еще больше усилилось.

«Вот тебе и храм! — с горечью усмехнулся он. — А говорят, что сюда ходят, чтобы получить благодать и духовную радость…»

— Причем, ближние для него были все — даже те, кто обижал его и кого он видел впервые в жизни, — закончил, наконец, священник и как-то по-особенному, словно пронзая насквозь взглядом, посмотрел на Виктора.

Зашел, перекрестившись, в алтарь.

И тут…

Мысли Виктора вдруг превратились в сплошной клубок. Словно летящий со снежной горы, он обрастал все новыми воспоминаниями: первые, полученные в наследство от отца миллионы — тогда еще рублей, которые он, как говорят по телевизору, различными криминальными путями умножил втрое… затем новые, еще более удачные сделки… В итоге всего этого: квартиры, дома, потом и — дворцы на берегу различных морей… личный самолет… яхты… роскошные, с салютами вечеринки, постоянные игры в лучших казино планеты, гулянки, приведшие в конце концов к разводу с женой… и везде эти деньги, деньги, деньги…

И нигде, никак от них не укрыться…

Теперь вот еще предательство единственного верного и лучшего, как он всегда считал, в жизни друга.

Очнулся Виктор от того, что почувствовал, что по щекам у него, щекоча, поползли слезы.

Рядом стоял священник. Без нужных бумаг в руках.

Виктор вопросительно посмотрел на него, и тот, словно выслушав его мысли, ответил:

— Потом! О делах — потом! Или вы еще по-прежнему все спешите?

— Да я и сам ничего не знаю… — неопределенно пожав плечами, сказал первое, что пришло ему в голову, Виктор.

— А раз не знаешь, — неожиданно переходя на «ты», предложил священник, — и не будем торопиться. В кои-то веки ты опять попадешь в храм?

4

Так они стояли минуту или час.

Виктор даже не понял этого.

Он словно потерял ощущение времени.

И хотя по-прежнему на душе было очень тяжело, уходить из храма ему почему-то не хотелось.

И только когда он вспомнил о предателе-друге, то почувствовал, как сами собой сжимаются кулаки и решил напомнить священнику об их цели прихода в храм.

Но тот опередил его.

Мягким, но властным тоном нарушив тишину:

— Ну, а теперь, мил-человек, давай поговорим. Нас, батюшек, хлебом не корми — только дай с человеком по душам побеседовать. Работа у нас такая. Я не буду спрашивать у тебя, кто ты и откуда, хотя вижу, что птица высокого полета… Скажи только, зачем тебе так срочно понадобилась моя машина и куда ты едешь? А главное даже не это — зачем?

Давно отвыкший от того, чтобы чужие называли его на «ты» и тем более задавали такие прямые вопросы, Виктор собрался ответить что-нибудь резкое и даже обидное этому дерзкому, пусть он и старик, к тому же еще и священник, человеку.

Но, наверное, это был какой-то необычный священник.

Потому что вместо этого кулаки его невольно разжались.

Плечи опустились.

И давно отвыкший говорить правду Виктор, чувствуя, что в этом месте и этому человеку нельзя лгать, сам себе удивляясь, как оно есть, сказал:

— Я еду убивать человека, который недостоин жить.

— Стало быть, ты — Бог? — уточнил священник.

— С чего это вдруг? — даже отшатнулся от такого вопроса Виктор.

— Ну как это? Только Бог властен над жизнью каждого человека!

— Ну вы скажете тоже… — впервые лет за двадцать не найдя мгновенного меткого ответа,

только и смог пробормотать Виктор.

Священник неожиданно положил ему на плечо, как сразу почувствовалось, теплую, ласковую — такую он помнил только у мамы — ладонь, пристально посмотрел на него…

И в его глазах Виктор — или это ему почудилось? — вдруг увидел себя, только не высокого, красивого и уверенного, как в жизни… а каким-то маленьким, жалким уродцем…

— Ох, и тяжело же тебе, наверно, живется! Хотя все завидуют и думают, что ты самый счастливый человек на свете. А? — услышал он над самым своим ухом.

И дыхание его пресеклось.

Обрывая пуговицу, он распахнул ворот рубашки.

Священник словно нашел нужную нить в не дававшем ему покоя тяжелом клубке и добрался до самой его сердцевины.

Он больше не мог молчать.

Иначе бы задохнулся.

И начал говорить.

Говорил, говорил…

Все жаловался на других людей, различные мешающие ему жить обстоятельства, ушедшую от него любимую жену, теперь вот и предавшего его друга…

Вспомнив про него, он снова было напрягся.

Но священник, словно опытный поводырь, перевел его на другую дорогу, показывая на иконы и говоря, какие бывают грехи и что бывает с теми, кто, не раскаявшись в них, уходит из жизни.

— К счастью, многие теперь, узнав об этом, успевают! — глядя, очевидно, на то место в храме, где обычно он отпевает усопших, с какой-то особенной радостью в голосе сказал священник.

— Ну что ж, как говорится, рад за них! — сухо сказал Виктор. — А мне — нет прощения!

— Ну почему же? Есть, — уверенно возразил священник. — Причем, это может произойти здесь. Сегодня. Сейчас.

— Да ну? — недоверчиво посмотрел на него Виктор.

— Только для этого необходимо выполнить одно условие.

— Интересно, какое?

— Чтобы ты сам простил всех.

— Всех?..

— Да. И в первую очередь этого твоего обидчика-друга!

— Кого? Дешку?!!

Виктор порывисто высвободил свое плечо из-под ладони священника и с гневом воскликнул:

— Никогда!!! И потом, — усмехаясь, добавил он, — это все равно было бы бесполезно! Я ведь столько наделал в жизни или, как у вас говорят, нагрешил — что Бог никогда не простит меня!

Виктор сделал шаг к двери, только тут сообразив, что за большие деньги может купить машину не обязательно у священника, а у первого же водителя, который встретится на дороге!

— Погоди, — остановил его священник. — Ты и не сможешь понять, как прощает людей Бог до тех пор, пока сам не простишь кого-то! Ну хотя бы одного-единственного человека!

Виктор, снова не понимая ничего, приостановился.

— И почему ты опять все хочешь решить за Бога! — с мягким упреком спросил у него священник. — Ведь ты же всего-навсего человек! К тому же, как я вижу, очень и очень слабый.

Никто, никогда, даже в детстве не называл крепкого, задиристого Виктора, занимавшегося боксом, а потом и каратэ, слабым.

Это потрясло его.

И тут он начал рассказывать о себе.

Причем, говорил такое, в чем не открылся бы адвокату, даже если бы ему грозила смертная казнь.

И вот что странно — только теперь он, словно прозревая, начинал видеть то, что делал и делает, совершенно в ином свете.

— …И если уж совсем честно… — как в горячке бормотал он, — то ничего бы я не отдал Лешке, даже если он валялся у меня в ногах и просил не моей половины, а жалкого подаяния!

Священник, словно понимая, о чем идет речь, молча согласно кивал головой, и Виктор, подбодренный этим, обнажал свою суть все больше и больше:

— Наоборот, это я сам хотел отобрать у него все и завладеть нашим общим бизнесом. Он только опередил меня, очевидно, узнав от кого-то об этом… И тогда не я, а он ехал бы сейчас убивать меня! Так что Лешка, если разобраться, не так уж не прав!

Потрясенный этим открытием Виктор во все глаза уставился на священника, и тот, ласково улыбнувшись, сказал:

— Вот и прости его…

— Да уж и так простил! — махнул рукой Виктор.

И тут ему вдруг почудилось, что в храме — вновь великое множество обнимающихся друг с другом людей… как и тогда, в детстве, необычайно радостно и светло, жарко пылают свечи… звучит громкое и торжественное пение… слышится — только почему-то этого, сельского батюшки возглас «Христос Воскресе», и в ответ тысячеустное: «Воистину воскресе!»

«Что это?..» — не понял Виктор.

Вытер тыльной стороной ладони глаза.

И сразу все стало ясно.

Свеча была только одна.

В храме пусто и гулко.

Причиной всему были единственная, горящая перед аналоем свеча и слезы.

Из-за них и создалась вся эта радужная картина.

Голос же священника на самом деле вопрошал:

— Теперь ты хочешь, чтобы Господь простил и тебя?

И он отвечал:

— Да.

Словно дождавшись этого, священник с облегчением вздохнул.

Попросив Виктора немного подождать его, он совсем не по-старчески быстрым шагом снова сходил в алтарь.

И вскоре вернулся.

И действительно — Виктор даже глазам поначалу не поверил — красной епитрахили и таких же красных поручах.

Держа в руках не документы на машину.

А — Евангелие и Крест.

Священник положил их на аналой.

Знаком руки подозвал к себе Виктора, прочитал несколько, как показалось тому с непривычки, бесконечно длинных молитв.

Затем велев наклонить голову, покрыл ее епитрахилью и строго сказал:

— А теперь кайся!

— Как это? — растерянно подал голос из-под епитрахили Виктор.

И услышал где-то высоко-высоко над собою:

— Повтори, но только не мне, а самому Христу, все то, о чем ты говорил, то есть в чем согрешил и теперь искренне раскаиваешься, желая не повторять всего этого вновь. Только вкратце, самую суть. Например: обманывал, воровал, убивал, блудил…

5

Виктор вышел из храма не меньше, чем через час.

Весь взъерошенный, мокрый.

Священник остался внутри, опять обещав вскоре выйти.

Хотя Виктор больше и не торопил его.

Машина священника теперь ему была не нужна.

Обещанные деньги, и даже больше, пройдя к сумочке, он и без нее передаст храму…

Можно, конечно, было бы съездить к Лешке, но с перепугу тот может его не понять.

Еще и стрельбу откроет…

Ну, а милиция нагонит — тоже не беда.

Быстрей привезет к прокурору. А он ведь живой человек, с которым можно всегда договориться.

Были бы деньги.

А они, к счастью, пока еще есть.

Так что не так все и страшно.

«А впрочем, нет, — зябко передернул плечами Виктор, — страшно!»

После всего, что он сейчас испытал, даже ему, как он всегда считал, бесстрашному — страшно было снова влезать в прежние грехи. Опять возвращаться к прошлому!

Пусть уж все будет, как будет!

И тут он вдруг с небывалым облегчением почувствовал, что вся та тяжесть, которая мучила, не давая ему покоя ни днем ни ночью, больше не давит его.

Она исчезла.

Будто ее не бывало!

На душе стало так легко, как бывает разве что в раннем детстве.

«Господи!..»

Виктор поднял глаза к небу.

Солнце сразу же поймало его взгляд и так защекотало глаза, что он впервые за много-много лет от всей души засмеялся.

И только тут понял, как прощает людей Бог!

* * *

От добра добра не ищут.

Но характер наш таков —

Дай нам сто, мы просим тыщу,

Да еще б и без долгов!

Дали тыщу — снова мало.

Хорошо бы миллион…

Если б сердце понимало

То, что не от Бога он!

* * *

Солнце остывшее.

Облако алое.

Эхо притихшее.

Речка усталая.

Радуги слышится

Песнь семиструнная.

В небе колышется

Звездочка юная.

Жизнь не кончается

Вечером этим —

Мы еще утро

Молитвою встретим!

Часть 8. Единственная надежда (книга для желающих избавиться от курения и наркозависимости)

Тайна рубинового креста (отрывки из книги монаха Варнавы (Санина) «Святая-святым!»)

1

Где-то далеко за углом засигналила машина, и послышался яростный собачий лай. Стас[22] приподнял голову. Лай нарастал. Судя по всему, из глубины улицы, едва ли не от самой церкви, приближалась нагоняемая собаками машина.

И хотя Стас понимал, что здесь, в деревне, не может быть ничего интересного, кроме истрепанной местными дорогами «Нивы» или «Жигуленка-копейки», он оторвался от чтения и с интересом стал ждать. Всё какое-то развлечение среди здешнего однообразия, нарушаемого лишь редкими прохожими да стадом коров, которое утром и под вечер прогонял однорукий дед Капитон.

Лай был уже где-то рядом с колодцем. Наконец, стал слышен подозрительно мягкий звук мотора, и из-за поворота выехал, нет, важно выплыл, блестя тонированными стеклами, шикарный «БМВ».

От неожиданности Стас медленно привстал, роняя с коленей тетрадь. Такую машину и в Москве не часто увидишь, разве что у посольств да крупных банков. А здесь, в деревне… Это было все равно, что поставить белый рояль посреди сарая!

Но самое удивительное было то, что машина остановилась прямо у их дома. А дальше и вовсе… Из «БМВ» выскочил молодцеватый водитель и открыл дверцу… перед его отцом. Правда, мгновением раньше, из машины выскочил и принялся кидать камнями в собак какой-то парень. Но что было до него Стасу? Во все глаза он глядел на отца.

Последним появился невысокий плотный мужчина с прической «под ёжик». Он не был ничем примечателен. Разве что только толстой сумочкой под мышкой, которая выдавала в нем делового человека?..

И, тем не менее, отец с особой почтительностью пригласил его в дом.

Стас проводил их ничего не понимающим взглядом и заметался между открытыми окнами, в надежде узнать, что будет дальше. Наконец, из родительской комнаты послышались голоса.

Стас приподнялся на носки и вытянул шею, чтобы не только слышать, но и видеть происходящее, как вдруг за спиной раздалось торопливое:

— Эй, слышь?

Позади стоял тот самый парень, что отогнал от машины собак. Он был всего на год-два старше Стаса, самое большее, четырнадцать лет, но уже с тяжелой золотой серьгой в ухе, в которой, судя по дорогим кроссовкам и джинсам, сверкал настоящий бриллиант.

— Слышь… — повторил он, косясь на ходившего вокруг машины водителя. — Как там тебя?

Стас назвал свое имя и для солидности — что он еще мог противопоставить такой серьге и одежде — добавил, что только отдыхает в деревне, а вообще-то из Москвы и его отец — кандидат, без пяти минут доктор медицинских наук.

— А я — Ник! — протянул какую-то холодную, безвольную руку парень. — Это хорошо, что ты здесь давно, и что твой отец — доктор. Помоги дозу найти!

— Чего? — не понял Стас.

— Ну, «герик», «герик»! Ты что — русского языка не понимаешь?

— Нет… то есть да! — растерянно забормотал Стас, начиная догадываться, что речь идет о наркотиках. — Ты что?! Я в такие игры с детства не играю! Если тебе надо — в медпункт сходи!

— Был уже… — с досадой отмахнулся Ник. — Меня там отец и застукал. Кстати, как раз и с твоим познакомился…

— Тем более! Как я теперь у своего что-то могу просить?

Ник разом потерял интерес к Стасу, побрел к машине и плюхнулся на заднее сиденье, не закрывая дверцы.

Стас мог теперь без помех подслушивать, но все уже и так было ясно: Ник — наркоман, а Игорь Игоревич, его отец, просит помочь сыну, который будет гостить в соседней деревне у бабушки, под опекой водителя-телохранителя, Саши.

Игорь Игоревич говорил редко и коротко, словно давал телеграмму, где каждое слово стоит немалых денег.

Отец, наоборот, отвечал длинными, мудреными фразами, как, наверное, и положено ученому врачу.

Такой разговор быстро наскучил Стасу. К счастью, в машине запищал мобильный телефон, и водитель бросился с ним к дому:

— Игорь Игоревич, вас — Дуглас из Сан-Франциско!

— Я занят! — раздалось над самой головой Стаса.

— Всё, что только можно было — перепробовали! — с болью в голосе, уже приглушенно продолжал отец Ника. — Немного продержится и опять… А после — снова ломка! Я боюсь, как бы он не сделал что с собой от одного только страха перед ней. Вы, как медик, уж помогите, если что…

— Да-да, чем смогу!

— Вот и договорились. Сколько я вам должен?

— Вообще-то в деревне, на отдыхе я беру, как говорится натурой, точней — натуральными продуктами! — засмеялся отец и посерьезнел: — А в городе, учитывая ученую степень и высшую квалификацию — бывает, что и две-три тысячи за курс лечения…

— Не вопрос! — отрезал Игорь Игоревич и зашелестел газетой, очевидно, заворачивая деньги. — Вот вам три тысячи. Разумеется, долларов. И вот еще — на мелкие расходы.

Отец, ошеломленный тем, что это были не рубли, а доллары, начал отказываться от денег, но Игорь Игоревич с мягкой настойчивостью сказал:

— Берите — мое спокойствие это тоже деньги и поверьте, немалые! Если бы вы знали, сколько я потратил на это — и всё без толку. Ничто, никто, нигде не помогло!

Кляня наркотики, Игорь Игоревич говорил, что наука вот-вот изобретет скоро эффективное средство, надеялся на новое лекарство в Америке, куда вылетает на днях по делам… Теперь он не скупился на слова, так что получалась уже не телеграмма, а целое письмо. Отец же, словно поменявшись с ним ролями, отвечал скупо и односложно. Он словно не верил, что желание Игоря Игоревича может осуществиться в ближайшем будущем, и, наконец, сказал:

— На сегодняшний день я знаю только одно надежное средство борьбы с наркозависимостью.

— Какое? — вскричал Игорь Игоревич и, судя по быстрым шагам, вплотную подошел к отцу: — Вы можете достать его? Если действительно поможет — плачу миллион! Десять! Сто миллионов! Долларов, разумеется! Наличными!

Стас заглянул в окно и увидел, что Игорь Игоревич умоляюще смотрит на отца, а тот отрицательно качает головой:

— Увы! Единственное средство от наркотиков — не пробовать их вообще!

После этого наступило молчание. Такое долгое, что Стас устал ждать, да и — что нового могли сказать их с Ником отцы? — направился к машине. Обошел её, разглядывая со всех сторон…

— Нравится? — поигрывая брелком с ключами, с усмешкой спросил у него водитель.

— Еще бы!

— Это что, видел бы ты лимузин Игоря Игоревича!

— А Дуглас — кто?

— Чужие разговоры подслушиваешь? — притворно нахмурился водитель, но, видно ему тоже было скучно, доверительно шепнул: — Это — директор одного оч-чень крупного банка в Америке.

— А… кто же тогда он?! — ахнул Стас.

— Кто? — переспросил водитель, точно не понимая, о ком идет речь.

— Ну, этот, ваш… сам… Игорь Игоревич! Тоже директор банка?

— Ха! — презрительно усмехнулся водитель. — Бери выше!

— Депутат?

— Само собой! Выше бери!

— Тогда… генерал?..

— Еще выше!

— Министр?!

— Выше, выше!

— Но ведь у нас президент… — начал, было, Стас и услышал:

— Да что президент по сравнению с моим шефом!

— Как что? У него — власть!

— Ну и что?

— А я слыхал, — выпалил Стас, пользуясь случаем, чтобы узнать еще одно мнение о смысле жизни. — Что самое главное в жизни — это власть и… еще жить в свое удовольствие!

— Верно, — кивнул водитель. — Но только с пустым кошельком к власти не ходят. И за удовольствия тоже надо платить. Значит, что главное в жизни?

— Деньги?.. — воскликнул Стас, потрясенный таким простым открытием[23].

— Да, но только большие, оч-чень большие деньги!

— И… как же их заработать?

— О, а это уже коммерческая тайна! — водитель посмотрел на разочарованно вытянутое лицо Стаса и поманил его к себе пальцем: — Ладно, так уж и быть… У меня к тебе, как это принято говорить в мире бизнеса, деловое предложение. Я скажу, а ты займи чем-нибудь Ника, пока я отлучусь на минутку. И вообще — подружился бы ты с ним… Это только кажется, что у него есть всё. А на самом деле — никого и ничего!

— Ладно! Хорошо! — охотно согласился Стас.

— И еще… если заметишь, что кто-нибудь из местных начнет наезжать на Ника, или он сам на кого, сообщи мне! А уж я… — водитель поиграл буграми мышц и похлопал по чему-то твердому, под своей курткой.

— Это что — газовый пистолет? — с уважением уточнил Стас.

— Ха! — презрительно хмыкнул водитель.

— Настоящий?!

— Выше, выше бери!

— Неужели, автомат?

— Еще выше!

— Ну, не гранатомет же?

— Конечно, нет! Но… на десяток-другой нападающих хватит! Ну, так как — договорились?

— Да! Да!! — радостно закивал Стас, готовый пообещать в эту минуту все, что угодно, и впился глазами в водителя.

— Значит, так! — с важным видом поднял тот указательный палец: — Тут самое главное — первоначальный капитал.

— А потом?

— А потом умножай его в пять, десять, сто, тысячу раз! Игорь Игоревич вон — с пяти долларов начал, а чего добился? Теперь для него и пять миллионов не деньги! Понял? Удачи!

Охранник похлопал Стаса по плечу и направился к темневшему в углу двора туалету-скворешнику.

Честно выполняя свою часть договора, Стас подошел к Нику.

— Ты это… — начал он. — Ты не скучай. Здесь не так уж и плохо!

Ник не ответил, и Стас, пожав плечами, продолжил:

— Мы с другом в грядке даже серебряный рубль нашли! А в котловане — морского окуня с вуалехвостом поймали!

Стас засмеялся, всем видом предлагая посмеяться и Нику, но тот посмотрел на него такими

пустыми глазами, что он содрогнулся.

— Хочешь анекдот? — вдруг спросил Ник, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — «Ты кто?» — «Я — смерть твоя!» — «Ну и что?» — «Ну и всё…» Нравится? Сам придумал!

— Может, ты с нами в футбол поиграешь? — видя, что Ника, и правда, уже ничто не может заинтересовать, теперь безо всякой надежды предложил Стас.

Но Ник неожиданно оживился.

— Ага! Если допинг дадут! — кивнул он и, облизнув губы, умоляюще попросил: — Слушай, не можешь дозу достать, так хоть наводку дай!

— На… водку? — опешил Стас. — Ты что, еще и пьешь?!

— Ну, нет, всё!.. Я больше тут не могу!

Ник выскочил из машины и бросился бежать в сторону медпункта. Стас растерянно завертел головой. К счастью, охранник уже шел по двору к калитке…

— А ну стой! — закричал он, кидаясь вдогонку.

В этот момент на крыльцо вышел и отец с Игорем Игоревичем.

— А ваш Ник сбежал! — сообщил ему Стас, во все глаза глядя на человека, который добился того, о чем только можно мечтать в жизни.

Игорь Игоревич в ответ лишь усмехнулся:

— Далеко не убежит. Мой Саша — олимпийский чемпион по чему-то там, в легкой атлетике!

Он огляделся вокруг и вздохнул:

— Хорошо здесь! Родиной пахнет!.. Даже уезжать не хочется… Лес, речка, поля! Купить это всё, что ли? До самого горизонта, а? Да разве с собой увезешь…

Стас недоверчиво покосился на него и вдруг понял, что Игорь Игоревич сказал это не для красного словца. Он даже хотел подойти к нему, но не успел. Из-за угла показался водитель, ведущий поникшего Ника. А потом они сразу сели в машину и уехали.

2

Ник сидел в медпункте рядом с лежащим на постели отцом Тихоном и думал о Стасе.

Он лихорадочно прикидывал, успел уже тот выпросить у отца димедрол или еще нет.

Всего через стену от него был процедурный кабинет, где этого лекарства было более чем достаточно, да и не только его, но и кое-чего покрепче, чего он жаждал сейчас больше всего на свете.

Но крепкие решетки на окне и огромный замок на двери лишали его всяких надежд.

Была, правда, одна идея — но настолько безумная, что Ник боялся даже думать о ней. И он ерзал на табуретке, не зная, куда себя деть. И к Стасу было уже пора… и эта комната

притягивала его, словно магнит…

Из далекой Америки или Англии ему позвонил по мобильному телефону отец. Ник ответил, но долгого разговора не получилось. Игорь Игоревич сразу понял, что у сына ломка, и быстро прекратил разговор.

Отец Тихон, искоса поглядывая на парня, что-то ловко вырезал ножичком из небольшого кусочка дерева. Наконец, он закончил работу и положил на тумбочку, где стояла прислоненная к стакану с букетом ромашек картонная иконка — аккуратный маленький крестик…

— Не могу без дела сидеть! — пожаловался он, пряча нож в ящик тумбочки, в котором, как успел заметить Ник, лежало еще несколько заготовок. — Нравится?

— Ничего! — пожал плечами Ник.

— Хочешь, подарю?

— Зачем? Надо будет — мне отец золотой купит! А то, как и у вас, в рубинах!

Ник кивнул на крест отца Тихона и осторожно спросил:

— А вам сейчас больно?

— Сейчас нет.

— А вообще — бывает?

— Если честно, то да!

— И обезболивающее вам дают?

— Да не без этого.

— А… успокаивающее?

— Тоже несколько раз предлагали!

— Сильное?

— Куда уж сильней — почти наркотик!

— А… вы?

— Отказался! — улыбнулся отец Тихон.

— Почему?! — во все глаза уставился на него Ник.

— Боюсь привыкнуть!

— А вы не отказывайтесь!

И тут Ник, путаясь в словах, стал говорить о том, на что все это время надеялся без всяких шансов на успех:

— Вы попросите, вам дадут! А вы — мне! Я… сейчас же съезжу за фельдшерицей, она приедет, и… Ну, что вам стоит? Мне плохо… очень… понимаете? Я больше так не могу! Я этого не выдержу!! Да что вы можете понимать?! А-а-а… — обреченно махнул он рукой, направился к двери и вдруг услышал за спиной:

— Постой!

Ник, не оборачиваясь, взялся за ручку двери.

— Стой, тебе говорят! — уже громче повторил отец Тихон. Ник оглянулся и услышал то, чего меньше всего мог ожидать: — Хорошо, я согласен.

— Вы? — веря и не веря, бросился он к отцу Тихону. — Согласны?!

— Да. Но — только при одном условии.

— Да я все, что угодно! — забормотал Ник, доставая трясущимися руками доллары. — Вот!., вот!., берите…

— Нет, деньги оставь себе! — остановил его отец Тихон. — Я просто хочу помочь тебе…

— Тогда я поехал? — снова рванулся к двери Ник.

— Куда? Ты забыл про условие! — напомнил отец Тихон.

— Нет! Почему? Я помню! И… что же я должен делать?

— Ты должен дать мне слово…

— Что это в последний раз? — перебил отца Тихона Ник. — Конечно, дам! — Он поймал на себе пристальный взгляд священника и опустил голову: — Но вы же сами понимаете, что я не сдержу его…

— Ты дашь слово, — словно не слыша его, повторил отец Тихон, — что просто побудешь здесь полчаса.

— И все?!

— Нет. И по-честному откажешься от своей просьбы, если тебе станет легче.

— А если не станет?

— Тогда я сам поеду с тобой к фельдшеру и попрошу сделать тебе укол. Ты прав, она мне не откажет!

— Ага, я все понял! — нахмурился Ник, и уголки его губ задергались. — Вы думаете, что я успокоюсь за это время? Но это же ломка! Как вы не понимаете? Она не пройдет, пока не принять дозы!..

— Пройдет, — тихо, но твердо сказал отец Тихон. — И прошу тебя потерпеть всего полчаса.

— Ане обманете?

— Ну, чем мне тебе доказать… — покачал головой отец Тихон и вдруг улыбнулся: — А хочешь,

я тебе свою тайну открою?

— Тайну? — распахнул глаза Ник.

— Да, почему я приехал в Покровскую? А ты, если я не сдержу своего слова, вправе будешь рассказать ее всем!

— Да не надо мне вашей тайны… — проворчал Ник, сникая под открытым взглядом отца Тихона.

— И, тем не менее, я расскажу. У нас ведь целых полчаса. Но только ты сделаешь все, что я попрошу!

— Ну, хорошо!

Ник взглянул на свой мобильный телефон, засекая время, и послушно опустился на табуретку.

— И что я же должен делать?

— Перво-наперво надеть на себя крест!

3

Отец Тихон достал из сумки бутылочку, на которой было написано «Святая вода», намочил в ней бахрому своих четок и покропил деревянный крестик.

Затем стал вдевать в небольшое отверстие шнурок.

— А приехал я в Покровку потому, — говорил он, проделывая все это, — что много-много лет назад сделал здесь одно очень плохое дело.

— Вы? — не поверил Ник.

— Видишь за окном храм?

— Ну, да!

— Купол без креста? Так вот это я, когда был таким, как ты, снял его с церкви!

— Вы?!

— Ну, не сам, конечно, но прикрепил к нему трос, чтобы можно было стянуть его трактором. И вот теперь я здесь, чтобы исправить ту давнюю ошибку, свой тягчайший грех перед Богом.

— Но ведь вы тогда не знали, что это плохо.

— Да, сам не ведал, что творил. Но даже в земных делах, как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности перед законом. А уж в небесных…

Не договорив, отец Тихон завязал кончики шнурка в крепкий узел и сам надел крестик на шею то и дело поглядывавшего на часы Ника.

— Так-то оно лучше будет… — полюбовавшись на свою работу, одобрил он. — А теперь…

Отец Тихон достал на этот раз маленький флакончик и кончиком свечи крестообразно помазал

маслом лоб Ника.

Все это было столь необычно, и масло пахло так притягивающе вкусно, что Ник не удержался от вопроса:

— Что это? Зачем?

— Это — масло из лампадки перед чудотворной иконой, — ответил отец Тихон, показывая глазами на образок на тумбочке.

— Такой маленькой? — удивился Ник.

— Нет, это типографская копия с нее. А сама икона — очень большая. Ее писали монахи на Афоне, и она славится тем, что перед ней исцелилось множество людей. Даже болевших раком в последней степени! И не только раком…

Отец Тихон говорил Нику, а сам неотрывно смотрел на икону:

— Я знаю женщину, которая молилась перед ней, чтобы ее сын избавился от наркомании.

— А он как — травкой баловался, или сидел на игле? — тоном знатока уточнил Ник.

— Колол себе что-то, причем самое сильное, — поморщился отец Тихон. — И, как ты говоришь, уже ничто не могло помочь ему… Так вот, она помолилась. Принесла домой вот такой же образок, и… — отец Тихон замолчал и прижал руку к левой половине груди.

— И… — заторопил его Ник. — Что дальше?

— А дальше случилось чудо, — через силу улыбнулся отец Тихон. — Наутро ее сын сам попросил отвести его к наркологу…

— Толку-то! — хмыкнул Ник.

— Ты слушай! — посоветовал ему отец Тихон. — Мать повела его в тот же день в клинику, там сделали анализ крови, и — в ней не оказалось даже следа наркотиков.

— Не может быть! — не поверил Ник.

— Почему? — удивился отец Тихон. — Тому есть многие доказательства: протоколы его прежних допросов в милиции, медицинская карточка у нарколога с заключением, что он совершенно здоров, справка с анализом крови. Женщина до сих пор хранит ее, как святыню. А главное свидетельство — ее сын. С тех пор он забыл, что такое наркотики. Если хочешь, я даже могу тебя познакомить с ним!

— Этого не может быть… — глядя во все глаза на иконку, повторил Ник.

— Как видишь, может. И это ответ на твой второй вопрос — зачем я помазал тебя маслом.

— И… вы… думаете, мне тоже… может… помочь? — замирая на каждом слове, спросил Ник.

— Да, только для этого тебе надо помолиться.

— Но я не умею… это же, наверное, молитвы надо знать?

— Конечно, и не одну, которые ты выучишь в свое время. А пока с тебя достаточно и одной. Научить?

— Я все равно не запомню…

— Запомнишь, она всего из двух слов: «Господи, помилуй». Ато и вовсе из одного — «Господи!» Но только сказать ее надо с верой и от всего сердца. Молитва — это ведь разговор человека с Богом. И ты должен попросить Его помочь тебе.

— И Он — поможет?

— Конечно!

— Но это — невозможно! — словно спохватившись, возразил Ник.

— Правильно, — согласился отец Тихон и тут же уточнил: — Самому человеку невозможно. Но Бог сказал: невозможное человеку — возможно Богу! И еще Он сказал: по вере вашей дано будет.

— Тогда… я… попробую? — робко спросил Ник, и, не дожидаясь ответа, трудно, словно первое слово в жизни, как больной после тяжелой операции, выдавил из себя: — Господи…

Сказал, и все остальные слова будто застряли у него в горле. Слезы стали душить его, сами собой литься из глаз…

— Вы думаете, я хочу? — простонал он, закатывая рукав рубашки и показывая следы уколов на вене. — Я просто не могу!

— Бедный ты, бедный! — подойдя, обнял его отец Тихон.

И тут уже Ник, не сдерживая себя, заплакал навзрыд, давясь бессвязными словами:

— Да! Бедный… все считают меня счастливым, потому что у моего отца много денег… знакомятся, дружат со мной из-за этого… завидуют мне… а я — самый несчастный человек на свете… и только вы… один вы поняли это! Вы знаете, о чем мы мечтаем с друзьями, когда соберемся и примем дозу? О том, как завяжем! И завязываем! До следующей ломки… А потом — опять всё по-старому! Ищем денег на новую дозу, воруем у своих, грабим чужих… Меня и отец-то сюда привез, чтобы спрятать от следствия. Цепочку я золотую сорвал с женщины… Так что и у меня есть своя тайна…

— Ничего, как-нибудь обойдется! Всё хорошо… всё хорошо будет! — слушая Ника, то и дело повторял отец Тихон.

Наконец, он отпустил его и спросил:

— Ну, как?

— Что как?

— Отпустило? Полчаса прошло!

— Да… — машинально кивнул Ник, прислушался к самому себе и, боясь даже дышать, зашептал: — Легче! Честное слово, легче!! Нет, правда, ей-Богу!

Он вскочил с табуретки и сам стал обнимать отца Тихона:

— Отпустило! Без ломки переломался!

— Что, надо теперь к фельдшеру ехать?

— Нет! Нет! Я же ведь слово дал!! Нет!!!

— Вот видишь! — улыбнулся отец Тихон. — И дальше всё хорошо будет. Я буду молиться, чтобы Господь укрепил тебя и отвел все соблазны на твоем пути и тех, кто сеет эти соблазны. Ты только сам теперь не сглупи. Ходи, дыши, радуйся жизни! Уклоняйся на первых порах от прежних друзей, ненужных разговоров, неприятностей, которые могут спровоцировать тягу к наркотикам. А потянет на старое — сразу молись! Вот, перед ней! — протянул он иконку Нику.

— А как же вы? — испугался Ник, пряча за спину руки.

— Ничего, — успокоил его отец Тихон. — Как говорил один древний поэт, что ты спрятал, то пропало, что ты отдал — то твое!

— Вам же она самому нужна! — с болью напомнил Ник, от которого не утаилось, как плохо было отцу Тихону.

Но желание, чтобы копия с чудотворного образа была у него, пересилило, и он принял этот бесценный для него подарок.

— А теперь иди. Иди-иди, Никита! — с усталой улыбкой отпустил его отец Тихон. — Приходи завтра с утра к храму. Поработаешь вместе со всеми, отблагодаришь Бога за эту помощь!

— Приду! Конечно, приду!

Ник выскочил из палаты и с запоздалым изумлением — откуда отец Тихон мог знать его полное имя? — сел в машину.

Здесь он вновь прислушался к себе, тихо засмеялся и помчался по деревне…

Всецарица

Это было.

Свидетель — я сам.

Взметнув изумленно брови.

Врач не поверил своим глазам.

Увидев анализ крови.

«Быть не может!

Вчера лишь всего

Была иная картина.

А ныне нет и следа того,

Что губит вашего сына!»

Бледный парень

И тихая мать

Стояли в углу, а он им:

«Я отказываюсь понимать!» —

Заметил тоном ученым.

Врач подозвал обоих к столу:

«Как так могло случиться?»

И сказала, косясь на иглу,

Мать:

«Это — Всецарица!»

«Я, как понял, —

Сказал сын врачу, —

Что дальше — могильная яма,

То закричал: «Мама, жить хочу,

Жить, понимаешь, мама?!»

«И тогда я его повела, —

Это уж мать добавляет, —

В монастырь,

Где икона была,

Которая исцеляет…»

«И наркоман за день исцелен?!

Это же не простуда,

Тут налицо, —

Врач понизил тон, —

Конечно, явное чудо!

Много я видел в жизни чудес.

Но то, что случилось с вами!..» —

Он подержал

Листочек на вес

И молча развел руками.

Мать с парнем шли, не чувствуя ног

От счастья, как говорится.

А врач — про себя шепнуть только смог,

Чтоб не забыть:

«Всецарица!»

Последний довод. SMS-роман

«Валерка! Почему не отвечаешь на все мои звонки? Что, решил сбежать от меня? Не выйдет! Не откликнешься и на мою смс-ку, так и знай, покончу с собой. И заявление в милицию напишу, что это ты во всем виноват!!!»

«Простите, Вы, очевидно, ошиблись номером. Здесь нет и никогда не было никакого Валерки. А кончать с собой не смейте. Это будет непоправимая ошибка!»

«Брось притворяться, придурок!! Скажи лучше честно, что испугался? Скорее звони! Не позвонишь — немедленно выброшусь из окна!!! Учти, я не шучу!»

«Я тоже серьезно. Повторяю, это не Валерий, а совсем другой человек! И, кстати, на каком этаже Вы живете?»

«Гм-мм! Точно — разница номеров в одну цифру. Л кто же это тогда?»

«Ну, допустим, Олег!»

«Да, судя по «Вы», да еще с большой буквы и другим учтивым словечкам, это действительно не Валерка. Но… с какой стати, Вас интересует мой этаж? Второй! В высотном элитном доме самого престижного района Москвы. А что?»

«А то, что если Вы, действительно, решили броситься вниз, то вот Вам самый добрый совет: поднимитесь для этого повыше, лучше всего на самый верх».

«Это еще почему?»

«Чтобы не создавать больших проблем травматологам и своим родителям. Вам-то они в любом случае будут гарантированы, причем, все нынешние, по сравнению с ними, покажутся самым невинным пустяком!»

«И это Вы так отговариваете человека, который находится на грани отчаяния? Так я тогда и вас в заявление добавлю. За… не оказание помощи! Номер-то ваш уже мне известен! Кстати, я только что звонила вам, почему вы мне тоже не ответили?»

«Простите, мне проще общаться перепиской. Последний разя разговаривал по телефону девять… нет — девять с половиной лет назад».

«А я, наоборот, последнюю смс-ку лет десять назад отправила. Когда еще совсем девочкой была. Родители тогда в целях воспитания много денег мне не давали. А вы что, такой экономный? Так давайте я вам с банковской карты на счет перекину. Сколько нужно: тысячу рублей? Сто тысяч? Миллион? Учтите, для меня большой разницы нет!»

«Нет-нет, ничего не надо! У меня безлимитный тариф на смски».

«И у меня безлимитный. Но только на разговоры! Может, все-таки подбросить? А то я вот шучу, а у вас это — по бедности так?»

«Повторяю, ничего не нужно. Отправлю обратно. И вообще у меня все есть!»

«Надо же, первый раз встречаю человека, которому ничего не надо! Вы что, хотите сказать, что вы — олигарх, то есть богаче моих родителей или родителей моих друзей?»

«Да, я не считаю себя бедным. А и, пожалуй, даже буду богаче их!»

«Ну, знаете… Хотите я вам фамилию хотя бы одного из них назову?»

«И он всем доволен?»

«Ну как бы сказать… Жаловался недавно моему отцу. Яхту хочет себе получше. Старая, хотя и без того всем на зависть, уже не устраивает. Новый дворец…»

«А другие?»

«Что другие? Тоже каждому что-то нужно!»

«Вот видите, а мне ничего! В смысле — материального…»

«Как это? Совсем-совсем?!»

«Абсолютно!»

«Ну, знаете… Я была уверена, что меня ничем нельзя уже удивить. А вы — просто поразили!»

«Да есть одна давняя мудрость. Не помню дословно, но смысл ее в том, что самый нищий на свете человек это тот, которому что-то еще нужно. А самый богатый — который доволен всем!»

«А-а… вон вы о чем! Я тоже где-то читала об этом. Но не придала внимания».

«Зря. По-настоящему мудрые мысли — это наши лучшие советчики и друзья!»

«А вы случайно не учитель?»

«Нет, скорее, наоборот!»

«Значит, студент какого-нибудь философского факультета? Только не разочаровывайте меня, пожалуйста, а то я зевать от скуки начну!»

«Нет, в этом мы одного мнения — философию я тоже не признаю. Хоть она и переводится, как «любящая мудрость», но на самом деле всегда была бесконечно далека от истинной мудрости!»

«Как интересно! Давно я не слушала других с таким интересом! Знаете, в вас есть какая-то глубина. И — тайна. Обычно я с первых же минут общения понимаю, с кем имею дело. А тут… Никак не возьму в толк… Кто вы, человек-загадка?»

«Вы же сами только ответили — человек! По крайней мере, стараюсь быть им!»

«А вы мне начинаетесь все больше нравиться! Скажите, а вам какие больше девушки нравятся: черненькие или беленькие?»

«Умненькие!»

«Надо же, и тут ответили не так, как все! И чтобы так сказать, нужно быть самому семи пядей во лбу. Тогда… может Вы ответите на мой главный вопрос?»

«Постараюсь. Если, конечно, смогу. Какой же именно?»

«Вы только не смейтесь! Понимаете, у меня есть всё. Масса богатых и влиятельнейших друзей. Валерка — это так, между прочим, олимпийский чемпион, думала, хоть он настоящий. Есть не только целый гараж подобранных даже под цвет туфель машин, но и собственный самолет. Настоящее, не купленное высшее образование в лучшем университете мира. Возможность роскошно жить в любой стране. И при всем этом… мне — нечем жить! Я все перепробовала!»

«Значит, не все!»

«Что Вы имеете в виду?»

«Для начала ответьте, вы — русская?»

«Да».

«То есть, православная!»

«Ну да, крещена с детства. А при чем тут это?»

«Очень даже при чем! Вот, для начала, когда Вы последний раз были в храме? И носители нательный крестик?»

«Постойте-постойте! Я, кажется, начинаю догадываться… Больше похожее на угрозу напоминание в начале нашего разговора о страшной участи самоубийц… Неприязнь к философии… Уточнение, что вам ничего не нужно именно — материального. То есть, выходит, нужно только духовное. Вы что — священник?!»

«Увы, нет! И, опережая второй Ваш вопрос, добавлю, что, к сожалению, даже не монах. А что Вас, собственно, в этом так ужаснуло?»

«Как это что? Ведь тогда сразу начнется такая проповедь… А я живой человек и хочу быть счастливой сейчас. Слышите. Здесь и сейчас. А не в — неизвестно, будет ли еще она или нет — загробной жизни! Нет, такой разговор меня начинает напрягать, и, пожалуй, пора ставить точку в нашем общении».

«Постойте! Погодите! Еще буквально несколько минут. Я ведь, кажется, знаю единственно верный ответ на так мучающий Вас вопрос».

«Вы в этом уверены?»

«Да».

«Любому другому, как говорится, я бы сразу указала на дверь. Но Вам почему-то не могу. Вам почему-то хочется верить! И я… слушаю Вас!»

«Тогда, давайте договоримся: задав вопрос, не ищите в себе уже готовый ответ. Иначе, зачем тогда его задавать? Чтобы только утвердиться в своем мнении? Это вообще не только Ваша беда, но и болезнь нашего времени. Почти всех нынешних людей. Спросят и,услышав не то что хотели бы услыхать, тут же начинают говорить о своем. Доказывать. Горячиться. Спрашивается: зачем тогда вообще задавать вопрос? А вы, насколько мне помнится, задали его сами!»

«Все, я буду молчать как рыба!»

«Почему? Спорьте! Доказывайте! Если у Вас действительно есть веские доводы и аргументы! Но только прежде этого — терпеливо и, главное, беспристрастно выслушайте хотя бы начало!»

«…»

«СпасиБо!»

«Ой, у Вас первая опечатка!»

«Это не опечатка. Я сделал это намеренно. Правда, не полностью, как в переписке с близкими мне по духу знакомыми. А так, сокращенно, чтобы не изменить Истине и не оттолкнуть Вас. Дело в том, что слово «спасибо» это изобретение неверующих людей. Раньше всегда благодаря кого-то за что-то, говорили: «Спаси Бог», то есть — спаси тебя Господь за то добро, что ты мне сделал. И ответом неизменно было: «Во славу Божию». То есть, наши предки веками, даже тысячелетие сознательно творили добро — во-первых, ради Христа и только после этого — на благо ближним. Потом, когда после 17-го года стали убирать из жизни Бога — и физически, и идеологически, то исказили и это слово. Убрав в конце одну только букву «г». И изменив его до неузнаваемости. Но, простите. Мы несколько отвлеклись».

«Почему? Мне это очень даже интересно. И так необычно… Я нигде, ни в России, ни за границей этого не проходила!»

«И тем не менее. Задан вопрос: как быть, когда все перепробовано, но ничто не насытило и не удовлетворило до конца. Собственно, так оно и должно быть. Душа-то наша создана для Вечности, и она не пустая. В ней есть много места, и она, благодаря этому должна за время земной жизни очиститься от всего греховного, наполниться благодатью Святого Духа и принять в себя самого Бога. И вот, если место в ней не наполняется святостью, то оно начинает забиваться всем, чем угодно».

«Постойте-постойте, я кажется, начинаю догадываться…»

«Да, не зря Вы приобрели навык серьезной учебы. Иное дело, насколько важна она была для вечной жизни. Но, кажется, умеете схватывать на лету».

«Спасибо! Ой, простите, я, кажется, не так написала, но, если Вы меня сумеете убедить до конца, со временем буду писать, как надо!»

«Будем надеяться! Человек тогда, сам не отдавая себе отчет, почему так происходит, пытается чрезмерно, — то есть, забывая о Боге и о том, что в первую очередь следует думать о Главном, — насытить себя самыми различными житейскими делами, работой, семьей, а то часто и совсем не полезными для души развлечениями, такими, как, например, музыка, телевизор с его сериалами, спортом, модой...»

«Мода-то тут при чем? Что в ней плохого?!»

«Сама по себе, если она не вызывает в противоположном поле похотливых чувств, а в обладательнице, скажем, нового платья — тщеславия или гордыни, она не является злом, иными словами — грехом. Как и любой другой предмет. Все зависит от нашего отношения к ней, ненасытности в приобретении все новых и новых вещей, излишней страстной привязанности к этому делу, острой зависти к тем, у кого это есть, а у тебя нет. Но это еще полбеды. Есть и вообще вредные, даже губительные страсти, которыми человек заполняет и не может заполнить — потому что она бездонная! — свою бессмертную душу: пьянка, азартные игры, блуд, гонка за большими деньгами, наркотики... Этот список можно продолжать и продолжать...»

«Да, к сожалению, Вы тут совершенно правы. Все это я испытала на собственном опыте».

«Вот видите! Как говорится, своя рубашка ближе к телу!»

«Да... И Вы почти-почти ответили мне. У меня еще сотня, даже тысяча вопросов, даже такой, как избавиться от наркозависимости! Но... уже за полночь. Я почему-то смертельно устала — нет-нет, не бойтесь, я уже ничего не сделаю с собой. И очень хочу спать... Можно я задам Вам их завтра?»

«Конечно же! Отдыхайте! Кстати, а как Вас зовут?!»

«Ой, простите, я даже не назвала себя, услышав Ваше имя. Светлана».

«Очень приятно! Доброй ночи, Фотиния!»

«Что? Вы, кажется, снова ошиблись! Или... я уже ничего не могу понять! Все словно переворачивается с ног на голову».

«Скорее наоборот — встает, как и положено, с головы на ноги. Светлана по-православному — Фотиния или Фотина, в зависимости от того, в каком месяце Вы родились».

«В январе!»

«Значит, я не ошибся — Фотиния».

«Надо же! А, скажите-ка мне... Хотя, впрочем, мы уже договорились, что я задам Вам свои вопросы завтра. Доброй ночи, Олег!»

«Здравствуйте, девушка! Простите, что я вмешиваюсь в вашу беседу с Олегом. Это ухаживающая за ним сиделка, сестра милосердия — Зоя. Я Вас очень прошу завтра не очень перегружать его. Все дело в том, что он очень болен. Десять лет назад его сбила машина. И с тех пор он прикован к постели. Не может разговаривать. Только немного двигать пальцами. И он переписывается с людьми, несмотря на то, что каждая буква причиняет ему сильнейшую боль. Ежедневно к нему сейчас приходят домой десятки людей. Со своими жалобами на болезни и

жизненные скорби, прося совета и даже просто успокоиться. И хотя Олег гораздо больнее всех их, вместе взятых, он тут же, на приспособленном для него ноутбуке, утешает всех их. Поэтому прошу Вас, не выдавайте меня, но постарайтесь не сильно загружать его!»

«Доброе утро, Олег! Всю эту ночь я не спала. Думала. Размышляла. И, наконец-то окончательно все поняла. А то, в чем еще не совсем разбираюсь, чтобы не отвлекать Вас лишними вопросами — постараюсь узнать в книгах. Сегодня же объе-ду всю Москву, куплю их в храмах и, если будет мало, скачаю из интернета. Разумеется, с наших русских, то есть, православных, сайтов. И тогда уже, более подготовленная, — я умею учиться, поверьте — обращусь к Вам. Совсем чуть-чуть. Ненадолго. Ведь на главный вопрос я совершенно неожиданно получила разом отметший все, в чем я еще сомневалась, ответ. Это уже случилось после нашей беседы. Как — не спрашивайте. Это не моя тайна. А вот свою, так уж и быть, открою. Вчера я действительно хотела покончить с собой. Но, разумеется, не из-за Валерки. А из-за того, что мне нечем стало жить. Конечно, я не собиралась прыгать из окна второго этажа — не такая уж я, как это может поначалу казаться, глупая! А выпив сильнодействующих таблеток. Все время нашего разговора они были у меня в руке. И когда я заметила их, то увидела, что они совсем размокли. От пота — поначалу я так была взволнована и напугана многим, что даже вспотела ладонь. И… от слез, которые потом я вытирала этой, свободной рукой. Так что Вы вчера спасли меня не только для этой жизни, но и, надеюсь, для Вечной. За что Вам большое, нет, просто огромнейшее — спасиБо!»

Последняя капля, или Как Олежка бросил курить

Этот рассказ я включил в данную книгу, несмотря на то, что он касается только курения. Но уж если это помогло бросить курить моему другу — подумалось мне — то почему бы и наркозависимым людям не рассказать об этом?..

Моего давнего друга все почему-то зовут — Олежка.

Несмотря на то, что он служит в храме алтарником, что у него уже немало седины в короткой, аккуратно постриженной бороде.

И вообще — недавно справил пятидесятилетие.

Наверное, называют так, потому что все не просто уважают, а очень любят его: необычайно доброго, мягкого, безотказного человека.

И очень открытого.

И, тем не менее, мало кто знает, что недавно был у него еще один юбилей.

О котором он рассказал мне по секрету.

И который, прости меня, Олежка, я вынужден теперь рассказать всем!

Потому что он касается очень многих, борющихся со своими пагубными привычками людей.

Особенно тех, кто курит.

И среди них, в первую очередь — кто очень хочет, но не может бросить курить…

Итак, пять лет назад (разве это не юбилей?), несколько раз тщетно выкуривавший последнюю в

жизни сигарету и уже через несколько дней бравший новую Олежка отправился в паломническую поездку.

Они давно уже мечтали с женой побывать в Дивеево.

И вот, наконец-то, мечта их осуществилась!

— Олежка, — видя, что супруг рассовывает по карманам теплой кожаной куртки несколько пачек сигарет, простонала его жена. — Ну, ты хоть бы в Дивеево не брал их с собою!

Олежка виновато посмотрел на нее и беспомощно пожал плечами:

— Зачем лицемерить? — спросил он. — Все равно ведь я там не выдержу и, если они кончатся, зайду в магазин. А в Дивеево покупать сигареты как-то стыдно… Нет — лучше уж я возьму их с собой. И там, где-нибудь в сторонке, так, чтобы меня никто не мог видеть, буду потихоньку выкуривать.

— Ох, ну что мне с таким тобой делать! — вздохнула жена. — Давай тогда хоть помолимся батюшке Серафиму, чтобы он помог тебе, и эти твои пачки стали — последними!

— Помолиться, конечно, можно, — как всегда безропотно согласился Олежка.

Хотя по его глазам прекрасно было видно, что в таком запущенном случае уже никакая молитва не поможет.

Тот, кто курил долго и много, вполне может понять это, потому что прекрасно знает, что нет на свете более трудного дела, чем бросить курить.

Они помолились преподобному Серафиму Саровскому, добавив к молитвам о путешествующих из молитвослова своими словами то, о чем говорила жена.

Выйдя из дома на улицу и увидев, что там, кажется, вовсю начинается весна, вернулись, переоделись в более легкую одежду.

Сели в свою повидавшую виды «Ниву».

И отправились в путь. Через полчаса управлявший машиной Олежка до хруста потянулся, привычно потянулся в карман светлой весенней куртки и охнул.

— Что случилось? Опять радикулит? — встревожилась жена. — Может, пока не поздно, вернемся?

— Да нет! — сказал Олежка. — Кажется, я сигареты дома забыл… Ну да, точно: в зимней куртке. И как нарочно, курить так хочется!..

— А может, тебе только кажется, что хочется, а на самом деле уже и не хочется вовсе? — уповая на быстрое чудо, с надеждой спросила жена.

— Ну да, много ты понимаешь! — возразил Олежка и, успокаивая себя, сказал: — Ничего, как только на трассе появится магазин, я их там куплю!

Но не тут-то было!

Ближайший магазин оказался закрытым на переучет.

В следующем тех сигарет, которые курил Олежка (от всех других у него сразу начинался кашель), не оказалось.

Но надеждам жены, что такие чудеса продолжатся до самого Дивеево, где ее супруг — уж это она знала точно! — не осмелится покупать сигареты, так, и не суждено было осуществиться.

Олежка, который терпеть не мог проехать даже лишних сто метров и всегда сокращал дорогу, делая немалый круг, заехал в лежавший в стороне от трассы город и вышел из большого магазина, довольно похлопывая себя по вызывающе оттопыренным карманам.

Увидев недовольное лицо жены, он не стал сразу закуривать сигарету. Проявив небывалое терпение, выехал из города, дождался, пока жена дремотно закроет глаза.

И, как никто другой, зная, что она любит в дороге поспать, выждав еще немного, торопливо достал из пачки сигарету. Небрежно бросив початую пачку в бардачок, он с наслаждением сунул в рот сигарету, машинально опустил руку в правый карман и теперь уже ахнул.

— Что? — быстро спросила у него жена.

— Зажигалка… — с досадой сказал Олежка. — Я ведь ее тоже в кожаной куртке оставил, а в магазине не догадался купить!

Что-что, а с зажигалкой в первом же встречном магазине проблем уже не было. Наученный горьким опытом, Олежка на всякий случай купил еще и спички.

Уверенный, что теперь никто и ничто ему не помешает, он потерял последнее терпение и закурил, даже не дожидаясь, когда жена закроет глаза.

И так курил каждые двадцать-тридцать минут, пока они не доехали до Дивеево.

Точнее, не до самого Дивеево, а до первого источника перед ним.

Здесь они взяли канистру, и пошли к деревянным домикам-купальням.

Олежка зашел в купальню для мужчин.

Его жена — в купальню для женщин.

Холодно, страшно было раздеваться на далеко еще не летнем воздухе, сходить по скользким ступеням и опускаться в темную ледяную воду.

Да не по колени, или по пояс, а полностью — с головой!

И три раза, с молитвой: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Первый раз казалось, что миллионы жгучих иголок впиваются во все тело.

Второй — от них остались уже тысячи.

А после третьего раза вода, по молитвам преподобного Серафима, чудилась почти совсем уже теплой, из которой даже не хотелось выходить.

Но впереди были новые источники, само Дивеево с собором, в котором находились святые мощи преподобного старца, и нужно было торопиться. Что и сделал Олежка.

Зато жена, как она ни спешила — вышла из своей купальни намного позднее его.

Вышла и по вытянутому лицу мужа и куртке, которая почему-то была не на нем, а в его руках, сразу поняла, что у того опять что-то случилось.

— Ну, и что у тебя на этот раз? — спросила она и услышала в ответ унылое:

— Да, понимаешь, куртка, когда я одевался, в воду упала.

— С паспортом и правами?! — испугалась жена, не представляя, как они теперь поедут без документов.

— Да нет! Они у меня в нагрудном кармане пиджака были, — успокоил ее муж и печально вздохнул. — А вот сигареты — как назло, все до одной успели промокнуть…

— Вот видишь! — сразу обрадовалась жена. — Это тебе сам батюшка Серафим помогает и хочет не мытьем, так катаньем помочь тебе бросить курить!

Услышав это, Олежка неожиданно нахмурился.

И на его лице появилась совершенно нехарактерная для него упрямая и — жена даже глазам своим не поверила — какая-то злобная усмешка.

— Ничего! — с вызовом ответил он. — Одна пачка у меня все равно в бардачке осталась! А как она кончится, знай — даже в Дивеево куплю!

К счастью, это было только пустой угрозой.

В Дивеево Олежка курил на удивление редко, старательно прячась от всех и экономя сигареты.

Очевидно, в глубине души сознавал, что все же не осмелится покупать новые в этом святом месте.

Вместе с женой он с благоговением приложился к святым мощам преподобного Серафима.

Наутро они исповедались.

Причастились.

В этот день Олежка, зная, что нельзя осквернять принятые в себя Тело и Кровь Христовы, вообще не выкурил ни одной сигареты.

Но на следующий взялся за старое.

И хотя отходил в сторонку гораздо реже, чем прежде, пачка сигарет становилась все тоньше, тоньше.

И вот в ней осталась последняя сигарета.

Это было, когда они приехали на последний по счету источник. Вышли с единственной оставшейся пустой пятилитровой бутылью.

Снова какое-то злобное состояние овладело Олежкой.

И он дошел до того, что, наполнив бутыль водой, прямо на источнике взял эту сигарету и сунул себе в рот.

— Ты что?! — испугалась жена. — Забыл, где находишься?

— Почему? Помню! — сквозь зубы процедил он и добавил свою, обычно верную, но в этом случае, ложную приговорку: — Зачем лицемерить?

Забросив себе бутыль на плечо, он направился по тропинке на пригорок, где стояла машина.

Одной рукой по-шоферски умело, достал из кармана зажигалку, чиркнул ею, поднес к сигарете, зажигая ее.

И тут…

Тщательно завинченная пробка бутыли вдруг открылась.

Бутыль накренилась.

И вода щедрым потоком полилась на замершего от неожиданности Олежки.

Придя в себя, он резко изогнулся, чтобы защититься от нее.

И тогда самая последняя капля, упав на сигарету, с шипением погасила ее…

Весь мокрый, словно прямо в одежде окунался в источник, Олежка был ошеломлен тем, что произошло, не меньше своей жены.

Вернувшись к источнику, он снова наполнил до краев бутыль.

Несколько раз то открывал, то закрывал крышку, никак не в силах понять, как она могла открыться сама собой.

Поставил бутыль в багажник.

И первые пятьдесят километров дороги ехал молча.

Лишь потом посмотрел в зеркальце на сидящую позади жену и спросил:

— Что это ты такая грустная? Все-таки из Дивеево едешь! Столько лет мечтала туда попасть!

— А какой же мне еще быть? — со вздохом отозвалась она. — Скоро магазин. Ты остановишься, купишь сигареты. И все опять будет по-старому. А я так надеялась, что батюшка Серафим поможет тебе…

Олежка еще километров двадцать молчал.

И вдруг, словно сам удивляясь этому, как-то не очень уверенно сказал:

— А ты знаешь, меня что-то, кажется, вовсе и не тянет курить…

— Хочешь меня успокоить? — печально усмехнулась жена и, увидев быстро приближавшийся продовольственный магазин, обреченно махнула рукой. — Ладно уж, останавливайся, покупай эти свои проклятые сигареты.

— Да нет, — прислушавшись к себе, уже совершенно убежденным тоном сказал Олежка: — Точно не хочу! И покупать их не буду!

— Правда?!!

Его жена, с трудом веря услышанному, всхлипнула и трудно сказала:

— Слава Тебе, Господи! Спасибо тебе, батюшка Серафим!

Услышав это, Олежка неожиданно резко стал разворачивать машину.

— Что это с тобой? Ты куда?! — в испуге закричала жена.

— Как куда? — удивился Олежка. — В Дивеево! Разве же так благодарят за такое?!

И, не любивший делать крюк даже в сто метров, он повернул машину назад и в радостном нетерпении помчался в обратном направлении…

В годину зла…

В годину зла, во дни лишений

Ты должен все перебороть.

Не попускает искушений

Нам выше наших сил Господь.

Оставят все — Он не оставит,

Все предадут — Он не предаст,

Обманут люди — Он наставит,

Все отберут, а Он подаст!

В годину зла, во дни лишений

Себя и душу не сироть.

Среди врагов и искушений

Ты не один, с тобой — Господь!

Часть 9. Записка об упокоении (или лучшая помощь)

Непреложное

Это поле еще приснится

Мне, наверное, в жизни не раз.

Ах, какая на нем пшеница

Перед жатвою радует глаз!

В каждой смерти есть непреложность.

Но вздохну, глядя на каравай:

Ах, какая у нас возможность

Так прожить — чтобы сразу в рай!

Живые свечи

Умерла у одного известного физика — его имя часто можно встретить в авторитетных научных журналах — дочь. Единственное утешение и отрада после смерти любимой жены…

Все его статьи, все изобретения, многими из которых пользуемся мы сейчас, даже не зная, кто их автор, да и сама жизнь — потеряли свой былой интерес.

Всякий дальнейший смысл.

Верил бы в Бога, как стали теперь многие верить, так было бы легче.

Атак…

Как сделанный им когда-то в юности робот, почти механически ходил он в институт, делал там что-то.

Затем возвращался домой, что-то ел и опять делал…

То вытирал пыль с казавшейся ему бесконечно длинной, темной стенки, боясь коснуться семейных фотографий.

Наверное, чтобы не разорвалось от горя и без того стучащее в груди на пределе сердце…

То поливал поникшие, словно осиротевшие вместе с ним цветы.

Так продолжалось до тех пор, пока не зашел он в храм.

Большой такой, с сияющими в лучах заходящего солнца крестами на синих куполах.

Сам, не зная зачем, зашел.

Постоял в нем, глядя на огромные темные иконы старинного письма и силясь хоть что-то понять.

Потоптался у свечного ящика, где продаются иконы поменьше.

Купил — побольше да покрупней — свечей.

Но, стесняясь спросить у молодых парней в подрясниках, где ставят свечи за умерших, — все-таки немолодой, седой человек, к тому же признанный во всем мире ученый, а таких прописных истин не знает, — только вздохнул.

Потоптался.

Да так и вышел со свечами из храма.

Принес их домой.

Поставил на стол большую сервизную тарелку в крупных, с бутонами, розах, на которой жена в дни их рождения с особенной гордостью — хорошо готовить она, если честно, никогда не умела — подавала им с дочкой один и тот же, невероятно вкусный торт.

Подогрев спичкой снизу, прилепил к ней, сколько у него их было, свечи.

Зажег все до единой.

Выключил свет.

И сел перед целой стаей живых огней, подперев кулаками впавшие за последний месяц скулы.

«Зачем жить, если всё когда-нибудь, да кончается. Причем, так страшно… нелепо… глупо… — думал он. — Вон, свечи и те плачут. Восковыми, конечно, слезами…»

Слабо удивившись тому, что он, как говорится, до мозга костей физик неожиданно стал самым настоящим лириком, прикрыл глаза и стал вспоминать жизнь дочки с самого ее рождения.

Слезы потекли теперь и по его щекам.

Он пытался стряхнуть их резкими движениями головы, но они струились уже и по подбородку.

Так прошла минута, а может, и час.

Спроси у него кто — сколько именно, он бы и не знал, что ответить.

Только пришел в себя от ощущения, что чего-то ему не хватает.

И вскоре, даже не открывая глаз, понял чего: света.

А когда открыл их, убедился.

Да, точно: свечи почему-то погасли.

Все до одной.

Неужели, и правда, совсем незаметно прошло столько времени?

«Нет!» — взглянув на окно, убедился, что еще даже вечер не перерос в ночь, он.

И вздохнув, с горечью сделал вытекающий из всех своих предыдущих мыслей вывод:

— Вот, даже свечи и те погасли…

Он снова закрыл глаза и почти тут же невольно открыл их от какого-то странного ощущения внезапно вновь появившегося перед ним света.

«Не может быть!» — прошептал он.

Но факт, как любил он приговаривать во время своего очередного открытия в лаборатории — оставался с фактом.

Свечи — горели…

Все.

До одной!

Как физик, он прекрасно понимал, что этого не может быть.

Ну, хотя бы потому, что такого не может быть никогда!

И тем не менее — свечи горели!

Причем, еще более ярко и даже как-то радостнее, чем прежде.

Припомнив недавний разговор с другим ученым, попытался объяснить он это явление земными мерками. Тот говорил ему, что где-то за рубежом химики изобрели шуточные свечи, которые могут сами собой гаснуть и зажигаться вновь.

Но то — шуточные.

А это же были не какие-то там искусственные, а самые настоящие, судя по цвету и запаху, восковые. Причем, купленные не в предновогодней лавке со всякими шумными петардами и ракетами, а — в православном храме.

И, более того, изготовленные, как ему сказали при их покупке, в одном из строгих монастырей.

Пока он размышлял над всем этим — свечи опять погасли!

Затем, уже прямо на его глазах — снова зажглись.

Словно живые.

Будто подзывая его и силясь о чем-то сказать…

И тут он вдруг понял — о чем!

Уже больше не пытаясь определить причину того, что происходило сейчас перед ним, он только ахнул от совершенно неожиданной мысли:

«Вот и свечи загорелись! Да еще не раз, чтобы мне, тугодуму и маловеру, стало ясно, что таким образом они дают мне понять то, что до сих пор было скрыто от меня — о моей дочке! Ведь точно так же и ее душа, которая, как мне казалось, навсегда погаснув, загорится вновь! Или, как, наверное, правильней будет сказать — воскреснет! И жены! И — моя тоже душа! И я встречусь с ними опять! Причем, навсегда, навечно!»

Потрясенный этим — как он теперь ясно понимал — главным открытием в своей жизни, физик сидел, не отводя глаз от живых свечей.

И думал, думал…

Лицо его было светлым.

Жизнь снова обретала свой смысл.

И больше не отпускала его назад.

Хотя свечи вдруг снова, и на этот раз окончательно, погасли.

Но теперь — устало улыбнулся физик — уже совершенно естественным образом.

Потому что давно уже наступило утро!

Димитриевская суббота

Витязи былинные

Мчатся на рыси.

Целят копья длинные

Во врагов Руси.

И ведут неравную

Сечу за страну,

Веру Православную,

За детей, жену…

Щит пробит с кольчугою, кровь бежит ручьем, —

Помяни их, Господи, во Царствии Своем!

Воины плечистые

У Бородино:

Может, не речистые,

Не хвастливы, но

Будто травы сорные,

Косят там и тут

Армии отборные,

Держат свой редут.

Стон предсмертный слышится: «Братцы, не уйдем!..»

Помяни их, Господи, во Царствии Своем!

Сорок первый… Катится

Новая орда.

Проводы… Сумятица…

Общая беда.

Спят бойцы усталые.

Завтра в бой идти.

До Победы — алые

Реки на пути.

Гул моторов слышится. «Танки! Взвод, подъем!..»

Помяни их, Господи, во Царствии Своем!

Знает только Родина,

Как она трудна,

Каждая, что пройдена —

Пядями — война.

А солдаты, павшие

На Голгофе битв,

Жизнь за нас отдавшие

Наших ждут молитв.

И струится ладана горький дым ручьем…

Помяни их, Господи, во Царствии Своем!

Церковная записка

Была одна из великопостных родительских суббот.

Как всегда, в центр храма был вынесен канун, перед которым стоял большой стол с целой горой приношений: пакеты с мукой, бутылки подсолнечного масла, кульки с карамелью — да всего сразу и не перечесть.

Ярко горели многочисленные свечи.

Мерно позванивало в руках священника кадило.

Более, чем когда-либо, пахло ладаном.

Тихо, торжественно, с налетом какой-то таинственной грусти на клиросе пели.

«Покой, Господи, души раб Твоих…»

Каюсь: не должно отвлекаться во время службы.

Но тут мне вдруг ясно вспомнилось детство.

Родители тогда еще были живы — и даже не верится — намного моложе, чем я теперь…

Слыша время от времени, как священник поминает, доходя до поданной мною записки о упокоении, имена «Георгий» и «Ирина», я зримо видел их лица, явственно слышал голоса…

Вспоминал, как мама ухаживала за мной, когда я болел.

Как, отпрашиваясь с работы, водила меня в ателье заказывать новые брюки.

Денег у нас в семье много никогда не водилось, и она долго-долго выбирала материю — самую красивую, прочную и… недорогую.

Как папа привозил из командировок новые почтовые марки, каждый раз подробно объясняя, что если я их коллекционирую, то должен знать о каждой новой марке все, что только смогу найти о ней в школьной и городской детской библиотеках.

«Тогда это будет не пустым занятием, — приговаривал он. — А — с большой пользой!»

Если бы он только знал, что благодаря этому совету, многие годы спустя, собирая теперь уже дорогие монеты, которым по две тысячи, а то и больше лет, я в сжатые сроки детально изучу историю античности и напишу большие романы и повести о Древней Греции и Древнем Риме…

Но все это будет потом, потом…

А тогда вспоминалось то, что было до этого.

Многое вспоминалось.

Но почему-то самыми яркими были впечатления от общения с родителями во время одного или двух их приездов в пионерский лагерь, где я проводил почти каждое лето.

Теперь это взрослому уму кажется вполне естественным. Привыкший все время жить с родителями ребенок частенько плачет, скучая первое время, и с особенной радостью встречается с ними вновь.

Но тогда-то я этого не понимал.

А просто ждал…

Ах, как же я ждал их тогда!

Вроде, жизнь в лагере была веселой и преисполненной различными играми и развлечениями.

Бывало, так набегаешься, что едва только положишь голову на подушку — то тут же проваливаешься в пропасть без сна.

Так нет — узнав из письма, что родители, наконец, приедут в ближайшее воскресенье, я уже со среды, а то и вторника начинал с нетерпением ждать их.

Причем, чем дальше, тем острей становилось желание как можно быстрее увидеться с ними.

И вот пролетала среда…

Проходил четверг.

Одна другой медленней проползали пятница и суббота.

И вот наступало долгожданное воскресенье!

Я прекрасно знал, что дорога ко мне в лагерь на машине занимает не меньше трех часов.

Поэтому рано ожидать приезда родителей не было никакого смысла.

И, тем не менее, сразу же после завтрака, когда вдруг примолкали звучавшие все воскресенье из динамика-колокола песни, я останавливался, если шел.

Немедленно прекращал игру, если играл.

И, с замиранием сердца, вслушивался.

Но, конечно же, вызывали пока еще не меня:

— Зуева Света, к тебе приехала твоя мама, — раздавался на весь лагерь строгий, как и положено, голос старшей пионервожатой. — Она ожидает тебя на проходной!

— Никонов Вова…

— Валя и Толя Иноземцевы…

Через два-три часа я уже начинал волноваться.

Песни все чаще прерывались новыми объявлениями.

Но вызывали Миш…

Вер…

Андреев…

Наташ…

Всех, кроме меня!

Сомнения начинали овладевать мною.

И постепенно перерастали в самое настоящее отчаяние.

Я уже не шел по засыпанным мелко толченным красным гранитом дорожкам.

Не играл даже в самые любимые игры. (И совсем не потому, что уже почти не с кем было играть).

А просто, изнывая от нетерпения, сидел на террасе ярко раскрашенного деревянного домика, мучительно размышляя.

Может, я что неправильно понял в письме?

«Нет!», — перечитав его, наверное, в десятый раз, слегка успокаивался я.

Знакомо-мягким маминым почерком в нем было указано именно это воскресенье!

А потом волнения вспыхивали с новой силой.

А что если папе не дал машину начальник?

Или она сломалась в дороге?

Но я тут же вспоминал, что мой папа — сам начальник.

И его водитель — лучший шофер в городе!

«А может, они просто забыли, что собирались приехать сегодня?» — вкралась лукавая мысль.

Но я даже замахал на нее руками:

«Нет-нет, все, что угодно, только не это: такого не может быть никогда!!!»

Так проходили растянутые в часы минуты.

И вот.

Наконец.

Когда все надежды, казалось, окончательно были потеряны.

Из динамика раздавалось: .

— Женя Санин, тебя ждут родители у проходной нашего лагеря!

Я даже сразу и не понимал, что это — меня!

Но кто-то из сидевших рядом, тоже в отчаянии ждущий своих родителей, изо всех сил, но почему-то совсем не больно толкал мне локтем в бок и с нескрываемой завистью кричал:

— Ты что это тут расселся? Разве не слышишь — тебя!

И тогда я, ахнув, вскакивал и со всех ног мчался по самой лучшей в эти неповторимые мгновения в мире дороге, ведущей к воротам.

Все дальнейшее всегда проходило словно в счастливом, воздушном сне.

И напоминало праздник, лучше любого дня рождения и всякого Нового года!

Мы обнимались, целовались.

Я заглядывал в туго набитые сумки, живо интересуясь, что папа с мамой привезли мне на этот раз.

Но тут же забывал про сумки и снова тянулся к ним.

Они мне были желаннее и дороже самых вкусных конфет и даже большого пакета с черешней, которой всегда так мало, всего лишь стакан, и то только раз в неделю, давали на полдник в лагере…

Многое, конечно, забылось с тех пор.

Например, что еще привозили мне родители в заветных сумках.

О чем спрашивали.

Что говорили.

Но осталось главное: ни с чем несравнимая радость оттого, что они, наконец, рядом!

И этой радостью я жил до следующего их приезда.

А то и до окончательного возвращения домой.

Как же давно это было…

И почему мне вспомнилось об этом именно в эту поминальную службу?

А потому, что это был тоже родительский день.

Только на этот раз все было наоборот.

Теперь они, мои родители, ждали меня.

Точнее, не меня, а моей церковной записки о их упокоении.

Ибо — это самое большее из всего остального на свете, что мы можем сделать для них, навечно ушедших в иной мир.

Казалось бы, чего проще: взять у свечного ящика небольшой листок, поставить сверху крестик, написать «О упокоении».

И дальше — проставить бесконечно родные, знакомые имена…

Но какой же праздник и радость наступает для них, когда эта записка вносится в алтарь, где, во время совершения проскомидии, каждое имя, вынимая частичку из просфоры, называет священник, а потом, в конце службы, погружает все эти частички в Чашу с Телом и Кровью Христовыми…

Какое великое утешение!..

Вот и ждут они этих родительских суббот или просто того дня, когда мы зайдем в храм и помянем их:

Церковной запиской…

Сорокоустом…

Вечным поминовением…

Ждут, как я когда-то с нетерпением в детстве ждал их.

И даже — еще несравнимо больше!

Разлука

Быстро собравшись в дорогу,

Мама ушла к Богу…

Там — хорошо и покойно.

Так почему же мне

Слез не сдержать невольно

И нестерпимо больно

Видеть ее во сне?..

Знаки — «оттуда»

Когда на все мои доводы в пользу веры очень многие скептически говорят:

«Всё это, конечно, хорошо! Но… только как вам поверить? Ведь оттуда — никто не возвращался!»

Я всегда рассказываю одну и ту же историю.

Которая случилась лично со мной.

В далеком теперь, 1998 году.

В Санкт-Петербурге.

Вот она.

Жил я тогда в двухкомнатной квартире на проспекте Науки, которую снимало для меня у одной проживавшей в другом месте больной женщины, православное издательство «Сатисъ», терпеливо дожидаясь, когда я напишу для них роман «Тайна рубинового креста»[24].

Кроме того, оно выплачивало мне оклад и ежедневно — если я не ленился приезжать к ним через весь город на Васильевский Остров — кормило сытным бесплатным обедом.

А еще время от времени дарило книги, которые только-только были напечатаны в типографии.

Однажды главный редактор вручил мне прекрасно изданную Псалтирь для чтения по усопшим.

И хотя мне полагалось бы как можно чаще раскрывать ее, поминая усопших родителей, сродников, друзей и знакомых, я положил ее в стенку, на верхнюю полку и плотно закрыл стеклянную дверцу.

Потом эту Псалтирь заслонили новые подаренные книги.

Все это было очень доброжелательно и щедро со стороны издательства.

Но главное — это, конечно, квартира!

Большая комната с длинной застекленной мебельной стенкой, двумя роскошными креслами, рабочим столом и диваном изначально была предназначена для рабочего кабинета.

Маленькая с кроватью и тумбочкой — под спальню.

И это было разумно.

По просторному залу можно было свободно ходить, обдумывая очередные эпизоды и проговаривая вслух диалоги.

А в спальне, утомившись после многочасовой литературной работы, без которой невозможна большая книга, естественно, только спать.

Но… работа над романом почему-то не пошла — вместо прозы из-под пера днем и ночью начали выходить одни стихи.

Диван был очень удобен для работы над ними.

И кабинет с первого же дня превратился в… рабочую спальню.

Я ни разу за целый год не ложился на ночь в маленькой комнате.

А тут — сам не знаю почему, однажды в июньскую ночь — почему-то решил лечь именно в ней…

Это было время белых ночей.

Плотных, как в большой комнате, штор в маленькой не было.

Мучаясь с непривычки от света поздним вечером, я долго ворочался, прежде чем, наконец, уснул.

И проснулся от какого-то странного чувства.

В коридоре словно появилось еще одно окно.

Придя в себя, я сообразил, что это — всего-навсего зеркало, которое отражало падающий из ночного окна северный свет.

Будильник на прикроватной тумбочке показывал два часа.

Можно было продолжать спать.

Но мне вдруг почему-то остро захотелось занавесить зеркало.

А впрочем…

Резонно решив, что раз в доме нет покойника, то, стало быть, и занавешивать зеркало нечего, я только повернулся на другой бок, к настоящему окну.

И едва вновь стал засыпать, как опять, так и подскочил на постели: в большой комнате раздался страшный грохот.

Мигом перебежав туда, я встал в боксерскую стойку (было дело, занимался немного этим

видом спорта в юности), в готовности отстаивать квартиру от вломившихся через балкон грабителей.

Только весь вопрос был в том — где они?..

Свет зажигать не было никакой надобности.

Я в напряжении прошел по хорошо освещенной комнате.

Заглянул за открытые шторы.

Внимательно изучил все углы.

И то место за стенкой, где мог спрятаться человек.

Не забыл посмотреть под диван. Никого…

Тогда я прошел на кухню и в ванную комнату — тоже ни души…

«Странно! — недоумевал я. — Откуда же тогда был этот звук? Ведь я точно слышал его!»

Шаг за шагом, и пядь за пядью я принялся изучать большую комнату в поисках того места, где что-то могло случиться с таким грохотом.

И наконец — нашел!

Это был дальний, то есть, самый ближний к окну, отсек мебельной стенки.

Стеклянная дверца в нем была почему-то открыта.

Я заглянул туда и увидел, что почему-то сама собой — на ней было не так уж и много всего, рухнула верхняя полка.

Все книги, поставленные на нее позже, подались вперед, обнажая ту самую Псалтирь, которую подарил мне директор издательства.

Точнее, она просто каким-то образом, словно сама собой, выкатилась перед ними.

Хоть бери, да начинай читать ее по усопшим!

Но вместо этого, успокоившись, хотя и не понимая, почему не выдержала полка, я вернулся в спальню и уснул.

Однако, долго поспать мне опять не удалось.

Рано-рано — если бы не белые ночи, то я бы сказал на рассвете, раздался телефонный звонок.

Никто еще никогда не звонил мне так рано…

— Да? — приготовившись отчитать за эту неуместную шутку кого-нибудь из друзей, сказал я и вдруг услышал прерывающийся плачем незнакомый женский голос:

— Простите… Это звонит близкая подруга хозяйки квартиры, которую вы снимаете…

— Она что, хочет, чтобы я срочно съехал? — не на шутку встревожился я.

— Нет, — ответила женщина. — Дело в том, что этой ночью она… умерла!

— Как умерла? Когда? — невольно оглядываясь и начиная соображать, что к чему, ахнул я.

— Сегодня. Ночью…

— В два часа?

— А вы откуда знаете это? — ахнула женщина. — Мне об этом и то только что сообщили. И я звоню только для того, чтобы вы продиктовали мне номер телефона ее дочери, записанный в блокноте, который лежит сейчас где-то рядом с вами.

— Видите ли… — выполнив просьбу, немного помялся я и — трудно разговаривать с невидимым, тем более плачущим собеседником, да еще о таком невероятном — все-таки рассказал о том, что произошло этой ночью.

Дошел до рухнувшей полки, выползшей из-под книг Псалтири для чтения по усопшим и, зная, что во все это трудно поверить, не слыша и не видя того самому, как можно убедительнее сказал:

— Вы, конечно, не верите мне сейчас, но, честное слово, так все оно и было!

Женщина, не перебивая ни разу, внимательно выслушала.

Всхлипнула еще раз.

И, очевидно взяв себя в руки, уже тихим, ровным голосом спросила:

— Почему это не верю? У меня у самой однажды было нечто очень похожее. Когда во время очередной своей научной экспедиции по тайге умер мой сын, так в то самое мгновение, когда его не стало — я потом сверилась до минуты — в кабинете с книжной полки сама собой упала на пол его самая любимая книга. Огромная такая энциклопедия про птиц и животных…

…Что я еще могу добавить ко всему этому на вопрос о том, что «оттуда» никто не возвращался?

Возвращались.

И не раз.

О чем написано в Евангелии, и чему есть множество — подтвержденных авторитетными очевидцами и медицинскими, вплоть до академических, заключениями — свидетельств в духовных книгах.

Конечно, тут нужно быть очень бдительным и осторожным, чтобы не принять за истинные зерна бесовские плевелы.

Но эти два случая — не отчаянные ли знаки от наших родных и близких, а порой и мало знакомых усопших людей, чтобы мы помолились о них? Помогли в самое трудное время перехода в Вечность.

Знаки — «оттуда»!

* * *

Умирая, он думал: «Конец…»

А как умер, то понял: «Начало!»

И помчался бы в храм, наконец,

Только сердце стучать перестало…

* * *

Вел человек за душу торг:

Богато жил, беспечно…

Но вот последний стон исторг

И обнищал — навечно!

Очевидная невероятность

Вот какая история случилась с иеромонахом *Л.,* когда он был еще иереем на приходе.

И, как мне показалось, ее тоже лучше рассказать, точнее, пересказать, его собственными словами:

«Однажды совершал я проскомидию в алтаре. Рядом справа — была крепкая кирпичная храмовая стена.

Вдруг чувствую, что-то не то.

Вроде, движение какое-то там, где его, ну, никак не могло быть.

Понимаю голову.

Что такое?!

А стены — нет!

И из появившегося из ниоткуда пространства идет ко мне человек и на ходу просит:

— Помяните и меня батюшка… Меня зовут Тимофей, я помогал строить этот храм!

Ничего не понимая, скорее просто машинально, я растерянно вынул за него частицу.

А он поблагодарил, развернулся и… вышел.

Туда, откуда пришел.

Придя в себя, я локтем потрогал стену.

Да нет, вроде бы, крепкая, целая!

Потом была долгая неделя сомнений и раздумий — что это было, не совершил ли я проскомидию за… беса?!

Но вот миновало время.

Наступило следующее воскресенье.

Снова творю проскомидию.

И опять стена исчезает!

На этот раз ко мне идут уже трое: тот самый Тимофей и еще с ним двое незнакомцев.

Которые просят: «Помяни и нас, батюшка, мы тоже строили этот храм».

И без того измученный своими прежними сомнениями, я твердо сказал им, что поминать их не буду.

Не говоря ни слова, они молча развернулись и ушли.

Тоже туда же.

В стену.

Вроде, и делу конец.

Но…

Закончилась служба.

Подходит ко мне регент церковного хора и говорит:

— Батюшка, простите, тут такое дело… Словом — строитель этого храма приснился мне. Он наш дальний родственник. Просит о поминовении.

— И как же его имя? — осторожно спросил я, смутно начиная догадываться, что к чему.

И к немалой радости и облегчению услышал:

— Тимофей!

А дальше — больше!

Отошел регент, подходит другой прихожанин.

И тоже говорит мне уже о своем сне, в котором все тот же Тимофей просит, нет — даже молит его помянуть!

Слава Богу!

Полегчало у меня сразу на душе.

Понял я, что это реальный человек был, а не какое-то там бесовское наваждение.

В который раз подивился милости Божией.

А так же понял, как важно поминать усопших и как они нуждаются в этом. Узнал от старых прихожан имена всех строителей храма и неопустительно стал вынимать за них частицы на

каждой проскомидии...»

Больше такого с отцом Л. уже не случалось.

А через три года он вычитал в записках одного священника, как тот, что ни служба, по несколько часов творил проскомидию — такая большая очередь из умерших стояла у него с просьбой о поминовении. Прихожане, не выдержав, даже пожаловались епископу на, как им казалось, нерадивого иерея. Тот отстранил священника от службы. Так вся толпа умерших явилась епископу и принялась говорить ему: «Что же ты делаешь! Он ведь всех нас поминает!».

И после этого епископ вернул священника обратно.

Друг

Светлой памяти поэта Сергея Копничева

Он говорил, что смерти нет,

И вот уж самого

Не год, не два, а много лет

На свете нет его.

Друг — они после смерти друг,

Сумел подать мне весть,

Когда ушёл из жизни вдруг,

Что смерть на свете — есть!

* * *

Поминаю, понимая,

Как тебе теперь...

Понимаю, поминая,

Верь!

В этой жизни тем, что вечно,

Ты не дорожил.

И, как я сейчас, беспечно

Жил.

А потом, как распахнулось

В майский сад окно.

Вся душа к Нему рванулась,

Но…

Это там все сразу ясно:

Миру жизнь даря,

Суетимся здесь напрасно, —

Зря!

Впрочем, что теперь об этом?

Полночь, сердца крик…

Свечка и согретый светом

Лик…

Поминаю, понимая,

Как мне жить теперь.

Понимаю, поминая, —

Верь!..

Погост

На кладбище: звезда, опять звезда…

И, слава Богу, крест восьмиконечный.

А дальше снова — древний, бессердечный

Знак Молоха — кровавая узда!

Под ним лежит мужчина молодой…

Иду, шурша осенними листами,

С надеждою о тех, кто под крестами,

И ужасом за тех, кто под звездой.

Предрассветное

А над полем — туман.

Ах ты, полюшко!

Жизнь прошла, как обман.

Ох ты, долюшка!

Плачет эхо в ночи.

Откликается.

Сердце больно стучит,

Будто кается.

Жил я, словно во сне.

Да, как молния,

Вдруг о Господе мне

Смерть напомнила.

Спит курган после тризн.

Знает полюшко:

Жизнь без Бога не жизнь —

Только горюшко!

Утешение

Женщина с лицом заплаканным,

Тихим голосом, с тоской,

Повторяет вслед за дьяконом:

«Со святыми упокой!»

Как сказать ей в утешение,

Что усопшие сейчас

Слышат каждое прошение,

И, конечно, видят нас?

За невидимой околицей

Кто в раю, а кто во мгле…

И блажен, о ком помолятся

Со слезами на земле!

За молитвы у Распятия,

После милостынь и слез,

Души умерших в объятия

Принимает Сам Христос!

Особый случай

У рабы Божьей Галины — именно так называла она себя везде и всюду с тех пор, как пришла к вере, а пришла она к ней, когда еще за это можно было и пострадать, — умер отец.

И это ввергло ее в глубокую скорбь.

Первые дни она просто убивалась от горя.

На первый взгляд, это могло показаться странным.

Ведь она была глубоко верующим человеком.

И прекрасно знала, что такое поведение родственников: излишние слезы, рыданья, отчаяние (которое, кстати, является смертным грехом) только усугубляет и без того непростое положение умерших.

Больше того.

Галина возила экскурсии по святым местам. И собственными глазами видела множество чудес.

Поэтому, казалось бы, кому как не ей вести себя и у гроба отца, и после того, как они с матерью вернулись в разом осиротевшую квартиру так, как это положено православному человеку.

Но здесь был особый случай.

Отец Галины, сильный, волевой мужчина, терпеливо переносивший мучительные боли, ушел из жизни в состоянии крайней озлобленности и не захотел даже слышать о Боге.

Как она ни умоляла, как ни просила его, стоя на коленях перед кроватью, с которой безвольно свешивалась рука с крепко сжатым кулаком…

Так он и ушел непреклонным.

Но это было еще полбеды.

Потому что и такого может вымолить у Господа из преисподней или облегчить его посмертную участь Церковь.

Нужно только самой потщиться помочь ему.

Немало сил и стараний приложить к этому.

Подавать на каждой службе церковные записки, заказывать сорокоусты и годичные поминовения во многих монастырях и храмах.

Творить в его память щедрую милостыню.

Делать как можно больше добрых дел.

Наконец, выстаивать после Литургии на панихидах, вплетая свою — вот тут вполне уместны слезы — горячую молитву в общую молитву церкви.

Ведь батюшка, читая перед кануном с зажженными свечами имена, зачастую не знает многих поминаемых.

А тут — к его добросовестной службе добавляется твоя мольба о спасении души хорошо знакомого тебе, родного и любимого человека.

То есть, твоя живая молитва!

Галина была бы счастлива все это делать.

Да только, увы, не могла…

Все дело заключалось в том, что к тому же ее отец был некрещеным.

А вот это уже была беда, так беда.

И здесь она была лишена всякой возможности хоть что-нибудь сделать теперь для него…

Кто лучше Галины знал, что ему уже ничем невозможно помочь?

Сколько раз во время экскурсий она сама объясняла малосведущим в тонкостях церковной жизни людям, что по умершим некрещеным нельзя даже ставить свечу в храме, не говоря о церковных записках и сорокоустах!

То есть, поставить-то можно.

И написать тоже.

Но что толку от этого?

Двери в рай, то есть путь ко спасению, открыт для каждого из живущих на Земле, по словам Самого Спасителя, только через Христа[25].

Для этого Он день изо дня, едва ли не каждое мгновение, с величайшей любовью и долготерпением, стучится в наши сердца.

Посылает всю, как говорится теперь, информацию: духовные книги, благочестивых людей, а то болезни и скорби (ибо где, как не в мучительной тесноте можно вспомнить о Боге?), делает порой очевидцем бесспорных чудес.

Лишь бы только человек услышал Его.

Обратил по своей доброй воле — ибо Господь никогда, никому не навязывает Свою волю — сердце к Христу.

И Он тогда спас его.

Если же человек не успеет сделать этого за целую жизнь, то как только она прервется, эта дверь закрывается для него навсегда.

И наоборот, распахивается другая — где ждет его вечная мука.

Многое и другое говорила Галина во время своих бесконечных экскурсий.

Ох, и нелегкая эта работа!

Сколько раз порывалась она оставить ее.

Просила у батюшки снять с нее это послушание.

И вот теперь, после смерти отца, в конце концов, заручившись справкой врача, что у нее вконец сдали нервы и стало пошаливать сердце, подала заявление на уход.

С просьбой отпустить ее прямо сейчас.

Без отработки.

Как ни просили Галину остаться, говоря, что ее просто некем пока заменить.

Но она — ни в какую.

Еле-еле уговорили ее съездить последний раз, учитывая, что экскурсия была в далекий монастырь, к старцу — схиархимандриту Ф[26].

Попасть к нему на прием, даже договорившись заранее, за полгода, было крайне сложно.

А она, как говорится, знала там все входы и выходы.

Сколько раз вот так же она уговаривала других людей не отказываться от предстоящей поездки.

Объясняла, что это темные силы всеми правдами и неправдами пытаются отвратить их от очень полезной не только для их тела, но главное и души — встречи со старцем.

И вот теперь уговаривали ее саму.

В конце концов, скрепя сердце, она согласилась.

Жалко ей стало людей, счет дням жизни многим из которых шел, что называется, на часы.

Они записались в группу, потому что в последней надежде прослышали, что старец, с помощью Божьей, исцеляет самые тяжелые недуги.

Что ни поездка — новое чудо.

То женщина, которой была назначена срочная операция на пораженном злокачественной опухолью глазу, после поездки к старцу, вернувшись в клинику, откуда отпросилась на два дня, с радостным изумлением вдруг узнавала от терявших дар речи врачей, что ее глаз совершенно непостижимым образом исцелен.

Опухоль исчезла.

И больная… то есть, теперь — бывшая больная — уже не нуждается не то что в операции, но даже простом лечении…

То у больного раком мужчины бесследно пропали росшие до этого прямо на глазах метастазы.

То скрюченная женщина, у которой томограф показал две грыжи позвоночника, после

посещения старца избавилась от болей, выпрямилась.

А потом тот же томограф показал, что этих грыж у нее больше нет.

Или вот еще один, произошедший в самой последней поездке случай.

С врачом-рентгенологом, еле-еле выдержавшим нелегкую даже для здоровых людей дорогу, так как он ехал вскоре после перенесенного им обширнейшего инфаркта. При этом у него с раннего детства было больное сердце, о чем каждый раз бесстрастно свидетельствовала лента ЭКГ.

Вернувшись обратно, он сделал новую электрокардиограмму и с изумлением увидел, что исчезли не только послеинфарктные рубцы, но даже те изменения, которые у него были в сердце с детства…

И всех таких «случаев» не перечесть…

А еще старец был — прозорливым.

Поэтому у каждого из приехавших к нему было немало вопросов.

Но так паломников приезжало великое множество, то каждому из них разрешалось задать только два.

И ни одним больше.

Зато — любых.

На которые он давал ответ.

Что только увеличивало количество желающих попасть к нему.

Потому что к неисцельно больным добавлялись те, кого мучили вопросы, на которые никто не мог дать ответа, у кого безнадежно пропали родственники, даже много лет назад.

И просто любопытные люди.

Доставив свою многочисленную группу к месту назначения, Галина взяла в себя в руки.

Отправила всех в храм молиться и подавать записки.

А сама деловито обошла всех нужных людей.

Сделала так, чтобы наиболее тяжелых из ее подопечных пропустили к старцу без очереди.

За ними один за другим проследовали остальные.

После всех зашла к старцу и она.

Благословилась.

Не стала жаловаться ни на какие болезни.

Только, набравшись смелости, попросила старца келейно (это разрешено!) помолиться о душе… она чуть было не сказала по-православному — новопреставленного Георгия… но

вовремя спохватилась и прошептала: недавно умершего ее отца.

— А почему это вдруг келейно? — с какой-то таинственной улыбкой спросил у нее старец.

«Странно, он же ведь знает все!» — в полном недоумении подумала Галина и с трудом проговорила:

— Так ведь, батюшка, он ушел некрещеным…

— А вот и нет! — остановил ее старец. — Он у тебя был крещен.

— Как это?! — ахнула, глядя на него во все глаза, Галина.

И услышала:

— Очень просто. Бабушкой. В детстве. Так частенько бывало в те годы, когда это делалось тайно. Даже от родителей дочери или сына. А потом он забыл, а то и вовсе не знал об этом…

«Господи! — обхватила ладонями радостно запылавшие щеки Галина. — Да как же мне благодарить тебя за такое счастье?..»

Она закрыла глаза.

А когда открыла, то первое время ничего не могла видеть от застилавших их сладчайших слез.

Словно из тумана до нее доносился ответ на то, что она больше всего на свете хотела знать до смерти отца — не было ли в числе ее предков священников или монахов?

— Иначе и быть не могло, — говорил ей старец. — Ведь в вашем роду было очень много всю жизнь посвятивших служению Церкви людей. Были среди них и священники, и монахи. Даже один святой. И все они теперь горячо молятся Богу о своих потомках, то есть — о вас!

Понимая, что два вопроса, отведенных для каждого посетителя — хотя она и не задавала их, но зато получила такие ответы! — исчерпаны, Галина решила не спрашивать больше ни о чем.

Чем она лучше других?

Да и чего еще, после всего, можно было желать?!

Она только подошла к старцу, чтобы испросить благословение и удалиться.

Но тот вдруг, ласково посмотрев на нее, сам задал вопрос:

— Ты думаешь, Господь случайно открыл мне такие великие тайны?

И тут же ответил:

— Нет.

Галина во все глаза смотрела на старца.

А тот продолжал:

— Он открыл мне и то, что сделано это — по молитвам всех тех людей, которых ты возишь в своих экскурсиях…

…Выйдя от старца, Галина с неописуемым облегчением написала записки о упокоении новопреставленного Георгия во всех храмах монастыря.

(Записки с именами бабушки и всех остальных усопших сродников, и знакомых у нее, как обычно, были приготовлены заранее).

Подала сорокоусты.

На все оставшиеся деньги заказала его вечное поминовение в соборе этой святой обители.

И к автобусу неслась, как на крыльях!

Радости ее не было границ.

«Так значит все это — бесконечные хлопоты, сплошные нервы, бессонные ночи, связанные с каждой экскурсией — всё это было не зря?!» — видя всю свою группу в полном составе, ожидавшую лишь ее, подумала вдруг она.

И услышав, как правило, не замечавшиеся ею раньше слова благодарности от своих паломников:

— Спаси вас Господи!

Низко-низко поклонилась в ответ.

И сказала, что на этом экскурсия по монастырю окончена.

Все расселись по своим местам.

Автобус быстро помчался вперед.

То есть обратно, в родной город.

Где-то позади шумно обсуждалось новое чудо.

Галина, даже не спрашивая подробностей, прекрасно знала, что иначе и быть не могло — как это чтобы хотя бы без одного исцеления за поездку?

Знала и то, что все, что сказал ей самой старец — правда.

И только одного не знала она пока на радостях.

Что эта ее поездка далеко не последняя!

* * *

Умирает природа.

Так уж заведено:

Зеленеет полгода,

А потом — снег в окно!

Реки смежили веки.

Саван лег на поля,

И, как будто навеки,

Омертвела земля.

Но не век непогода!

Еще будет и зной…

Умирает природа,

Чтоб воскреснуть весной!

Часть 10. Семейный совет (или без чего ни один брак не может быть счастливым)

Мать и сын

Подошла Мария Степановна после службы к священнику.

Благословилась, как положено.

И со слезами на глазах говорит:

— Батюшка! Отец Михаил! Помогите! Сын у меня погибает, а я ничем не могу ему помочь!

— А в чем, собственно, дело? — с участием посмотрел на нее священник. — Он что — болен серьезно?

— Да нет, здоров как бык! — даже отмахнулась от этих слов женщина.

— Тогда значит, пьет?

— Случается иногда, особенно по светским праздникам, да когда дружки позовут. Но меру свою знает! Во всяком случае, пьяным я его, слава Богу, еще никогда не видела!

— Гм-м.. — задумался вслух священник. — Тогда что же он у тебя — блудит? То есть, гуляет?

— И это тоже бывает. Но — хуже, батюшка, хуже…

— Да что может быть хуже, чем этот смертный грех, который уже и за грех принимать перестали? — с упреком покачал головой священник и напрямую спросил: — Он что у тебя — наркоман?

— Боже упаси! — в страхе перекрестилась женщина.

— Так что же тогда с ним?!

— Я ж говорю: гибнет!

— Ничего не пойму! А, впрочем…

Священник внимательно посмотрел на женщину, прищурился, что-то припоминая, и сказал: — Сына твоего я немного знаю, порою встречаю на улице. А вот в храме ни разу не видел.

— Вот в том-то и все дело…

Мария Степановна прижала ладони к груди и зачастила:

— Я — старая, глупая, как у нас веру в стране разрешили, то и в церковь пошла. И молитвам на церковнославянском научилась. Правило утром и вечером читаю. Исповедуюсь, причащаюсь…

— Это я знаю, ты — про дело, суть говори! — слегка поторапливая женщину, кивнул священник.

— Вот я и говорю. Я, грешная, по милости Божьей, спасаюсь. А он, полную школу, а после нее институт окончивший, такой ум имеющий, что на работе эти, как их… компьютерные программы составляет, ни в какую не хочет! Уж я и так с ним, и эдак! Каждую вашу проповедь, когда после службы домой возвращаюсь, пересказываю. Так нет — сразу же начинает зевать, и обрывает на полуслове. Книги духовные, с закладками в нужных местах, словно невзначай — то на прикроватную тумбочку, то на стол перед едой — он у меня, когда ест, уж очень читать любит — подкладываю. Только он их — всегда в сторону и за свои детективные романы опять принимается. Я к нему и с лаской, объясняя, как хорошо спасенным в раю. И с угрозами про ад. А он знай себе только смеется. В раю мне, говорит, пожалуй, скучно будет. Уж если тут того нельзя, да это не делай, то представляю что будет там, да еще на целую вечность. Нет, я лучше, если он, и правда, есть — в аду, со своими привычками и друзьями!

Женщина горько вздохнула и, безнадежно махнув рукой, продолжила:

— Уж я ему объясняла, что это он так про ад говорит, потому что даже представления не имеет, каково там на самом деле. Ну, помните, как вы в проповеди говорили однажды: что самые жгучие, страшные, жуткие муки на земле не сравнить с самой малой мукой в аду! Что она гораздо нестерпимей, сильнее…

— Это не я, это святые так говорят. Я только повторил… — строго приподнимая указательный палец, уточнил священник.

— Ну, а я, как уж могла, — вас… — прошептала Мария Степановна и, заканчивая, беспомощно развела руками: — Ну что мне еще сделать? Каждый день говорю ему о вере и Боге, и никакой пользы! Скорее, даже наоборот…

— Так вот оно в чем дело!

Священник внимательно посмотрел на женщину и чуть приметно усмехнулся в густую бороду:

— Ты ведь, Мария Степановна, совсем не то делала!

— Как это? — не поняла его та.

Священник немного помолчал, словно вспоминая нужные, скорее всего, тоже почерпнутые у святых слова и весомо сказал:

— А то! Ты говорила с сыном о Боге. А надо было — с Богом о сыне! Уразумела?

— Да… кажется… я попробую! — кивая, проговорила женщина.

И вместо того, чтобы, как обычно заспешить домой, к сыну, купив самую большую свечу, медленно направилась к светлой чудотворной иконе Спаса Нерукотворенного…

…Что было дальше — это уже отдельная история.

Главное, что через два-три месяца Мария Степановна снова, только на этот раз перед службой, когда вот-вот готова была начаться исповедь, подошла к отцу Михаилу.

И они снова побеседовали.

Но на этот раз не так долго.

И не только потому, что священнику пора было читать подготовительные к таинству молитвы.

Все дело было в том, что за ее спиной стоял, переминаясь с ноги на ногу и, с непривычки, осматриваясь по сторонам в храме… ее сын.

Житейское попечение, или Мудрая жена умного мужа

Возвращались муж и жена домой после церковной службы. Жена была, что называется, на седьмом небе от счастья.

В кои-то веки муж пошел в храм.

Обещал-обещал.

И вот сходил!

Правда, исповедоваться пока наотрез отказался.

«Не готов пока, дома перед иконой покаюсь, — сказал он. — С какой стати я должен кому-то, пусть даже это и столь почтенный, как ваш батюшка старец, всю свою подноготную открывать? Мне и в моем бизнесе посредников хватает!»

Но всю литургию отстоял.

И проповедь священника внимательно выслушал.

А тот, к счастью, словно для него говорил об исключительной необходимости для вечного спасения исповеди и причастия.

И о том, что, приходя на исповедь, человек открывает свои грехи не священнику, который является только свидетелем этого, а — самому Богу!

— Ладно, — сказал, наконец, после долгого молчания муж. — Убедил меня ваш батюшка. В следующий раз, когда после отпуска опять пойдем в храм, обязательно исповедуюсь!

И после этого перешел от духовных — к мирским делам.

— Знаешь, — сказал он. — Я все продумал, где и как нам с тобой будет лучше провести этот отпуск. Не пожалеешь!

— Еще бы! — с искренним восхищением поддержала его жена. — Ты же ведь у меня — умный!

Польщенный такими словами муж принялся обстоятельно и исчерпывающе описывать прямо по дням всю программу их предстоящего отпуска.

— Надо же, как все здорово! — выслушав его, радостно согласилась жена. — И когда ты только все это успел?

— А сегодня, прямо на службе!

— Когда именно? — неожиданно встревожилась жена.

— Ну… когда хор так торжественно и тихо пел. А потом священник вынес что-то такое — покрытое бархатом с вышитыми крестами… — припоминая, принялся объяснять муж.

— То есть, во время «Херувимской»?! — ужаснулась жена.

— Ну да! Скорее всего. Вначале что-то действительно пели про херувимов. И после этого я тоже обдумывал наши планы на отпуск. А что? Что-то не так?

«Конечно! — понимала жена. — В этот, один из самых важнейших моментов службы стоящие в храме люди должны только представлять себе, что они, подобно Херувимам, находятся близ Господа, на небе и, как бы вместе с ними, поют Ему трисвятую песнь — хвалу Богу. Всё и вся должно умолкать в это время и преклоняться перед величием спасительного подвига Христа, идущего на Голгофскую жертву. Даже все наши, какими бы срочными и важными они ни были, посторонние мысли. Не зря ведь в Херувимской песне поется: «Всякое ныне житейское отложим попечение»!

Но как… как сказать об этом мужу?

Открыто и прямо — так ведь он может сразу всё не понять, раскритиковать не просвещенным еще благодатью[27] разумом и вообще отказаться ходить с ней на службы.

А она так долго молилась о том и боролась за это…

И тогда она для наглядности, словно говоря о совсем другом — но на деле — об этом самом! — рассказала давний случай, который произошел с Иоанном IV, более известном, как Иван Грозный.

О том, как он однажды вот так же, после пения «Херувимской» обдумывал свои грандиозные царские планы строительства на Воробьевых горах. И — как подошедший к нему на паперти Василий Блаженный спросил у него: «А что это ты, православный государь, на церковные службы не ходишь?» — «Как это не хожу? — возмутился царь. — Я вот и сейчас выхожу из храма!» — «Да не был ты в храме!» — «А где же тогда, по-твоему, я был?» — «А то сам не ведаешь? На Воробьевых горах!» Посмотрел на Христа ради юродивого царь. Понял все разом. И, несмотря на свой грозный нрав, не стал перечить ему. А после этого так стал почитать святого Василия, что после смерти сам нес его гроб на своих царских плечах…»

Выслушал со вниманием жену муж.

Понравилась ему эта история.

И только тогда, как бы желая все разъяснить, она сказала, почему во время пения

Херувимской ни в коем случае нельзя ходить по храму, даже делая такое благочестивое дело, как ставя свечи или прикладываясь к иконам, а после нее — даже думать о чем-либо постороннем!

То есть, даже тут не сразу сказала о главном!

И уже дома, как можно мягче, добавила:

— А теперь подумай: угодна ли будет Богу вся эта наша поездка? Какой бы она ни была заманчивой! Не лучше ли нам, с тобой, помолясь, придумать что-то другое? Новое! Ты же ведь у меня — умный…

Основа основ (стихи о любви и семье)

1

Бывает, друг от друга устают

И те, кто жить не могут друг без друга

Буквально даже несколько минут

Во время важных дел или досуга.

Так пашня, изнывая от дождей,

На солнце смотрит равнодушным взглядом…

О, как же нужен дождь и для людей,

Чтобы всегда счастливыми быть рядом!

2

Не опыт, как вершина знанья,

Не споры, кто кому родней, —

Любви нужны воспоминанья

Мгновений самых лучших дней!

Что толку вспоминать плохое,

Переживая вновь и вновь,

Все то, что губит дорогое,

Чему название — любовь!

Тогда покажется однажды,

Что умерла она навек.

Такое чувство знает каждый

Хоть раз любивший человек.

Казалось бы, нет возвращенья

Тому, что было и прошло.

Но вдруг — минувшие мгновенья

Возникнут в памяти светло.

И вмиг — как из засохшей ивы,

Уже погубленной грозой,

Проклюнется росток счастливый —

Зеленой радостной слезой!

И снова сердце замирает,

И счастье вновь — на целый век!

Любовь, как жизнь — не умирает,

Хотя ее и убивает

Порою тщетно человек!

3

Шла передача под названьем:

«Как сохранить счастливым брак?»

Ведущая — с ученым званьем,

Красавица — сказала так:

«Чтоб муж однажды не оставил

Жену или она его,

Я предложу вам 20 правил —

Основу, так сказать, всего!»

Я слушал: первое… второе…

Все верно, нечего сказать:

Должны беречь друг друга двое,

И помогать, и уступать!

Аргументированно, точно

Шли дальше мысли, без чего

Семья не устоится прочно —

Основа, так сказать, всего!

Затем шла речь об общем деле,

О важности сказать «прости»,

И даже как себя в постели,

Чтоб сохранить семью, вести…

Потом о браке равноправном…

А я, теряя пунктам счет,

Все ждал, когда она о главном.

То есть, венчании начнет?

И право: как семья без Бога,

Без благодатного венца —

Ведь впереди трудна дорога —

Пройдет по жизни до конца?

Ждал-ждал, да так и не дождался

Я самых нужных, главных слов.

Экран погас, и не раздался

Глагол основы всех основ!

Лишь время потерял напрасно

С ведущей этой я тогда,

И только все вдруг стало ясно,

Когда «случайно», как всегда,

Узнал я точно, а не вроде,

По разговору одному:

Сама она была в разводе,

Не понимая — почему?..

Урок для двоих

Аня не вошла — ворвалась в комнату матери и с порога закричала:

— Мам, прошу тебя — не молись обо мне больше!

— А в чем дело? — искренне огорчилась мать.

И даже немного испугалась.

Совершая вечернее молитвенное правило у оставшихся еще от родителей темных икон со строгими ликами, перед которыми горела свеча, она как раз собиралась сугубо помолиться о дочери.

Ведь сегодня суббота, когда у нее дискотека.

А это всегда тревога — все-таки молодая красивая девушка. Одевается, сколько ее ни вразумляй и хоть живет в селе, а не в городе — вызывающе, чуть ли из одежды не выпрыгивает.

И парень сейчас у нее, о чем уже не одна соседка предупредила, из самой, что ни на есть, криминальной среды.

Как она там без материнской молитвы?

Далеко ль до беды!

Не иначе, как бесы почувствовали ее желание горячо помолиться о дочери и пытаются лишить девочку этой единственной, но самой крепкой защиты!

А Аня нервно ходя по комнате, сбивчиво объясняла:

— Опять я по химии двойку схватила. Сначала думала — случайно. А потом вдруг дошло! Пока ты дома, то у меня все хорошо. Сплошные пятерки и со всеми дружба! А как только ты в храм сходишь, или свечку вот так на весь вечер зажжешь, то сразу такое начинается — хоть в школу не ходи! Со всем классом разругаюсь. Учителя, когда совсем не должны, к доске вызывают. С Денисом и девчатами, что хотят его у меня отбить, такое началось…

Аня остановилась и испытующе посмотрела на мать:

— Ты позавчера в храм ходила?

— Конечно, ходила! — не стала отпираться та. — На Богородичный праздник — как не пойти?

— Молилась?

— А как же? Зачем иначе ходить в храм? Свечку за тебя поставила. Записочку написала. И еще на усиленную молитву подала.

— Вот видишь? — торжествуя, подняла наманикюренный пальчик с длинным, острым ногтем Аня. — Ты подала, а я после этого двойку получила. И это — в конце года! С Денисом тоже такое началось, что не знаю теперь, как с ним и говорить… Мало того, что моя бывшая лучшая подруга Юлька к нему подбивается — а это еще та штучка… Так еще и Надька пригрозила нам обеим, что сделает так, что он даже смотреть больше не будет в нашу сторону. Словом, такой

клубок благодаря твоим молитвам теперь завязался, что я… я…

Распалившись до предела, она остановилась и, подыскивая самое убедительное слово, пощелкала пальцами:

— В общем, так! Еще одна твоя молитва — и я больше не выдержу. Поэтому уже не прошу, а требую. Больше обо мне ни одной молитвы! Слышала — ни единой! Иначе я все иконы из дома, пока ты в храме будешь, повыбрасываю. На помойку, где бомжи их мигом сметут!

— Дочка, да как же так можно? — хорошо зная характер дочери и понимая, что эта угроза может оказаться не пустым звуком, простонала мать. — Ведь, к примеру, вот этой иконой, — она показала на стоявший посередине полки образ Спаса Нерукотворенного, твоя прабабушка благословляла дедушку на войну. И он провоевал четыре года в пехоте, не получив ни одной царапины. И это, когда историки теперь пишут, что больше двух атак люди, как правило, не выживали. А этой, — она с легкой грустью кивнула на икону Пресвятой Богородицы, — нас благословляли перед свадьбой с твоим покойным отцом. Хотя тогда это было строго-настрого запрещено…

— Вот и я запрещаю тебе обо мне молиться! — обрадовавшись, что нашла, наконец, подходящее слово, перебила дочь. — Слышала? За-пре-ща-ю!

И, дунув на погасшую разом свечу, победным шагом направилась из комнаты.

— Куда ты? — глядя ей вслед, жалобно спросила мать.

— Как куда? — удивилась Аня. — Полчаса полежу, отдохну после школы и — на дискотеку. Куда же еще? А то ведь эти Юлька с Надькой, и правда, Дениса у меня отобьют!

— Может, оно и к лучшему? — робко спросила мать. — А то я слышала, этот Денис — чуть ли не бандит, что ли…

— Да какой там бандит! — поморщилась Аня. — Строит только из себя пацана в законе. Вот у Надьки сейчас друг — тот, действительно, говорят, киллер. И если он узнает, что она собирается закрутить с Денисом…

Она сделала такое страшное лицо, что мать не выдержала и взмолилась:

— Не ходила бы ты, дочка, туда! Ну, хотя бы сегодня…

— Еще чего! — возмутилась Аня. — Как говорил Суворову комендант Измаила: скорее небо упадет в Дунай, чем я пропущу хоть одну дискотеку!

— Ну и чем закончил этот Измаил? — осторожно уточнила тоже неплохо знавшая в школе историю мать.

— Чем-чем? Пал! — приосанилась дочь, точно фотомодель: — Ноя ведь не Измаил!

И, не говоря больше ни слова, вышла.

Оставшись одна, мать сокрушенно покачала головой.

«А, может, и правда, не нужно о ней так молиться, коли у нее из-за этого вся жизнь кувырком — подумала вдруг она и тут же набросилась на себя: — Хотя разве это можно назвать жизнью? А какой кошмар, если ее не остановить, начнется после жизни — потом?..»

Долго-долго смотрела она на иконы.

Вздыхала.

И, наконец, решившись, снова зажгла свечу.

То и дело, оглядываясь на дверь, она опустилась на колени и тихонечко зашептала:

— Пресвятая Богородица, Ты — Сама Мать, и не можешь не понять меня, не знающей, как мне теперь быть, матери… Не можешь не слышать… Помоги моей дочери. Ты видишь, она у меня какая. Без отца ведь росла. Куда мне, одной, по нынешним временам, с ее воспитанием было справиться? Прости! Умоли Своего Сына, чтобы Он Сам защитил ее…

Через полчала, закончив молиться, она встала с колен и прислушалась.

За дверью было совсем тихо.

«Ушла! — с горечью поняла мать. — Видать, никакая молитва такой уже не поможет!»

Но, войдя в соседнюю комнату, неожиданно увидела, что дочь до сих пор лежит на диване.

Бледная.

С полотенцем на голове.

— Ты что — заболела? — сразу забывая про свои тревоги с дискотекой, засуетилась она.

— Да нет, просто голова раскалывается… — с трудом выговаривая слова, пожаловалась Аня.

Голос теперь у нее был совсем другой — беспомощный, слабый…

— Еще бы — три контрольных за неделю! Совсем вас, бедных, замучили! — вслух принялась сетовать мать. — Ничего, сейчас я тебе помогу!

Она принесла таблетки от головной боли.

Аня покорно, как в раннем детстве, когда еще слушалась ее, выпила их.

Приподнялась было, чтобы встать и пойти на дискотеку.

И со стоном уронила голову на подушку.

— Нет, — прошептала она. — Пусть там будет, что будет, а я не могу…

— Вот и правильно! Вот и хорошо! — закивала мать. — А если завтра не станет лучше, обязательно вызовем скорую!

Но наутро от болезни не осталось и следа.

Бодрая, отдохнувшая Аня даже сама предложила сходить в магазин за хлебом, чего давно уже с ней не было.

Пошла.

И почти тут же возвратилась домой бледная, как мел.

Увидев ее, мать всплеснула руками:

— Аня! Анечка, что с тобой? Опять голова? На тебе просто лица нет!

— Со мной-то все ничего! А вот у Юльки… У нее теперь действительно нет лица!

— Как это? — не поняла мать.

— Ты представляешь?

Аня как в детстве подсела к матери, уткнулась носом в ее колени и принялась рассказывать:

— Надька-то, оказывается, не шутила. Принесла на дискотеку полную бутыль соляной кислоты, ну, а так как меня там не было, то всю ее выплеснула на Юльку. Та теперь в реанимации. Ну а потом, мой Денис начал за Юльку Надьку бить. Это увидел ее друг и порезал его ножом. Тут и другие подключились. Не только кулаки — битые бутылки и цепи в ход пошли. Словом, полдискотеки теперь в больнице. Одни в травматологии, другие в хирургии. Некоторым, говорят, до сих пор операции делают. А та парочка — в милиции. Представляешь, что было бы со мной, если бы я тоже была там? Точно — не под кислоту, так под нож бы попала. Я бы ведь Дениса закрывать собой стала…

Она подняла мокрое от слез лицо и сдавленным от подступавшего к горлу плача голосом сказала:

— Какое счастье, что я не пошла вчера на дискотеку!

— Да, дочка, да! Слава Тебе, Господи! — перекрестясь на иконы, только и смогла прошептать мать.

Услышав это, Аня внимательно посмотрела на нее и спросила:

— Признавайся, это твоя работа?

— Нет! — протестующе возразила мать.

— Да не бойся, — всхлипнула Аня. — Не выкину я эти иконы.

— Да нет, правду я говорю! — повторила мать. — Это Господь уберег тебя от беды. А я только помолилась…

Аня встала.

Вытерла слезы.

Наклонилась к матери и поцеловала ее в щеку.

— Прости меня! И, пожалуйста, молись обо мне! — попросила она.

И, подумав, добавила:

— Почаще…

Ответ для примера

Время от времени мне задают один и тот же вопрос: откуда берется материал для маленьких притч и рассказов?

Честно отвечу.

Что касается маленьких притч — не знаю.

Это для меня самого загадка.

А вот что касается рассказов…

Иной раз люди сами по поводу или без повода говорят о чудесах, которые произошли с ними.

Или — с заслуживающими их полного доверия людьми.

А то я сам начинаю расспрашивать священников, монашествующих и накопивших духовный опыт мирян о том, что бывало в их личной жизни необычного или заслуживающего внимания для назидания и укрепления в вере — других.

Как это произошло, для примера, во время, казалось бы самого будничного разговора с одним иеромонахом.

Чувствуя, что у него наверняка в багаже памяти есть тема — да не одна! — для рассказов, я задал ему свой обычный вопрос

Но он только отрицательно покачал головой и сказал:

— Нет, ничего такого особенного со мной не было!

Однако, немного подумав, добавил:

— Разве что только это…

И рассказал следующую маленькую, но с очень большим духовным смыслом историю.

Его мать, из последних сил надрываясь на трудной работе, поднимала двух сыновей.

Один из них, то есть мой собеседник, будущий иеромонах, рос здоровым и крепким. А вот второй…

Он был настолько болен и немощен, что мать, несмотря на то, что была, как тогда многие, если не совсем неверующей, то весьма маловерующей, точнее сказать — сомневающейся в действительном существовании Бога, однажды не выдержала.

И от всего сердца взмолилась:

— Господи, если Ты только есть, сделай так, чтобы он или выздоровел, или… умер. Потому что мне не по силам всю жизнь ухаживать за совершенно больным — даже пусть это и свой, родной — ребенком.

— И что же? — спросил я замолчавшего иеромонаха, почему-то в полной уверенности, что услышу сейчас: умер.

Но он вдруг сказал:

— Да жив и здоров! Ни с того ни с сего, неожиданно стал поправляться. Окреп. Да так, что принялся заниматься спортом. И теперь это — вполне уже взрослый, крепкий мужчина!

Мой собеседник еще немного помолчал и с улыбкой, словно ставя точку, даже восклицательный знак, в конце нашего разговора, добавил:

— А для мамы после этого уже никогда не стояло больше вопроса, есть ли Бог или нет!

…Вот так и находятся темы, а затем, с Божьей помощью, пишутся эти рассказы.

На вес слова

Никто еще не взвешивал сказанных слов.

И, наверное, никогда не сумеет этого сделать.

Но то, что каждое слово имеет вес или, по крайней мере, материально, это точно.

Думается, каждый хоть раз в жизни, да убеждался в этом.

Убедилась в этом и одна моя давняя знакомая, которая рассказала мне буквально следующее.

Лет двенадцать назад зашла она домой в гости к своей подруге.

А у той был взрослый сын — лет двадцати с небольшим.

Когда она пришла, тот сидел на диване, к спинке которого были прислонены костыли.

Как рассказала его мать, когда они принялись хлопотать на кухне, прошел уже год, как он болел.

Перенёс несколько сложнейших операций на руке и ноге.

Рука еще кое-как срослась, правда, стала совсем кривая. Но ею хоть и с трудом, он еще мог пользоваться.

А вот нога…

После операций она стала короче почти на 10 сантиметров, и внутри неё был вставлен металлический штырь. К тому же открытая рана на ноге не заживает вот уже целый год. Врачи, как говорится, сделали все, что только было в их силах. Но так ничем и не смогли помочь…

— Вот и сидит теперь парень дома, нигде не работает. Да и какая может быть работа, если он по квартире-то передвигается с великим трудом! А ведь каким красавцем был, когда вернулся из армии!.. — всхлипнув, сказала мать.

В ходе беседы выяснилось, что вернувшись из армии, парень в первый же вечер собрался в гости к друзьям.

А мать, которая никак не могла наглядеться на него, и слышать не хотела, чтобы он уходил куда-то.

Нет-нет, только чтоб оставался с ней, дома!

Она ведь его так ждала…

И в чем-то была права.

А сын стоял на своем.

И тоже по-своему был прав…

В итоге она начала кричать на него:

— Не смей уходить, а то прокляну тебя!

Сын, не слушая матери, по-солдатски быстро оделся и пошел к двери.

— Ах так?! — прокричала она ему вслед. — Ну тогда знай: если пойдешь, попадешь под машину, переломаешь руки-ноги!

Ответом ей была громко захлопнувшаяся за сыном дверь.

Он торопился.

Его уже ждали друзья.

Он опаздывал.

Сильный и ловкий, перебежал через одну дорогу.

Домчался до другой.

И надо же такому случиться: минут через пять, в двух кварталах от дома, попал под машину!

В тяжелейшем состоянии, с переломами руки и ноги его на скорой отвезли в больницу.

Мать, рассказывая всё это, забыв, что за стеной сын, а, может, наоборот, чтобы он слышал и понимал свою вину, громко кричала:

— Это его Бог наказал за то, что он не послушался своей матери! Теперь сидит вот дома калекой, никому, кроме меня, не нужен! А если и дальше не будет слушаться, то у него нога так и не заживёт никогда и вообще — отвалится!

Она кричала, кричала…

И невозможно было остановить, тем более переубедить ее.

Так и не понявшую, в чем была истинная причина этой трагедии…

Вечная любовь (Присказка без сказки)

Эту прекрасную венчающуюся супружескую пару мне не забыть никогда.

А ее удивительную историю — тем более.

Ее даже начать хочется по-особому.

Потому что для многих она — настоящая мечта.

А для некоторых, кому так называемый гражданский брак, который — с духовной точки зрения — самый настоящий блуд, увы, просто сказка.

Чтобы привлечь даже их внимание, я и начну вот так…

Жили-были, как принято говорить в сказках, старик и старуха.

И была у них… — но тут вымысел кончается и начинается самая настоящая быль — любовь.

Да такая, что ни словом сказать, ни пером описать.

Верная.

Нежная.

Трогательная до слез…

С первой минуты их мимолетной встречи у журавля-колодца с хрустально чистой водой.

Они-то и встретились на рассвете.

И были вместе до самого их позднего жизненного вечера.

Нынче трудно поверить обоим…

Но прошло 70 лет с того времени, как шедший с войны мимо незнакомой деревни парень, тогда Антон, а теперь давно уже Антон Антонович, разыскал понравившуюся ему девушку (Веру — Веру Сергеевну) да вскоре женился на ней.

Иными словами — целая жизнь.

Которую только на бумаге можно описать несколькими словами.

Антон был тогда красивым парнем.

На загляденье всем девчатам всего его неблизкого пути.

Еще бы…

Мало того, что широк в плечах, работящий, не пьющий и хорош собой.

Да еще — два боевых ордена и три медали на гимнастерке.

Он ведь сыном полка воевать начал.

Да и потом, к концу войны, уже полноправным солдатом наград прибавил…

Но и Вера, под стать ему, была настоящей красавицей.

Как же обрадовалась она, когда в их калитку вдруг постучал тот самый парень, который так приглянулся ей пару дней назад у колодца…

И так как война забрала у нее родителей и совсем недавно бабушку, то благословения на брак

спрашивать ей было не у кого.

А Антону оно и не требовалось.

Ему вполне достаточно было и того, что их тут же расписали в сельсовете!

Сначала Вера на это от счастья даже внимания не обратила.

А потом, сызмальства воспитанная в глубокой вере, поняла, что это у него вполне серьезно.

Как говорил он сам — твердая жизненная позиция!

И каждый раз, когда она начинала говорить мужу о Боге, о вере, о том, что хорошо было бы крестить рождавшихся у них детей…

То он только слегка мрачнел, и было видно, явно сдерживал себя, чтобы резко не ответить жене.

Насчет детей еще ничего.

Их крестили, соблюдая по вынужденной мере тех безбожных времен все предосторожности, в соседней обрасти.

Антон Антонович-то вскоре большим начальником стал.

И, значит, прознай про это руководство, партийного билета и вместе с ним работы мог бы мигом лишиться.

Но, любя жену, он был не в силах отказать ей.

И, как на войне, каждый раз шел без страха на риск.

Сам договаривался со священником.

И, как можно раньше — первенец у них умер сразу же после родов — отвозил жену с сыном или дочерью на служебной машине, делая, как бывший разведчик, все так, что водитель даже ни о чем не догадывался.

Так ползли дни…

Летели годы…

Мелькали десятилетия…

Ставшая Верой Сергеевной — Вера терпела.

Ждала.

Молчала.

Ни единой ссоры, да что ссоры — недомолвки не было у них за всю жизнь.

Но тут чувствовала, заговори она о вере всерьез — и не миновать беде.

Только, словно ненароком, клала рядом с газетами мужа свои церковные книги.

Те, в которых говорится вся правда о Боге и вере, которую так тщательно скрывала от людей безбожная власть.

Да иногда, оставшись надолго одна, доставала из шкафа, завернутые в бабушкины шали, древние родовые иконы.

Обливаясь слезами — любимый-то, как выяснилось прямо на свадьбе, был у нее даже не крещенным! — молилась о нем.

Просила, чтобы Бог — Сам вразумил и наставил Антошеньку на спасительный путь.

Иначе — как же они, так любящие друг друга — будут в Вечности навсегда порознь?..

Однажды он так и застал ее за этим занятием…

Потихонечку пятясь, чтобы не смутить жену, вышел из комнаты. Ничего не сказал.

Только на следующий день за то время, когда жена ходила в открывшийся после разрешения в стране веры храм

(он и тут ни словом не возбранял ей делать этого, даже раньше, когда на Пасху она ездила в соседний город), взял молоток, гвозди…

И возвратившаяся Вера Сергеевна с изумлением увидела аккуратно прибитые на стене иконы.

Но молиться перед ними Антон Антонович не стал.

Ни-ни! — об этом не могло быть и речи!

Как бы там ни было…

Жили они так дальше, не тужили.

Дети радовали.

Сначала внуками.

Потом те — правнуками…

Они настолько привыкли к этой земной жизни, что уже казалось, так будет продолжаться всегда.

И их счастью не будет конца.

Как вдруг…

Оба они почти одновременно заболели смертельной болезнью.

Поначалу тщательно скрывали это друг от друга.

Умоляли молчать и врача.

Да все равно — встретились однажды в онкологии…

Возле его кабинета!

Отпираться было бессмысленно.

Да и не умели они лгать друг другу.

Так, придерживая один другого, добрались до дома.

Долго молчали, гладя друг друга уже начинающими просвечивать пальцами по тыльным сторонам ладоней.

И Вера Сергеевна вдруг, открывая то, что так мучительно томило ее сердце, прошептала:

— Как же я буду там без тебя? А ты без меня?..

Антон Антонович вздрогнул, словно от удара…

Он — не боявшийся с самого детства в жизни никогда и ничего!!!

И сказал:

— Знаешь, признаюсь тебе… Но и ты скажи честно, не случайно ведь клала на мой журнальный столик свои книги с крестами?

Вера Сергеевна, всхлипнув, кивнула.

— Так вот, — удовлетворенно кивнув, продолжал Антон Антонович. — И я признаюсь тебе. Почитывал я их. Нет, чтобы уж быть совсем точным, сначала почитывал, а потом — читал! Так что кое-что соображаю. И, учитывая, что времени у нас осталось не так уж и много, давай, срочно вызывай всех наших детей, родственников!

— Зачем?! — не зная во что и верить, ахнула Вера Сергеевна.

«Неужели ему так уже плохо, что он чувствует совсем близкий конец?!» — ужаснулась она.

Но услышала то, на что еле-еле, совсем втайне, надеялось ее бесконечно любящее, разрывающееся от жалости к мужу сердце:

— На наше венчание!

Крестился Антон Антонович на следующий же день.

Без лишних свидетелей.

А потом…

Потом они стояли в центре храма.

Совершенно лысый (а когда-то такая пышная шевелюра была!) все время совершения таинства — ровно, как на военном параде, стоящий девяностолетний старик.

Иногда бережно поддерживавший супругу…

И она, маленькая, худенькая старушка — в белоснежной фате!

После венчания, когда священник поздравил их и привел в пример всем остальным — был

воскресный день, и церковь была полна народу, оставшемуся на такое необычное событие — обессилено прислонясь к тоже едва державшемуся на ногах супругу, Вера Сергеевна, вновь глазами ставшая просто Верой, шепнула:

— А знаешь, Антошенька, я ведь даже на нашей с тобой свадьбе не была так счастлива, как сейчас!

— Когда мы были совсем молоды и здоровы?!

— Да! Да! Ведь тогда мы соединялись для земной временной жизни, и меня мучила мысль, что наше счастье когда-нибудь, да оборвет смерть. А сейчас — для того, чтобы быть вместе — вечно!

Антон Антонович серьезно поглядел на нее, на большие церковные иконы, на сияющий крест в руках священника…

И первый раз в жизни с искренней верой (раньше, бывало, особенно на войне, когда чудом оставался живым, он частенько даже не вдумываясь, приговаривал эти слова, доставшиеся ему по духовному наследству от предков), сказал:

— Слава Богу!

…Вот такой рассказ получился.

Для мно-о-огих, живущих в браке, но еще не венчанных, молодых и не очень людей, не рассказ, а — сплошная присказка.

Правда, к счастью, без самой сказки…

Ошибка

Один человек всюду искал любовь.

Искал ее в армии.

Не нашел.

Только озлобленность вкралась в характер.

В семье.

Тоже, как ни старался — не вышло.

Развелся.

Снова женился.

Опять не нашел.

После чего стал еще более нелюдимым.

На работе.

Пятую по счету поменял — да никак не хотят понять его люди!

В храм пошел.

Ну, казалось бы, тут-то она точно должна быть!

А… тоже не оказалось!

Так он и не нашел эту любовь.

Хотя очень искал ее.

В других.

А, может, нужно было искать ее в первую очередь в самом себе?..

Грустная баллада

Умирал ребенок некрещеный:

Мальчик. Скарлатина. Восемь лет.

Он лежал, болезнью истощенный.

Рядом — мишка, книжки, пистолет…

Не до Бога папе, да и маме —

Бабушку б сейчас! Да вот беда:

Далеко она. По телеграмме

Скоро доберется ли сюда?

Добралась. Успела и нажала

Непослушным пальцем на звонок: —

Жив? — Как долго ты не приезжала!

Жив, но… умирает наш сынок.

— Покрестили? Нет? Ах, вы невежды!

Если бы он умер год назад,

То была б тогда хоть тень надежды,

А теперь душа уходит в ад!

И она, слезами обливаясь,

Зарекаясь слушать пап и мам,

К внуку не зайдя, не раздеваясь,

Бросилась бежать в ближайший храм.

«Матронушкин мальчик»

Смотрю я в который раз на огромную очередь, которая ежедневно выстраивается к святым мощам блаженной Матроны, и невольно думаю: это же скольким людям она помогла, что стоят сейчас с букетами роз и гвоздик, придя сюда специально, чтобы поблагодарить ее.

И скольким поможет еще?

То знает лишь Бог, да она.

Вот только одна, может, из сотен, а то и миллионов — история.

…Ольга с мужем очень хотели второго ребенка.

Немало причин было для этого.

Но главная — чтобы сын не вырос у них безнадежно испорченным, уделяемыми одному лишь ему ласками и вниманием, эгоистом. Как это нередко случается в однодетных семьях.

Тем более, что жилищные условия и заработок обоих супругов вполне соответствовали такому желанию.

Помня, как тяжело далось ей рождение первенца, Ольга первым делом направилась к гинекологу.

Это была одна из самых близких ее подруг.

Поэтому осмотрела она ее очень тщательно, с каждым анализом все больше и больше хмурясь.

И, наконец, сделав УЗИ, прямо сказала:

— Прости, подруга, но на этот раз у тебя ничего не выйдет!

— А что если как-нибудь подлечиться? Пройти пусть самые болезненные и дорогостоящие процедуры? — принялась упрашивать Ольга подругу.

Но та была непреклонна:

— У тебя такие проблемы, что оставьте всякую надежду. С такими ты не родишь — никогда!

Выплакавшись в коридоре, Ольга оставила в поликлинике всякую надежду и пошла в храм, где за свечным ящиком работала вторая ее близкая подруга — Мария.

Эта, в отличие от первой — всегда грубоватой и резкой — как никто другой могла утешать.

А Ольга как раз нуждалась сейчас в утешении.

Да еще в совете, как рассказать обо всем мужу.

Ведь он просто светился, когда они заводили речь о втором ребенке.

Ни разу не перебив, Мария внимательно выслушала Ольгу.

Вытерла ей платочком мокрые от новых слез глаза, после этого — свои. И — как умела делать

только она, с сочувствием улыбнулась:

— Ну что мне тебе, родная, сказать? Могу только на собственном опыте посоветовать.

А проблем у самой — взять хотя бы страдающего запоями и воровством из квартиры денег мужа, да своего, уже совсем взрослого, сына — не счесть!

— Смирись, то есть, как говорит наш батюшка, «отпусти всю эту проблему». Во всем положись на Бога и молись. Молись сама, молись с мужем. Почаще приобщай к этому сына — молитвы детей такого раннего возраста особенно быстро слышит Господь. И, конечно же, прибегай к надежной и скорой помощи всех святых.

Смутилась поначалу от таких слов — снова ощутившая себя самой беспомощной и несчастной в мире — Ольга.

Хотя, если разобраться, ничего другого она и не ожидала услышать от Марии.

Тем более где — в храме!

Но немного веры было и у нее самой.

Все-таки, хоть и не часто, особенно уступая настойчивым советам Марии, она заходила в храм.

Иногда даже выстаивала всю службу.

Исповедовалась.

Причащалась.

И тут решила смириться.

«Хватит, значит, нам и одного ребенка. Слава Тебе, Господи, что хоть он у нас есть!» — подумала она.

Дома все без утайки рассказала мужу.

Тот, конечно, расстроился.

От молитвы, как и раньше от хождения в храм, решительно отказался.

Первенец тоже предпочитал молитвам — свои детские игры.

И поэтому она вынуждена была молиться одна.

Поначалу редко, помалу.

Потом все чаще и дольше.

И вот однажды, после одной из такой молитв, присела на минуточку в кресло.

Потянулась…

Расслабилась…

И вдруг — увидела перед собой женщину.

Маленькую ростом.

В белой косыночке.

— А у тебя будет ребеночек! — радостно сообщила она и исчезла…

Ольга открыла глаза.

Или… она не закрывала их?..

Она так и не поняла: наяву это было или приснилось.

Но только после этого стала к себе прислушиваться.

Трудным это оказалось делом, настолько все у нее было нарушено.

Но все же, в конце концов, она набралась храбрости и позвонила первой подруге, сказав, что у нее, кажется, есть приятная новость…

— Перезвоню позже! — как всегда грубовато ответила та. — У меня сейчас сложная процедура.

Так она всегда называла аборты…

Ольга зябко поежилась и с недоумением покачала головой: надо же Бог кому-то без всяких проблем посылает детей, а они так легко и неразумно отказываются от этого величайшего дара.

Мария, насколько помнится, не раз говорила, что аборт это — смертный грех, который равносилен убийству.

Не случайно многие взрослые женщины, причем не только, как почему-то ложно считается, одни бедные неопытные девчонки, после него уже не могут родить, даже когда сами больше всего на свете вдруг пожелают этого.

Больше того — нередко тяжело, вплоть до самых неисцельных болезней, они неожиданно заболевают.

Одна за другой ни с того ни с сего вдруг наваливаются на них еще большие, чем это было бы от рождения ребенка, жизненные тяготы.

И как правило — исключения крайне редки! — после первого же аборта рушатся, казалось бы, даже самые несокрушимо-твердые семьи…

Подруга-гинеколог не обманула.

И действительно, перезвонила через четверть часа.

Она словно почувствовала, что это за приятная новость.

И сразу, словно отрезала:

— Я же тебе говорила, что это для тебя невозможно!

Но все же согласилась принять подругу.

Положила ее на кушетку.

Включила аппарат.

И водя по животу скользкой пластиной, ворчала:

— Зря только время теряем. И ты, и я. У меня и так сегодня три сложных процедуры. Весь день осмотры. А тут… тут…

— Что-что? — слегка приподнимая голову, заволновалась Ольга.

— Постой… погоди… Кажется, что-то есть… — неуверенно пробормотала гинеколог. — Да есть… есть горошинка!

Ольга была, как говорится, на седьмом небе от счастья.

Но первая подруга быстро охладила ее радость.

— Но это еще ничего не значит, — предупредила она. — С твоими проблемами вполне вероятно, и даже наверняка, может быть выкидыш!

Так, с ложкой дегтя в бочке меда, Ольга вернулась домой.

Позвонила Марии.

Та обрадовалась так, словно это была ее личная радость.

— Сходи в храм! Закажи благодарственный молебен! Исповедайся! Причастись! — сразу же принялась уговаривать она подругу.

— Ага! Ага! Конечно! — соглашалась Ольга.

Но…

Прошла неделя…

Другая…

И когда ей вновь и вновь звонила Мария, она виновато отвечала:

— Схожу-схожу! Я все обязательно сделаю!

Но опять находилась масса других дел. Как ей казалось, более нужных и важных для будущего ребенка.

И вдруг, через месяц, она позвонила Марии сама:

— Машенька, помолись! — услышала в трубке вторая подруга срывающийся на плач голос. — Кажется, гинеколог была права. У меня ни с того ни с сего — очень плохие анализы…

— А я тебе что говорила? — с несвойственной ей резкостью оборвала подругу Мария. — Немедленно в храм! А потом — помнишь, ты мне рассказывала, что тебе матушка в белой косынке являлась? Поезжайте вместе с мужем — у вас же машина есть! — к святой Матроне! Это в Москве, совсем недалеко от Таганки.

В храм Ольга, конечно, сходила.

Отстояла всю литургию в ближайшее же утро.

Долго и слезно исповедовалась батюшке.

Затем — причастилась.

Что же касается посещения вместе с мужем Покровского монастыря, где находятся святые мощи блаженной Матроны, то у него как нарочно все ближайшие дни были заняты неотложной работой.

Пришлось ей ехать из подмосковного города в столицу самой.

Выехала самым ранним автобусом.

Приехала, что называется, ни свет ни заря.

Нашла монастырь.

И — глазам своим не поверила.

Такая к нему была очередь!..

Но ничего, выстояла. Перетерпела.

Хотя порой мысли о том, что это может принести вред с таким трудом вынашиваемому ребенку, донимали так, что она готова была выскочить из, как казалось ей, бесконечно медленно двигавшейся очереди и бежать, бежать…

Но каждый раз, словно что-то останавливало ее.

Или кто-то?..

То мгновение, которое она провела, целуя стекло, под которым покоились святые мощи блаженной Матроны, она почти не запомнила.

Только быстро-быстро — стоявший рядом охранник нетерпеливо торопил проходивших, чтобы успели сегодня пройти все — шепнула ей, почему-то как старой знакомой:

— Матушка! Родная! Помоги мне доносить и родить ребеночка!

И надо же! Ведь после этого — и доносила. И родила!

Светленького такого, крепкого.

— Почти 5 кг! — как с гордостью сообщал, обзванивая друзей и даже малознакомых людей, муж.

Первая подруга, сославшись на массу дел, так и не пришла к Ольге, когда та вернулась из родильного дома.

Казалось, она так и не поверила, что произошло такое чудо.

А Мария, примчавшись, как только увидела ребенка, так сразу и ахнула:

— Какой славненький! Да другого и не могло быть. Ведь это же: «Матренушкин мальчик!»

Услыхав незнакомое имя, муж насторожился и хмуро спросил, а кто это, собственно говоря, такая Матрона?

Ольга с Марией, которая на этот раз от радости то и дело перебивала ее, рассказали ему все как есть. И как оно было.

…Спустя два-три месяца, когда младенца можно было везти в неблизкий еще для него путь, они всей семьей поехали в Москву на машине.

И на этот раз стояли в очереди вчетвером — Ольга, с грудным мальчиком на руках, муж с огромным букетом красных роз и между ними старший — хотя тоже еще не вышел из семилетнего, так называемого в народе, ангельского возраста, сын.

Стояли совсем недолго.

Потому что с детьми к блаженной Матроне пропускали без очереди.

Они были к ней (а, значит, и к Богу!), словно самые лучшие и надежные пропуска!

Поздняя встреча

Жил-был малыш, по имени — раб Божий.

Не шевелясь, не открывая век,

Еще на человека не похожий,

Но чувствуя уже, как человек.

Он слышал всё, что рядом говорится

О горестях и о своей судьбе,

И так хотел скорей пошевелиться,

Чтобы напомнить маме о себе!

А мама шла куда-то торопливо.

И он, всецело доверяясь ей,

Всё торопил ее нетерпеливо:

Скорее, мамочка, пожалуйста, скорей!

Он ждал с надеждой, что прогулка эта

Ему откроет то, как мир хорош.

Но вместо долгожданного рассвета

Увидел страшный медицинский нож…

Застигнутый, как пойманная птица,

Он закричал бы, если бы умел…

И первый раз сумел пошевелиться —

Все то, что в этой жизни он успел…

И он летел: ведь смерти нет на свете,

И утешало бедного одно:

Что с мамой на одном для всех Рассвете

Он встретится однажды все равно!

Она его с виной непоправимой

Тогда прижмёт с раскаяньем к себе…

И, тут уж он расскажет ей, родимой,

О горестях и о своей судьбе…

Песочные пирожки

Сколько лет пыталась Лидия Андреевна уговорить свою соседку, не совсем уже здоровую и далеко не в молодых годах, сходить с нею в храм. ,

И каждый раз словно коса находила на камень.

«Зачем? У меня и так в жизни все есть! — неизменно отвечала соседка. — Кроме свободного времени! Вот когда выйду совсем на пенсию, тогда, может быть, и схожу…»

Словом, не получалось.

И Лидия Андреевна очень сожалела об этом.

Прекрасный ведь человек.

Добрый.

Отзывчивый.

До сих пор на двух работах работает.

Хотя сама довольствуется самым необходимым.

Все — для детей.

Для внуков.

И тем, кому живется хуже, чем ей.

Многочисленным дальним родственникам.

Соседям.

Да и вообще — будь то даже совершенно не знакомые ей бедолаги на улице.

Есть люди, и таких, к сожалению, большинство, которые, как говорится, предпоследним с чужими не поделятся.

А эта — и последнее, не задумываясь, отдаст.

Но в храм, то есть к спасению — ни шагу!

Лидия Андреевна и объясняла ей, как могла.

Насколько все это важно.

И книги духовные пыталась дать почитать.

Молилась о ней…

Узнав, что она крещена с детства — в записках церковных о здравии поминала.

Даже свечку перед чудотворной иконой ставила.

И все без толку!

Как вдруг однажды…

— До чего же я внуков люблю! — увидев возвращавшуюся из храма Лидию Андреевну, не смогла не поделиться переполнявшей ее радостью соседка. Ей как раз привезли на выходные, и правда, очаровательных малышей — мальчика и девочку. И она с умилением смотрела, как они играют в песочнице. — Больше, чем когда-то детей! Всю неделю жду — дождаться их не могу. Под первым удобным предлогом сама к ним еду. Правда, с каждым разом мне это все труднее и труднее. Через весь город приходится ведь добираться…

Лидию Андреевну при этих словах как осенило.

Она вдруг поняла, что нужно говорить соседке.

Чтобы та, наконец, лучше смогла понять ее.

И сказала:

— Вот так же и я…

— Что вы?

Соседка с недоумением взглянула на Лидию Андреевну.

И тут же испуганно осеклась.

Весь дом знал, что у этой милой, верующей женщины был прекрасный, красивый сын.

Танкист, офицер.

Некурящий.

Непьющий.

Да погиб, даже не успев жениться…

Ей только орден в красной коробочке привезли…

Соседка не на шутку заволновалась: как бы она не обидела ее неосторожным словом… не сделала ненароком больно…

Но Лидия Андреевна сделала вид, что все хорошо… все в порядке…

И улыбнулась:

— Да я, собственно, совсем о другом — своем. Хотя в чем-то и очень похожем. Вот вы как-то спрашивали, почему я так часто хожу в храм?

— Ой, да! — обрадовавшись перемене темы разговора, торопливо согласилась соседка.

Хотя, если честно, она и не помнила уже — когда спрашивала об этом?

Да и спрашивала ли вообще?

Ведь это никогда не интересовало ее всерьез…

Ну да, возможно, что-то, действительно, есть такое, чему не учили в школе и во что теперь верят, как они сами про то говорят, многие.

А если его нет — зачем только даром время терять?

Она тактично собралась дать понять, что не расположена к долгим разговорам на духовные темы.

Но Лидия Андреевна сама опередила ее. Она сказала, что очень торопится, и поэтому скажет всего лишь несколько слов.

Соседка покорно приготовилась выслушать пару минут про храм, иконы, молитвы…

Но вдруг услышала совершенно другое:

— Давайте представим на секундочку, что ваших внуков по какой-то причине не привезли в очередную субботу! — предложила ей Лидия Андреевна.

— Ой, — сразу оживившись, даже замахала на нее руками соседка. — Однажды дочка с зятем в отпуск всей семьей на полмесяца уезжали. Так я даже не знала, как доживу до их возвращения.

— А если они вдруг решат поехать на заработки за границу, — продолжала, упорно клоня к чему-то своему, Лидия Андреевна. — Скажем, на год или хотя бы полгода?

— Да я просто не переживу этого! Умру с тоски! — призналась соседка.

И тогда Лидия Андреевна, наконец, сказала:

— Вот так же и я! Боюсь даже одной мысли, что буду всю Вечность без Бога. Причем, там,

после жизни — даже умереть уже не придется… Хотя и будет такая тоска, которую мы даже представить себе здесь не можем!

Еще раз улыбнувшись соседке, она ушла.

И даже не знала, что та, сама не понимая, почему, теперь задумчиво смотрит ей вслед.

Несмотря на то, что внуки наперебой звали бабушку, чтобы она посмотрела, какие красивые песочные пирожки они испекли ей на ужин!

* * *

На семь бед —

Один ответ:

Значит, в сердце

Бога нет!

* * *

Уходя всего на час,

Мать всегда переживала:

«Как я, деточки, без вас?»

А про Вечность — забывала!

Любовь и Верочка

Встретились однажды на вокзале посреди необъятной России две школьные подруги.

Лет тридцать…

Нет, как вскоре выяснилось — тридцать шесть после выпускного вечера не виделись.

А тут надо же!

«Ах!»

«Ох!»

«Ты куда?»

«А ты откуда?»

Выяснилось, что, к сожалению, поезда их шли в разных, точнее, прямо противоположных направлениях.

И на все про все, то есть на беседу, у них было не более четверти часа.

Сели они на пустую лавку.

Вспомнили, что вот так же раньше сидели на одной парте.

Вздохнули, глядя друг на друга.

Словно в зеркало посмотрелись…

И первую минуту даже не знали, с чего начать?

Одна из подруг была верующая.

А другая — не то чтоб не верующая, но…

Как это, увы, нередко бывает, находящаяся в ложном убеждении, что крестилась и уже одного этого достаточно для спасения.

Иными словами, если и верила…

То совсем чуть-чуть!

Больше даже в приметы и разные суеверия, такие, как, например, астрология, чем в Бога.

Словом, встретились они.

Помолчали.

Разговорилась.

Любовь, так назовем верующую, больше слушала.

А вторая, скажем так — Верочка, не умолкала.

Она как раз возвращалась со свадьбы своей младшей дочери и теперь просто не умолкала:

— Все, подруга! Жизнь, можно сказать, прожила не зря! Одна, без мужа, троих детей подняла! Он ведь меня еще совсем молодую бросил. Трудностей семейных испугался, одного лишь себя, так уж его мать воспитала, любил. Но ничего. Поначалу духом, было, упала. А потом сказала себе — нет! Он еще пожалеет! И что бы ты думала? Локти сейчас кусает, да — поздно! Ведь я сама, ну, признаюсь, не без помощи двух-трех состоятельных друзей, свой бизнес наладила. Начинала с малого. Дальше — больше, больше… Купила завод, другой… И теперь у меня есть все: дом, за который перед гостями не стыдно, с бассейном, сауной, садом. Машина. Не «Лексус», но все же такая, которой многие стараются уступить дорогу. Но самое главное, что я сделала: так это дала своим детям ВСЁ! Образование — заграничное. Каждому жилье. Приличное состояние. Машину. Старший у меня женат на англичанке, так представляешь, у них замок, графский, старинный. Мебель и канделябры — еще тех времен! Дети у них русский язык почти и не знают. Средний, правда, выбрал себе русскую, но всё у него не хуже, чем у старшего. Тоже есть жилье за границей. Только во Франции. Теперь вот дочку за сына губернатора выдала. У нее теперь и без меня будет все. Так что свой жизненный долг, можно сказать, выполнила! Ну, а ты-то как?

— У меня тоже всё слава Богу, — сдержанно ответила Любовь. — Как и у тебя, дети, правда, двое, внуки, но зато их уже семеро! На жилье не жалуюсь. Машины, правда, нет. Но зачем мне она? Главное — храм через дорогу. Далеко было бы трудновато — с ногами проблемы. Да и работа у меня там: в церковной лавке работаю…

— Ты что — верующей у нас, что ли, стала? — с какой-то легкой неприязнью удивилась Верочка.

И даже невольно отстранилась немного…

Взглянула на нее Любовь повнимательней…

Вместо православного крестика на груди — какой-то огромный золотой, с вызывающе сверкающими бриллиантами, знак зодиака. Брюки, в то время как женщине подобает ходить в юбке, ибо сказано в Святом Писании, что проклят всяк, носящий одежду противоположного пола…

Вспомнила все только что услышанные слова…

И с горечью окончательно убедилась, насколько далека ее подруга от веры и Бога.

Конечно, то, что она окончательно не сникла духом и не впала в уныние после того, как ее бросил муж, а стала бороться за жизнь и растить детей, похвально и даже очень. Но… кормя, одевая, уча их — она заботилась лишь о телах своих детей. А как же… души? Сделала ли она хоть что-нибудь для того, чтобы они были счастливы, нет, точнее блаженны, то есть, счастливы в высшей степени, а не крайне несчастны — потом? После этой, временной, тленной жизни — в Вечности?!

И она робко, с надеждой спросила:

— Ты хоть… крестила их?

— А как же? — важно отозвалась подруга. — Как только это стало дозволительно в нашей, с позволения сказать, стране — всех до единого! Все теперь крестят, а чем мои хуже?

— И в храм водила?

— А это еще зачем? Я и сама не помню, когда была там последний раз! Да и некогда было нам! Школа, музыкалка, фигурное катание, плавание для укрепления здоровья, потом университеты, затем — семейные заботы…

— Ну, они хоть у тебя венчаны?!

Верочка недовольно передернула плечом, из чего Любови сразу стало понятно, что нет.

Глядя на вокзальные часы, которые отсчитывали последние минуты их встречи, она лихорадочно думала:

«Как… как успеть объяснить Верочке, что на Страшном Суде с нее будет спрошено не то: накормила, одела и дала ли она образование своим детям. Это, конечно же, очень нужно и необходимо для этой жизни. Но ведь не самое главное, ибо в ней есть гораздо более важное и насущное… А спросится — научила ли с детства молиться? Дала ли спасительные ростки веры, которые приведут их в конце концов к Богу? И, если нет, а, судя по всему, это именно так, то, может, положить исправление прямо сейчас, только — начиная с самой себя! Ведь в Православии, пока жив человек, никогда и ничего не поздно!»

Но Любовь осторожно посмотрела на уже нетерпеливо теребившую безумно дорогую сумочку подругу и вздохнула. Времени на душеспасительные разговоры у них больше не было.

Да и разве Верочка стала бы слушать ее?

Ведь она для нее не авторитет.

Одета как все.

Точнее, почти как у все.

Сумочка — самая что ни на есть дешевая.

Машины и то своей нет.

А если б еще узнала, какая крошечная и скромно обставленная у нее однокомнатная квартирка…

И тогда Любовь сделала то единственное, что могла сделать для своей заблудшей в этой жизни подруги.

Возложила все свое упование на Бога.

Который может все сделать, как и все, всегда, везде — гораздо лучше нас, грешных людей.

«Господи! — что было сил взмолилась она на вокзале и продолжала, продолжала молиться всю ночь под перестук вагонных колес. — Сам, имиже веси, какими Ты Сам знаешь, судьбами, вразуми, наставь на истинный путь и… спаси ее, рабу Твою Веру! Вместе с детьми и внуками!»

Что было дальше, после того, как подруги расстались?

Послал ли Господь, например, в дальнейшей дороге действительно авторитетного для Верочки попутчика.

Богатого, еще больше, чем она, достигшего в жизни.

Но — глубоко верующего.

И живущего не тем, что сейчас, а тем, что будет потом.

Или — повел ее путями тяжелых скорбей, ибо в достатке, здоровье и счастье мы редко вспоминаем о Боге?

То теперь знает лишь один Бог.

Да сама Верочка…

Колыбельная

Спи, малыш, Господь с тобою,

Баюшки-баю!

Сон рекою голубою

Лег в родном краю.

Засыпают до рассвета

Улицы, дома.

Сладко-сладко спит конфета,

Снясь себе сама!

Снится трем котятам кошка.

Баюшки-баю!

И увесистая крошка

Снится воробью!

Спят стрекозы и улитки.

Баю-баю-бай!

Спят заборы и калитки,

Спит в саду сарай.

Спят деревья возле храма,

Папа лег в кровать.

И твоя родная мама

Тоже хочет спать…

Спи спокойно, баю-баю,

Закрывая дверь,

Я тебя не оставляю

Одного, поверь.

Будет Ангел твой хранитель

Песню петь свою

Про небесную Обитель…

Баюшки-баю!

Детская молитва

Гляжу на деток в храме, у икон,

Смотрю на светлых, радуясь при этом, —

Ведь им открыто то, что до времен,

Совсем недавних, было под запретом.

Молитесь, милые, за тех, кто есть и был,

Молитесь, чистые, за прадедов родимых,

Кто в вере устоял и отступил,

Кто был гоним, — и тех, кто гнал гонимых.

Молитва ваша юная чиста.

Чем, как не ей, разжалобить Мессию?

И потому прошу, ради Христа:

Молитесь, детки, крепко за Россию!

Благая часть

Откуда Марина могла знать, что обычная история, которая вот уже несколько лет повторялась из субботы в субботу, закончится так, что она не шла, а бежала к сестре после воскресной службы?..

…Все началось вчера вечером, когда она, как всегда в субботу, позвонила ей и сказала:

— Ирочка! Пойдем завтра в храм?

— Ой… — сразу замялась сестра. — Я бы и рада! Но ты же ведь знаешь — у меня завтра столько дел: стирка, готовка, глажка…

— Так сделала бы все это сегодня! — как всегда упрекнула ее Марина.

И, как всегда, услышала:

— Да ты что? Сегодня и без того дел хватило! Не понимаю — как это ты успеваешь: и отработать пять дней на двух работах, и накормить свою ораву, и обстирать, да и еще и в храм два раза в неделю сходить!

— Так потому и успеваю, что хожу туда! Давай ты тоже попробуешь, хоть разок, а? Тем более, что завтра не только воскресенье, но и великий Богородичный праздник!

— Нет, — уже решительно отказалась сестра. — Какнибудь в другой раз!

А потом была служба.

Марина, придя в храм пораньше, написала записки о здравии всех родных и ближайших знакомых, о упокоении душ усопших родителей и особенно близких ей людей. Поставила, как обычно, свечи перед всеми иконами.

Она очень любила эти последние мгновения перед началом службы.

И всегда приходила за 15–20 минут до первого возгласа священника.

Во-первых, они были наполнены какой-то неповторимой тишиной и торжественностью, которых Марина больше нигде и никогда не встречала. Ни в театре, который до того, как ей

впервые прийти в храм, любила больше всего на свете, ни в концертных залах, ни тем более, в других, какими бы они ни были большими и солидными, помещениях и домах.

А, во-вторых, она поступала так, чтобы не отвлекать потом молящихся людей хождением и неизбежными при подаче записок и покупке свечей разговорами у свечного ящика.

Когда священник вышел из алтаря с Крестом и Евангелием и прочитал положенные молитвы, Марина исповедовалась и благословилась на Святое Причащение.

С легкостью, которую тоже не сравнишь ни с одним из земных чувств, она прошла в самый дальний конец храма.

Прихожан в этот день было немного.

Каждый стоял на своем — наиболее удобном и привычном для него месте.

У Марины оно было слева, около окна. Там, где висела большая, два года назад совсем черная, а теперь сама собой просветившаяся до ярких, сочных красок, «Иверская» икона Пресвятой Богородицы.

Она заняла его, выслушала громко читаемые пономарем часы, которые, казалось бы, давным-давно уже должны были наскучить ей, так как неизменно повторялись перед началом каждой Литургии, и тем не менее, каждый раз притягивали чем-то новым.

Будто впервые услышанным.

Но все-таки самое главное было впереди.

Марина все с большим нетерпением, переросшим в то, что можно было смело назвать трепетом души, ждала его.

И, наконец, раздался возглас, от которого у нее каждый раз сладко сжималось сердце, а на глазах невольно появлялись слезы:

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа!»

«Аминь!» — громко и радостно грянул хор.

«Аминь!» — мысленно, с благодарностью Богу за то, что Он сподобил ее, простую земную женщину, встать на самом пороге Небес, произнесла и она.

Так началась Литургия.

Марина со старанием слушала возгласы священника и пение певчих на клиросе.

«Господи, помилуй! Господи, помилуй!» — неслышно для других, но очень громко для себя, только и повторяла вслед за ними она.

А как было не повторять?

Хоть и была она крещена с детства, но в храм стала ходить, только когда голову уже тронула первая седина. А сколько до этого было грехов, которые она по незнанию даже и не считала за грехи? Греховное сожительство с чужим мужем, два аборта, десять лет невенчанного брака, который тоже, как узнала она потом, можно приравнять к блуду. А зависть к тем, кто сумел

удобней устроиться в этой жизни? Гордость своей красотой? Острое чувство мести к любому, кто сделает ей хоть малейшее зло? Осуждение всех и вся?..

Потом алтарник читал Апостола. Хоть он и очень старался, к сожалению, трудно было уловить смысл священного текста. Мало того, что он был на церковно-славянском языке, с непривычными для слуха современного человека именами и названиями городов, и, в отличие от часов, обычно новым, так еще и читался сбивчиво и почему-то с паузами почти после каждого слова.

Тем радостней было слушать потом чтение Святого Евангелия, которое священник читал нараспев так, что было слышно каждую букву.

На этот раз в Евангелие, как и на всех Богородичных праздниках, говорилось о двух сестрах — Марфе и Марии. Одна из них, Марфа, заботилась о многом угощении. А другая, только слушавшая Христа, Мария избрала, по Его словам, благую часть.

Марина внезапно вздрогнула, таким созвучным показался этот отрывок ее отношениям с сестрой. Даже имена двух сестер из Евангелия были так же похожи между собой, как и у них.

Вспомнив про оставшуюся дома Ирину, Марина пригорюнилась и мысли ее сразу же отлетели далеко от храма и продолжавшейся в нем службы.

«Нет, — твердо решила она. — Нужно непременно уговорить ее».

Как никто лучше знавшая свою сестру, Марина стала перебирать все возможные доводы и аргументы, которые могли бы подействовать на нее…

Но тут на клиросе запели «Херувимскую».

«Всякое ныне житейское отложим попечение», — прозвучало в полной тишине, и Марина заставила себя не думать ни о чем другом, как только о службе: о жизни Христа, Его Тайной Вечери, Распятии, Воскресении…

После этого она причастилась.

И совсем уже позабыла о сестре.

Как вдруг священник в проповеди сам напомнил о ней.

— Вот смотрю я вокруг, вижу, как мало сегодня вас в храме, и с болью в душе думаю о тех, кто не пришел сегодня на службу! — пересказав то, что говорилось в Евангелие, с горечью сказал он. — Ладно бы еще был будний день, когда хочешь, не хочешь, нужно идти на работу. Но сегодня же — выходной. А ведь Литургия — это самое важное дело, которое только может быть в нашей земной жизни! Не случайно святые отцы выработали апостольское правило, согласно которому человек, не ходивший без уважительных причин три воскресенья подряд в храм, отлучается от Церкви. Разумеется, до тех пор, пока не покается и не начнет снова ходить в храм. Но тем не менее! Вы представляете, что это значит?

Священник обвел прихожан вопросительным взглядом и, как бы собираясь с мыслями, помолчав, сказал:

— Жил в XIX веке такой святитель Иннокентий Московский, он теперь святой. Так вот, есть свидетельство, что когда к нему в храм однажды принесли отпевать усопшего, он первым

делом спросил: «А как давно покойничек был в церкви?» — «Да уж с полгода!» — ответили ему. «Болел?» — «Нет, то был занят домашней работой, а то просто ленился!» — «Ну, так несите его обратно! Толку-то ему от того, что его отпевать будут!» — ответил на то святитель. А я от себя добавлю, что и свечку-то за такого человека без толку ставить!..

Священник помолчал, отмечая, какое сильное впечатление произвели его слова на прихожан. Ведь некоторые из них самым действенным в церкви почему-то считали поставить за кого-либо свечу. Значит, будет им теперь чем поделиться с другими! Глядишь — в следующее воскресенье будет гораздо больше людей!

И продолжил:

— Конечно, мне могут возразить, что после работы — на выполнение домашних дел только и остаются два выходных дня. Дорогие мои! Это всего лишь лукавая отговорка! Можно ведь распределить все дела, скажем, на каждый вечер и один день в неделю полностью посвятить Богу! Да что я говорю можно — необходимо! Ведь об этом даже в Заповеди говорится! Шесть дней работай, а седьмой посвящай Богу твоему. Но разве по этой Заповеди живет сейчас большинство людей? Счастье, что Господь так любит нас и желает нашего спасения, что если мы не идем к Нему по своей свободной воле, то Он призывает тогда нас через различные жизненные ситуации — скорби и искушения. А это могут быть болезни, несчастные случаи, которые на самом деле — счастливые и далеко не случайные!

— Истинную правду сказал батюшка! — выйдя из храма вместе с другими прихожанками, заметила одна из женщин. — Я вон однажды в воскресенье вместо того, чтобы пойти в храм, затеяла большую стирку. И что бы вы думали? Наступила на обмылок и сломала ногу! Полгода в гипсе пробыла. С тех пор, еще и колокола не начинают звонить, а я уже тут!

— Знакомая история! Я тоже… — подхватила другая женщина.

— А у моей соседки… — перебивая, ее начала третья…

И один рассказ был страшнее другого…

Услышав: «А у одной, покойной теперь подруги, которая не пошла на службу, когда вот тоже, как сегодня, совпадал Богородичный праздник с воскресеньем…» — Марина, не дожидаясь окончания рассказа, невольно прибавила шаг так, что обогнала всех женщин.

…И вот теперь, в конце концов, она уже не шла, а бежала домой к сестре.

Минуя лифт, бегом поднялась на пятый этаж.

Открыла своим ключом дверь. Не разуваясь, пробежала через коридор и… в ужасе замерла на пороге зала.

Ирина навзничь лежала на диване.

Лицо сестры было бледным.

Если не сказать, белым.

Рука безвольно свешивалась вниз.

Ноги Марины сразу стали ватными, непослушными.

— Господи!.. — прошептала она, бессильно опускаясь на пол. — Опоздала…

И тут рука Ирины шевельнулась. Она подняла ее и жестом бесконечно уставшего человека отерла тыльной стороной ладони лоб.

«Успела!» — увидев это, только и выдохнула от облегчения Марина.

Она была безмерно рада, да что там — просто счастлива, что на этот раз для ее упрямой сестры все обошлось так благополучно.

«Но как… — чуть было не застонав от отчаяния, подумала вдруг она. — Как объяснить ей всё, когда она, наконец, проснется?..»

* * *

Как мы наивны и беспечны!

Всё кажется, что будем вечны.

Да, вечны. Но такая вечность —

Лишь наказанье за беспечность.

* * *

Иуду осуждая очень строго,

Пилату не завидуя в судьбе,

Мы сами часто распинаем Бога,

Причем не где-то, а в самих себе.

* * *

Прости нас, Господи, и, по Твоей любви,

На гибельном пути останови.

Не дай идти, по вражьему призыву,

Евангельскими свиньями к обрыву!

* * *

Россия, Русь: славянское жнивьё…

Снежинка мира и метель побоищ.

Здесь — Родина, Отечество твое,

Здесь ясно всё, чего ты стоишь!

* * *

В чём была крепость Руси и сила?

В вере, которой славилась.

Если Русь перед Богом грешила,

То перед Ним — и каялась!

* * *

Дай, Бог, услышав третьих петухов,

Дойти до покаянного итога,

И получить прощение грехов,

И — возлюбить еще сильнее Бога!

Вечер в деревне (XIX век)

За стеной буянит вьюга.

Вечер. Спать давно пора.

Но, сидит, обняв друг друга,

Возле печки детвора.

А у дремлющей лучины,

Бородат, суров и сед,

Кутаясь в тепло овчины,

Им читает книгу дед.

Ту, что слышал сам от деда,

По которой, торопясь

Изучал после обеда,

(Пока спал тот!), буквиц вязь.

В книге все его науки,

Здесь написано, как встарь

Посылал святых на муки

Нечестивый римский царь,

Как монахи в кельях тесных,

Убежав от суеты,

Донесли до врат Небесных

Свои тяжкие кресты…

За окном темно и зябко,

Полночь близится к часам…

Головой качает бабка —

Зачитался, старый, сам!

А потом махнет рукою —

Чай, не лето, а зима!

Сядет рядом с детворою,

И… забудется сама!

[1] Правил Римской империей в 117–138 гг.

[2] Впоследствии — император Антонин Пий (138–161 гг.).

[3] Точнее, на основе евангельской притчи о милосердном самарянине. См. Евангелие от Луки (10:25–37).

[4] На которые Крапивин уже ходил пешком, даже не заметив, что от одного только решения пойти к Богу, его болезнь просто, как сказали врачи, чудом отступила, и его выписали из больницы.

[5] До этого писались и издавались стихи для детей.

[6] Бывало, он звонил мне средь бела дня и говорил, что завтра — исполнение его новой песни. «Поздравляю!» — с искренней радостью говорил я и слышал: «Так ведь к ней слов еще нет!» И начиналась затягивавшаяся едва ли нс до самого утра наша работа…

[7] Тот, кто хоть раз услышит его, тот сразу познакомится с незнакомым для него Барыкиным…

[8] К сожалению, советская власть вынудила великого ученого, старосту двух храмов, причем один из них был единственным в Москве, где, по его настоянию, звонили колокола, публично подвергнуть сомнениям вопросы веры. Но, тем не менее, судя по его дневникам, написанным разве что не кровью сердца, это был действительно глубоко верующий человек.

[9] Мужчины читают ее так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!»

[10] Судя по фамилии, предки этого Павла Андреевича были священниками, которым в старину нередко давались такие, связанные с церковными словами фамилии. Например: Преображенский, Рождественский, Богоявленский…

[11] Монах в священническом сане.

[12] Отец Дамиан говорил это так, что у меня даже закралась мысль: а не о своем ли далеком и глубоко раскаянном прошлом он мне рассказывает?

[13] Рассказы о нем «Катастрофа… без жертв» и «Богатый улов» можно прочитать соответственно в книгах монаха Варнавы (Санина) «Живые свечи» и «Маленькие рассказы, книга 1».

[14] О нем также можно прочитать в рассказах того же автора: «Богатый улов», «Зимняя проталина, или Новая притча на старый лад» и «Родинка».

[15] Еще в начале 20-го века, когда только-только начала входить в моду эта игра, великий преподобный Оптинский старец Варсонофий, прозорливец и чудотворец, предупреждал, что она — от лукавого.

[16] Военврач.

[17] Унтер-офицерский чин в казачьих войсках.

[18] Между прочим, знаменитые буденовки были изобретены и подготовлены для армии именно тогда. Захватившим власть в стране большевикам оставалось только взять их с военных складов и нашить на них красные звезды…

[19] Так бы оно и случилось, если бы сначала наши противники, а потом и союзники, крайне напуганные и обеспокоенные этим, не помогли устроить в России Февральскую и Октябрьскую революции.

[20] Серьгу в левом ухе носили казаки, которые были в семье единственными сыновьями. Делалось это для того, чтобы по команде «равняйсь», когда головы всех в строю поворачивались направо, начальство сразу могло видеть, кого следует поберечь при отправке на особо опасные задания.

[21] Написано на основе подлинного случая.

[22] Стас Теплое — главный герой серии книг монаха Варнавы «Тайна рубинового креста», ставшей лауреатом книжного конкурса «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшая книга для молодежи». Полностью с ней можно ознакомиться на официальном сайте автора.

[23] К счастью, Стас вскоре поймет, что главное в жизни совсем не деньги, не власть и не удовольствия. И поможет ему разобраться в этом приехавший из монастыря в деревню Покровскую старец — архимандрит отец Тихон.

[24] Справедливости ради, нужно сказать, что за два года, которые я прожил в той квартире, издательство так и не дождалось этого романа, выпустив вместо него несколько книг стихотворений и поэм. И вообще получило его еще через несколько лет. Но зато не один — а сразу три!

[25] «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня». Евангелие от Иоанна. (14.6)

[26] Этот рассказ написан, когда старец был еще жив. Теперь, после его ухода к Господу, можно назвать имя полностью: схиархимандрит Феофан.

[27] Которая особенно людям подается во время исповеди и святого причастия.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch